

Н. П. Грацианский, Е. К. Некрасова, А. Д. Удальцов

ИЗ ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО
ФЕОДАЛИЗМА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1934

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. Д. Удальцов. Родовой строй у древних германцев	7
Н. П. Грацианский. Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период	27
Е. К. Некрасова. Характер капиталистической деятельности аугс- бургского торгового дома Фуггеров	52
Введение	52
I. Сущность торгового и ростовщического капитала	59
II. Общий обзор деятельности Фуггеров	65
III. Участие Фуггеров в горном деле	89
Заключение	125

Родовой строй у древних германцев

Когда мы хотим изучить социальный и политический строй древних германцев, нам необходимо иметь в виду, что терминология античных авторов, писавших о германцах, не была адекватна описываемым ими общественным отношениям. Эти авторы употребляли терминологию, заимствованную ими из римской и греческой жизни, следовательно, из отношений, чуждых самим древним германцам. К тому же терминология не всегда выдержана, не всегда однородна, даже у одного и того же автора. Один термин мог, в другом случае, заменяться более пространством описанием или иным произвольно выбранным способом выражения или единичным термином, как казалось автору более соответствующим в данном случае чуждым ему, мало понятным отношениям. Все это затрудняет вскрытие из-за терминологии, которую употребляют античные авторы, подлинных общественных отношений самих древних германцев.

Вот почему полное решение вопросов возможно, особенно здесь, лишь в результате использования всех источников: археологических, лингвистических и этнографических. Выдвигается вопрос о семантике языка античных писателей в применении к древним германцам.¹

Античные писатели говорят о различных германских народах (*populi*) или племенах (*gentes, nationes, ἔθνη*) считая их, вместе с тем, и политическими единицами (*civitates*), иногда совершенно самостоятельными, иногда находящимися в зависимости (*sub imperio*) от другого, более сильного племени. Они указывают вместе с тем и на подразделения этих племен, или *civitates*, обозначая эти подразделения термином *pagus*. Эти *pagi* в эпоху Цезаря играли довольно самостоятельную роль, так как, по словам Цезаря, «*in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt*».²

В каком же отношении стояли друг к другу у германцев эти *civitates* и *pagi*?

Нет сомнения, что, говоря о германских *civitates* и *pagi*, античные писатели переносили в этом случае на германские отношения термины, употреблявшиеся ими ранее в отношении к кельтам Галлии. Что же обозначают эти термины в их галльском значении?

Галльские *civitates* вовсе не представляют собою «города-госу-

¹ Настоящая статья представляет собою часть главы подготовляемой мною работы, где мною использованы также источники археологические и этнографические.

² Caesar, De bello Gallico, VI, 23.

дарства» античного мира, это были племенные союзы, носившие племенные названия. Число их, согласно Тациту, ¹ доходило до 64. Эти *civitates* делились на части (*partes*), которые и назывались *pagi*. ² Интересно отметить, что ряд древних авторов (Плутарх, Иосиф Флавий) сообщает, что Цезарем было покорено в Галлии 300 или 305 «народов». Этим народам могли соответствовать только галльские *pagi*. Таким образом, эти *pagi* были довольно крупными племенными организациями, пользовавшимися значительной автономией и объединявшимися, в среднем, по четыре-пять в племенные союзы (*civitates*).

Конкретно мы можем видеть это на примере гельветов, с которыми пришлось столкнуться Цезарю вскоре после своего прибытия в Галлию. Их *civitas* состояла из четырех *pagi* («*omnis civitas Helvetia in quattuor pagos divisa est*»), ³ обладавших значительной самостоятельностью. Один из них, *pagus Tigurinus*, населенный племенем *Tigurini*, выступал, например, совершенно самостоятельно, отдельно от прочих, в кимврской войне и один разбил войско консула Л. Кассия. Этот «округ» — очевидно, отдельное племя, входившее в общий гельветский племенной союз (*civitas Helvetia*), — действовал довольно самостоятельно, отдельно от прочих и в столкновении с Цезарем и был разбит им раньше генерального сражения.

По аналогии с такими галльскими *civitates* и *pagi* должны представлять мы себе и германские *civitates* и *pagi*. Германские *civitates* — также племенные союзы, единство которых в мирное время очень слабо («*in pace nullus est communis magistratus*»). Реальной хозяйственной и политической единицей являются, следовательно, отдельные *pagi*; они же представляют собою единицу и в военном отношении. Каждый округ свевов ежегодно, в эпоху Цезаря, должен был выставлять по 1 000 воинов («*Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula milia armatorum bellandi causa ex finibus educunt*»); ⁴ 100 избранных пехотинцев из молодежи выставляет каждый округ для передового отряда, состоящего на половину из конницы, и по сообщению Тацита «*centeni ex singulis pagis sunt*»). ⁵ Чем же являются сами эти *pagi*?

Но здесь наше сравнение с галльскими отношениями уже не может нам ничего дать. Мы не имеем никакого права целиком переносить галльские отношения на германцев; различия в уровне общественного развития между теми и другими заметны и без последующего исследования. Уже Цезарь видел эту разницу между ними. ⁶

Описывая аграрные отношения у германцев, Цезарь говорит, что должностные лица и вожди (*magistratus ac principes*) — очевидно, те же окружные старшины, о которых речь шла выше (*principes regio-*

¹ Tacit., Ann., III, 44.

² Caesar, VI, 11.

³ Там же, I, 12.

⁴ Там же, IV, 1.

⁵ Tacit., Germ., 6.

⁶ Caesar, VI, 21.

num atque pagorum), — ежегодно отводили землю родовым группам, которые обозначены таким сложным выражением: «gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt». ¹

Перед нами раскрывается, следовательно, существо германского племени — pagus — как совокупности родовых объединений, — родовой характер германского племени.

Однако сохранился ли такой родовой характер германского племени и в эпоху Тацита?

Тацит также говорит об избрании на племенном вече окружных старшин, отправляющих правосудие, но дает им такую характеристику: «eliguntur in eisdem conciliis et principes, qui iura per pagos vicosque reddunt». ² Pagus представляется, следовательно, Тациту в виде совокупности деревень (vici). Имеем ли мы, однако, право говорить на этом основании о том, что ко времени Тацита родовой строй у германцев уже исчез, заменившись организацией территориальных сельских общин?

Отметим прежде всего, что и Цезарь знает уже о существовании деревень у германцев (например, vici у сигамбров). ³ С другой стороны, целый ряд свидетельств Тацита говорит о том значении, какое играли родовые отношения в жизни германцев в его эпоху.

Мы видели уже выше, что Тацит, подобно Цезарю, считает организацию pagi основой деления войска у германцев («centeni ex singulis pagis sunt»). ⁴ Однако тот же Тацит отмечает родовой характер военных построений древних германцев; их конные отряды и клинообразные колонны состоят из familiae et propinquitates, что особенно усиливает мужество воинов. ⁵ Таким образом, и у Тацита pagi обнаруживаются как совокупности родовых объединений (familiae et propinquitates).

Отметим еще один любопытный штрих. Когда противник Арминия, один из вождей херусков, Сегест, был осажден сторонниками первого, с ним были военные силы, которые Тацит описывает таким образом: «Segestes magna cum propinquorum et clientium manu». ⁶ Придя к нему на помощь, Германик обещает безопасность его сторонникам: liberis propinquisque. ⁷ Очевидно, Сегест стоит во главе вооруженных сил определенных родовых подразделений племени херусков. Характерно, что и злейший враг его, Арминий, пал впоследствии в результате коварства его же собственных propinqui («dole propinquorum cecidit»). ⁸

Особенно многочисленны указания на роль этих родных, propinqui, в жизни германцев в «Германии» Тацита. Для германца обязательно принимать на себя и вражду и дружбу отца или родных

¹ Caesar, VI, 22.

² Tacit., Germ., 12.

³ Caesar, IV, 19.

⁴ Tacit., Germ., 6.

⁵ Там же, 7.

⁶ Tacit., Ann., I, 57.

⁷ Там же, I, 58.

⁸ Там же, II, 88.

(«suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui quam amicitias necesse est»); при уплате пени за убийство возмещение получает *universa domus*; ¹ *propinqui* получают часть штрафа (*multa*) и за более мелкие преступления («*pars multae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur, vel propinquis eius exsolvitur*»). ² *Propinqui* участвуют на вече (*concilium*) в посвящении юноши в воина; ³ они вместе с родителями присутствуют при заключении браков и уплате приданного, ⁴ они же присутствуют при наказании жены мужем, уличившим ее в прелюбодеянии: голую, с обрезанными волосами, в присутствии *propinqui* (*coquam propinquis*) выгоняет он ее из дому и ударами гонит через всю деревню («*per omnem vicum*»); ⁵ чем больше родных, чем больше свойственников, тем почтеннее старость германца («*quanto plus propinquorum, quanto maior adfinium numerus, tanto pretiosior senectus*»). ⁶

Очевидно, в связи с теми же родовыми отношениями стоит и то широкое гостеприимство, о котором говорит нам Тацит: «отказать кому-либо из смертных в приюте считается грехом; каждый принимает и угощает по своему достатку. Если не достанет, хозяин указывает пристанище и сопутствует гостю; без приглашения они идут в ближайший дом. Это не имеет значения: их принимают с одинаковым радушием. Знакомого от незнакомого никто не различает в отношении права гостеприимства. При уходе, если кто что попросит, принято уступать (вещь); так же естественна и обратная просьба. Подаркам рады, но и дают их без корысти и берут без обязательств». ⁷

Большое значение придавал также и Энгельс ⁸ пережиткам отношений материнского рода у древних германцев. «Сыновья сестер в такой же чести у дяди, как и у отца. Некоторые считают этот вид кровной связи теснее и священнее и при взятии заложников предпочитают именно их, так как при этом и обязательство держится крепче, и схватывается более широкий круг домашних» («*et domum latius teneant*»). ⁹ Однако наследование идет уже по отцовской линии, хотя за отсутствием остальных наследников наследуют и дядья по матери. ¹⁰

Не буду в подтверждение этой точки зрения приводить другие соображения, достаточно убедительно высказанные еще Энгельсом в пользу существования у древних германцев родовых отношений. Только слепой может утверждать, что у нас нет никаких данных в пользу такого понимания быта древних германцев. И в эпоху

¹ Tacit., Germ., 21.

² Там же, 12.

³ Там же, 13.

⁴ Там же, 18.

⁵ Там же, 19.

⁶ Там же, 20.

⁷ Там же, 21.

⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 138.

⁹ Там же, 20.

¹⁰ Там же.

Цезаря и в эпоху Тацита существовал у древних германцев родовой строй, охватывавший собою все их общественные отношения.

Необходимо, однако, еще конкретнее представить себе этот родовой строй; для этого разберем два вопроса: о домашней большесемейной общине и о родовой аристократии.

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» оставляет неразрешенным вопрос о том, действительно ли перед нами у древних германцев род или домашняя община. По мнению Энгельса, «здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования». ¹

Вопросу о большой семье у германцев следовало бы посвятить особую работу. Здесь я позволю себе высказать лишь ряд соображений предварительного характера. Останавливаюсь на этом вопросе потому, что вопрос этот имеет большое методологическое значение. Как должны мы представлять себе, приступая к изучению родового общества у любого из народов на последней стадии его развития перед переходом к классовому обществу, место в родовом строе домашней большесемейной коммуны, ее отношение к другим социальным единицам родового общества?

Оговорю прежде всего одно обстоятельство.

Когда мы употребляем термин «большая семья», мы невольно исходным моментом для представления себе такой семьи делаем все же семью индивидуальную, более позднюю по времени ее возникновения. Большая семья — это как бы *расширенная, разросшаяся и не разделившаяся* малая семья. Между тем такое представление в корне ошибочно. Мы не имеем никакого права подходить к пониманию большой семьи, одного из элементов (позднего) родового строя, с точки зрения позднейшего образования, каковым была малая индивидуальная семья, являющаяся продуктом разложения большой семьи, не имеем права конструировать институт с точки зрения элемента его последующего разложения.

Это первое, что должны мы иметь в виду при подходе к изучению так наз. «большой семьи». В сущности, самый термин приходится признать весьма неудачным с этой точки зрения. Думается, более удачным должны мы были бы признать наименование объекта нашего внимания *домашней родовой коммуной*. Определение такой *домашней* (иногда она бывает дворовой коммуной, с общим коммунистическим хозяйством нескольких домов на одном дворе) ² *коммуны* как «родовой» коммуны точнее выражает ее характер учреждения родового общества (иногда пережитка этого общества в обществе классовом), его тесную, органическую первоначальную связь со всеми учреждениями этого родового общества. Это — низшая,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1933 г., стр. 136.

² Своеобразный вариант такой «большесемейной» коммуны дает, напр., в условиях кочевого хозяйства монгольский «хоттон» — низшая единица родового строя, родовая коммуна совместно кочующих кибиток, объединенных общим хозяйством и землепользованием.

наименьшая по объему, по числу своих членов единица коммунистического родового общества.

В развернутом виде можем мы наблюдать соотношение различных подразделений родового общества, напр., у *прокезов*, послуживших и Моргану и Энгельсу исходным моментом для изучения родовых отношений у других народов. У *прокезов* мы имеем: 1) союз племен, 2) племя (филу), 3) *фратрию* (братство), 4) род (тотемный союз) и 5) *домашнюю родовую коммуну*.

Такая домашняя коммуна является, с одной стороны, частью определенного *рода*, не обладающего своей территорией, но являющегося союзом, основанным на кровном родстве, и, с другой стороны, частью определенной деревни, обладающей своей территорией; следовательно, домашняя родовая коммуна является и единицей хозяйства, связанного с пользованием определенной территорией, и единицей кровнородственного характера.

Таким образом, «домашняя родовая коммуна» (большая семья), является частью *деревни или деревенской общины*, переживающей ряд стадий в своем развитии. Сначала это — деревенская община, совпадающая с «родом», так сказать, род, живущий одной деревней, — *деревенская родовая община* в собственном смысле этого слова; затем это — *деревня как совокупность домашних родовых коммун, принадлежащих к различным родам*; это, следовательно, деревня с родовым строем, но не совпадающая всецело с родом; наконец, это — сельская община как совокупность малых семей, на которые распалась большая семья. Между *деревней и домашней родовою коммуною* нет, таким образом, противоположности; на известной стадии развития родового строя большая семья является необходимым элементом деревни, деревенской общины. Рядом с *vicus* выступает перед нами как ее необходимая составная часть, *universa domus*, большая семья.

Обратимся к вопросу о знати в древнегерманском родовом обществе.

Что такое те *nobiles, maiores natu*,¹ о которых говорят Цезарь и Тацит?

При наличии родового строя это могут быть лишь представители родовой аристократии, образовавшейся в условиях патриархальной стадии его развития и начала зарождения имущественной дифференциации. Из этого слоя родовой знати избираются вожди (*principes*). Что здесь дело идет о знатном происхождении (ср. *maiores natu* у Цезаря),² а не о военной доблести, которая, как думает Неусыхин в своей работе о древних германцах, якобы придает германцу *nobilitatem*, — об этом Тацит говорит совершенно ясно: «*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*»³ («королей они избирают в силу знатности, вождей в силу их доблести»). «*Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant*» («выдающаяся знат-

¹ Caesar, IV, 13.

² Там же.

³ Tacit., Germ., 7.

ность или большие заслуги предков доставляют достоинство вождя даже юношам») — говорит Тацит в другом месте.¹ Иными словами, и здесь дело идет не о личной военной доблести, но о знатности, связанной с заслугами предков; должность вождя (*princeps*), как и короля, оказывается связанной с определенными родовыми группами, выделяющимися своей знатностью. Каждое племя обладает такою знатью (*nobilitas*). Мы слышим о *nobiles cheruscorum*,² о *primores Tungorum*,³ о *primores gentis* у батавов,⁴ наконец, о *stirps regia*⁵ у тех же батавов и у херусков, т. е. о той наиболее знатной родовой группе в племени, из среды которой только и можно было избирать королей. Все германские вожди, выступающие перед нами на страницах произведений античных писателей, всегда характеризуются в качестве представителей племенной знати. Этой группе племенной знати (*proceres, primores, maiores natu*) противопоставляется остальная масса племени, которая обозначается терминами: *ingenui, plebs, vulgus*.

Эта связь знатности с функциями вождей племени выражается и в том, что термины *nobiles* и *princeps* почти однозначны, часто заменяют один другой. Это значит, что *nobiles* стоят во главе племенных подразделений (*principes regionum atque pagorum*), как и всего племени в целом (*rex, princeps civitatis*), а *princeps* всегда в то же время являются и *nobiles*. Родовая знать — это совокупность больших семей, стоящих во главе родовых подразделений племени.

Как мы уже видели, германские *civitates*, являющиеся большей частью союзами родственных племен (*pagi*), состоят из *gentes*, а последние — из *cognationes hominum, qui una coierunt*, т. е. из домовых большесемейных коммун, группирующихся главным образом в деревни (*visi*). Во главе каждой из этих родовых групп стоят семьи их вождей, которые обычно и избираются из одной и той же семьи, семьи вождей племени (*stirps regia*) или рода. Совокупность этих семей, из которых каждая стоит во главе соответствующих подразделений племени, и составляет племенную аристократию.

Такая племенная аристократия не могла быть особенно многочисленна: ведь во главе каждой родовой группы, каждого подразделения племени стояла, очевидно, одна семья вождей этого племени или родовой группы. Понятно поэтому, почему в результате войн могла вымирать эта аристократия, — вспомним знать племени херусков, которая настолько сократилась в результате непрерывных войн, что приходилось принять в качестве короля единственного оставшегося в живых потомка «королевского рода» (*stirps regia*) Италика, несмотря на то, что он жил в Риме, вдали от своего племени, очевидно, порвав временно непосредственные с ним связи.

¹ Tacit., Germ., 7.

² Tacit., Ann., XI, 16.

³ Tacit., Hist., IV, 66.

⁴ Там же, IV, 14.

⁵ Там же, IV, 13; Ann., IX, 16.

Итак, между каждой «знатной» семьей и соответствующей родовой группой должна была быть особая тесная связь. Не было «родовой» или «племенной» знати «вообще» — были знатные семьи, стоящие во главе отдельных соответствующих им родовых групп. Во главе всего племени или союза по крайней мере в эпоху Тацита, стояла знатная большая семья, из среды которой выходили те *principes civitatis* или *reges*, о которых говорит Тацит, и которую в последнем случае он обозначает как *stirps regia*. За нею шли знатные семьи, стоящие во главе отдельных *pagi* и выделяющие из своей среды *principes pagorum*, затем семьи, стоящие во главе отдельных родов (*gentes*), и, наконец, семьи, из которых избирались вожди деревни (*vicus*); во главе каждой большой патриархальной семьи, патриархальной домашней родовой коммуны, стоял свой «глава» коммуны (*pater familiae*). Таков обычно состав, такова организация и иерархия так наз. «родо-племенной» знати — такой должны мы представлять себе эту последнюю и в эпоху Тацита. Понятно поэтому, почему знатность предков — иначе, принадлежность к соответствующей знатной семье — могла выдвигать в ранг *principes*'а того или иного подразделения племени или всего племени в целом даже юношу. Понятна поэтому и тесная связь между *nobilitas* и *magistratus* — «должностью» принцепса.

Итак, стоящие во главе германских племен и их родовых подразделений *principes* — это племенные и родовые старейшины, представители племенной и родовой знати. О какой-либо иного рода магистратуре (*magistratus*) в родовом обществе, очевидно, не может быть и речи. О военном предводительстве скажем далее.

Можно отметить для эпохи Тацита один новый момент, характерный по сравнению с предшествующей эпохой Цезаря: если в эпоху Цезаря королевская власть, повидимому, являлась большой редкостью и имела своей основой первоначально военную власть (ср. власть «короля германцев» Ариовиста), то в эпоху Тацита королевская власть сложилась уже у многих племен, вероятно, в результате развивающейся социальной дифференциации и зарождения внутренних антагонизмов.

Чем же родо-племенная знать, *nobiles*, отличалась от всей остальной массы племени (*plebs, vulgus* у Тацита)? Отличались ли эти два слоя родового общества также и в имущественном отношении, представляя собою зачатки классов? Можем ли мы считать общество древних германцев классовым обществом?

Если мы обратимся, прежде всего, к Цезарю, то увидим, что Цезарь считал это общество обществом без классовых противоречий, без социальной розни и борьбы классов. Это ставил он в связь с отсутствием частной собственности на землю; на этой почве, разъясняет он, и не наблюдалась у германцев страсть отдельных личностей к расширению своих владений (*latos fines parare*) и к отнятию более сильными (*potentiores*) земли у более слабых (*humiliores possessionibus expellere*); каждый мог видеть, что в имущественном отно-

нении он равен с людьми наиболее могущественными (suas opes cum potentissimis aequari videant).¹

Правы, конечно, те историки, которые видят в этих словах Цезаря выражение его политических взглядов. Для современной ему Италии основным злом ее социального строя являлись рост латифундий, исчезновение свободного крестьянства и ожесточенная борьба партий, сопровождавшаяся убийствами и конфискациями. В начальную пору своей политической карьеры Цезарь стремился к «реформе» общества путем так называемого «аграрного закона», имевшего своей целью восстановление крестьянства. Осуществление своих политических идеалов на практике, своего рода «золотой век» человеческого общества, и видит Цезарь в далекой Германии.

Однако для такой политической риторики Цезарю нужен был все же какой-то реальный исходный пункт в его сведениях о древних германцах, в первую голову о свевах. Что-то поразило Цезаря в социальном строе германцев и заставило его разразиться вышеприведенными морально-политическими сентенциями. Однако, кроме указаний на родовой строй у германцев (ср. его «gentes cognationesque hominum!»), иных данных, конкретизирующих этот вопрос, мы у него не находим.

Обратимся поэтому к Тациту.

Материал, сюда относящийся, довольно значителен. Однако все это — лишь разрозненные сведения, сами нуждающиеся в комментариях. Мы встречаем здесь и указания на рабовладение, причем Тацит упоминает как о домашних рабах, так и о рабах, напоминавших ему римских колоннов,² и указания на развитие богатства (locupletissimi),³ особенно у nobiles и principes (Маробод и Ванний),⁴ в частности, напр., у скандинавского племени свионов,⁵ у которых отчетливо различает Тацит три слоя: nobiles, ingenui и servi и, кроме того, libertini. Имеем ли мы перед собою уже сложившиеся общественные классы?

Основной вопрос при решении проблемы классов — это вопрос о землевладении. Можно ли говорить применительно к древним германцам о наличии у них *частной собственности на землю, этого основного средства производства* в первобытную эпоху?

Подвергнем анализу все свидетельства, которые приводят для доказательства своих утверждений сторонники существования у древних германцев частной собственности на землю. Отметим, что сторонники этой теории не настаивают на данных Цезаря; в эпоху Цезаря земля, быть может, и не была в частной собственности, говорят они, имея в виду прямые указания Цезаря, что «privati ac separati agri apud eos nihil est» (у них нет частной собственности на

¹ Caesar, VI, 22.

² Tacit., Germ., 25.

³ Там же, 17.

⁴ Tacit., Ann., II, 62; XII, 29.

⁵ Tacit., Germ., 44.

землю), ¹ или: «neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprias» (ни у кого нет точно отграниченного поля или определенных участков земли) ² и что земля находится во временном (на один год) пользовании родовых групп (*gentes cognationesque hominum, qui una coierunt*). ³ Вся аргументация в пользу существования частной собственности на землю заимствуется у Тацита.

Частную собственность на землю видят у фризов уже с начала нашей эры. Тацит рассказывает в *Анналах*, ⁴ что на фризов, вступивших в зависимость от Рима, был наложен непосильный налог (*tributum*). В результате фризы «лишились сначала самих быков, затем полей и, наконец, должны были отдать в рабство своих жен и детей» («*Ac primo boves ipsos, mox agros, postremo corpora coniugum aut liberorum servitio tradebant*»).

Каким образом могли фризы лишиться своих полей? Очевидно, они должны были их продать, чтобы вырученными деньгами покрыть недоимки; а раз так, раз земля могла продаваться — значит, она находилась уже в частной собственности, и притом частная собственность на землю должна была быть развита как раз у наиболее несостоятельных членов племени, которые оказались прежде других плохими плательщиками налога.

Однако в этом случае возможно и иное толкование текста. За неплатеж налогов фризы могли стоняться с занимаемой ими земли, которая конфисковалась римскими чиновниками, и таким образом окончательно разорялись. Во всяком случае дело идет здесь о совершенно *особых условиях*, в каких оказалось германское племя, вступившее в зависимость от Рима и платящее налог (*tributum*); мы не имеем права переносить возникающие в этих случаях отношения на общественный строй германцев у себя на родине.

В пользу частной собственности привлекалась и знаменитая 26-я глава «Германии» Тацита. Термин «оссураге» толкуется при этом в смысле «присвоения» земли в частную собственность. Вот как переводит знаменитый абзац этой главы Неусыхин, идя довольно близко в этом отношении по стопам Дюпона: ⁵

«Земля занимается (присваивается) всеми (друг для друга) по числу поселенцев и вскоре после присвоения делится сообразно социальному положению (рангу) каждого; дежез облегчается изобилием полей» («*Agri pro numero cultorum ab universis invicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant*»).

Как видим, Неусыхин присоединяется здесь к «толкованию» Дюпона, которое он считает «наиболее осторожным» (!). По этому

¹ Caesar, IV, 1.

² Там же, VI, 22.

³ Там же.

⁴ Tacit., Ann., IV, 72.

⁵ Неусыхин, Общественный строй древних германцев, стр. 147.

⁶ Tacit., Germania, 26.

«толкованию» «оссураге» имеет здесь оттенок (!) присвоения земли в собственность, ибо в устах Тацита «оссураге агрогитум» звучит как вполне определенный технический термин римских землемеров. Отсюда заключение: «единственно, что можно извлечь из известной фразы Тацита, — это указание на наличие частной собственности на землю у германцев I в. н. э.».

Тенденциозность такого «толкования» и «перевода» бросается в глаза. Кем «занимается» земля «pro numero cultorum»? Всем племенем? Но разве существовала у древних германцев хотя бы и приблизительная статистика населения, кроме как разве в отношении к военным отрядам? То же, в сущности, относится и к территории *pagus*. Итак, остаются деревни (*vicus*), в которых число рабочих рук могло быть приблизительно известно. Но в таком случае надо предположить, что дело идет об основании новой деревни на новом месте. Однако совершенно непонятно, почему Тацит в своей 26-й главе, касаясь отсутствия у германцев ростовщических операций и говоря затем о технике сельского хозяйства, словом — описывая повседневный быт германцев, вдруг в середине этого описания начнет — буквально, ни с того ни с сего — говорить о том, как основывают германцы новые деревни или — возьмем другой вариант — как оседает племя, переселившееся на новую территорию. Дело идет, конечно, об обычных, повседневных бытовых условиях жизни германцев, а не об исключительных случаях, нарушающих обычное течение их хозяйственной жизни.

Постараемся сами возможно объективнее истолковать знаменитое место из Тацита, так часто «истолковываемое», а еще чаще искажаемое. Последнего постараемся избегнуть.

Прежде всего я думаю, что, давая свое знаменитое описание земельных распоряжений у древних германцев, Тацит имел перед глазами не менее знаменитые характеристики тех же отношений у Юлия Цезаря. В общем ход мыслей у обоих один и тот же, хотя имеется и некоторое своеобразие в деталях.

В самом деле, о чем говорит Цезарь?

«Они мало занимаются земледелием, и большая часть их пищи состоит из молока, сыра и мяса. И никто из них не имеет точно отмеренного участка поля или определенных границ, но должностные лица и вожди ежегодно отводят родовым группам и объединениям родственников где и сколько окажется нужным земли и через год побуждают переходить на другое место». Далее идет политико-моральное обоснование этого распорядка, и затем сообщается: «наивысшая слава для государства — обладать вокруг себя пустырями, опустошив на возможно широкое пространство пограничные области...» (*Agriculturae non student, maiorque pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coherunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno postalio transire co-*

gunt.... Civitatibus maxima laus est quam latissime circum se vastatis finibus solitudines habere...»).¹

Первоначальный вариант этого описания, данный в главе IV, говорит, хотя и короче, о том же: «Но земля у них не поделена и не находится в частной собственности, и нельзя им оставаться более года на одном месте для возделывания земли. Питаются они не столько хлебом, но главным образом молоком и мясом мелкого скота, и много охотятся... Они считают высшей для государства славой, когда пустуют возможно большие земельные пространства вокруг их границ» («Sed privati ac separati agri apud eos nihil est neque longius anno remanere uno in loco colendi causa licet. Neque multum frumento sed maximam partem lacte atque pecore vivunt multumque sunt in venationibus... Publice maximam putant esse laudem, quam latissime a suis finibus vacare argos...»).²

Выделим основные положения Цезаря, касающиеся аграрных распоряжений у древних германцев: у них нет частной собственности на землю; земля не поделена, но занимается под обработку только на год, причем получают землю родовые группы и объединения родственников, где и сколько это окажется нужным. Вокруг границ племени лежат обширные пустыри земли.

Разве не о том же самом говорит, в основном, и Тацит?

«Земли в соответствии с числом земледельцев занимаются всеми вместе в порядке очереди, а затем их разделяют между собою согласно достоинству; раздел облегчается пространностью полей. Пашню меняют через несколько лет, и остается излишняя земля» («Agri pro numero cultorum ab universis invicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem parciendi camporum spatia praesentant. Arva per annos mutant, et superest ager»)³

Для непредубежденного слушателя картина более или менее ясна. Германцы занимают землю *под обработку* — это доказывается необходимостью занимать ее в соответствии с числом рабочих рук, а также последней поясняющей фразой: «arva per annos mutant» (пашня меняется через несколько лет). Тацит и говорит здесь о порядке смены обработанных полей (arva); поля под обработку (agri — еще не обработанные) сменяются через несколько лет *invicem* — в известной последовательности, попеременно; занимается земля под обработку в соответствии с числом земледельцев всеми вместе (ab universis), но кем «всеми вместе»? Да очевидно ведь, что «ab universis cultoribus» — всеми земледельцами вместе. Затем она делится «secundum dignationem», — это самое неясное место. Между кем делится для обработки земля, занимаемая всеми земледельцами вместе, и какой характер носит эта совокупность земледельцев? Является ли последняя деревней, сельской общиной, и не распре-

¹ Caesar, VI, 22—23.

² Там же, IV, 1 и 3.

³ Tacit., Germ., 26.

деляется ли земля для обработки между отдельными домашними родовыми коммунами? Такое предположение кажется мне наиболее правдоподобным, особенно в соответствии со всем сказанным нами об общем характере общественного строя древних германцев, а также и с сообщениями Цезаря.

И Цезарь и Тацит указывают на переложную систему земледелия, только по Цезарю пашня сменяется ежегодно, по Тациту — через несколько лет. Надо полагать, что каждая деревня (*vicius*) владеет своей особой земельной территорией. Если такая деревня представляет собою совокупность домашних родовых коммун (больших семей) (*universa domus*), то ясно, что эти коммуны в пределах такой территории владеют лишь правом пользования землей, а при переложной системе земледелия вынуждены каждые несколько лет всей деревней, всей совокупностью домашних коммун, менять обрабатываемую площадь, в известном порядке занимая отдельные участки и распределяя их между собою. При этом отдельные коммуны могли получать различное количество земли; не говоря уже о различном количестве рабочих рук в отдельных коммунах, среди них, несомненно, выделялась большая семья деревенских старшин, получающая по своему положению в деревне (*secundum dignationem*) большую площадь, обрабатываемую ею с помощью рабов.

Но, кроме деревень, наши источники упоминают и *aedificia* («*vici et aedificia*»);¹ очевидно, это одиночные хутора, разбросанные на отдельных займках.

Встречаются также указания на *villae*. У убиев упоминаются *villae, arva, vici*² (виллы, пашни, деревни). Особо следует упомянуть о виллах вождя батавского мятежа Цивилиса: опустошая батавский остров в 70 г. н. э., римский полководец Цериалис пощадил *agros villasque* Цивилиса, как говорит Тацит, согласно уловке полководцев: «*Cerialis insulam Batavorum hostiliter populatus agros villasque Civilis intactas nota arte ducum sinebat*».³ Цериалис пощадой имущество неприятельского вождя рассчитывал, очевидно, возбудить против него подозрения в его тайном соглашении с римлянами.

Указания на существования таких *villae* — усадеб, находившихся, очевидно, в личном владении отдельных вождей, сторонники существования у германцев частной собственности на землю пытаются использовать для доказательства своих взглядов. В связи с этим стоят и их указания на особый вид рабовладения у германцев, описываемый Тацитом в 25-й главе «Германии».

«Прочими рабами, — пишет Тацит, — они пользуются не по нашему, распределяя их в домашнем хозяйстве по отдельным службам; каждый раб владеет своим жилищем и своими пенатами. Гос-

¹ См., напр., у Цезаря о пребывании его в области сигамбров, после чего он «*omnibus vicis aedificiisque incensis frumentisque succisis se in fines ubiorum recepit*» (IV, 19).

² Tacit., Hist., XIII, 57.

³ Там же, V, 23.

подин облагает его, подобно колону, определенной мерой хлеба или мелкого скота или одежды, и раб только это и выполняет: остальные обязанности по дому выполняют жена и дети» («Ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur; suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit et servus hactenus paret; cetera domus officia uxor ac liberi exsequuntur»).¹

Сторонники существования частной собственности на землю утверждают, что подобный порядок возможен только при наличии такой собственности: раб получает от господина (dominus) определенный участок земли и несет с такого надела оброк; очевидно, господин раба (dominus servi) является вместе с тем и господином, собственником земли (dominus terrae).

Однако такой порядок возможен и не только при наличии частной собственности на землю.

Опираясь на сравнительно-этнографический материал, характеризующий земельные распоряжки в обществах с родовым строем, мы можем предполагать, что и у древних германцев возможно было, наравне с прочным, длительным землепользованием домовых коммун, существование — также на общинной, деревенской земле — отдельных расчисток нови или займок, которые могли находиться в индивидуальном пользовании отдельных членов деревни. Такие займки (villae), в первую голову, могли производить, конечно, более состоятельные члены племени, родовых групп или деревни, — вожди племени, старшины отдельных его родовых групп или деревень; в их же руках могли, прежде всего, находиться и рабы, расчищающие новь и платящие определенный оброк своему господину.

Но и в пределах земель, обрабатываемых самими домовыми коммунами, вовсе не обязательно предполагать равенство; раз мы имеем землепользование, а не юридический титул собственности на землю, землепользование, непосредственно связанное с ее обработкой и обусловленное наличием последней, ясно, что размеры земельной площади, обрабатываемой отдельной коммуной, обуславливаются, конечно, количеством рабочих рук в каждой домашней коммуне; кроме того, более богатые домашние коммуны, обладающие также домашними рабами — о их наличии Тацит говорит совершенно определенно, отличая их от рабов, сидящих на земле и ведущих свое хозяйство, — могли освоить большие участки деревенской земли, чем захудалые, малочисленные коммуны. Намечалось, таким образом, начало социальной дифференциации, внутри родового общества в целом, внутри каждой его деревни в частности.

Но можем ли мы уже говорить о *классах* в древнегерманском обществе, является ли оно уже *классовым обществом*?

Торговые барыши, военная и просто награбленная добыча, крупное владение стадами, более крупное земледельческое хозяйство и т. д. — все это в родовом обществе выделяет отдельные группы

¹ Tacit., Germ., 25.

или даже индивидуумы в качестве более богатых членов племени. Родо-племенная знать — не только совокупность племенных вождей и родовых старейшин, но также совокупность наиболее состоятельных элементов. Процесс накопления средств производства и связанная с ним имущественная дифференциация и не создают непосредственно классовой дифференциации, то все же они являются *предпосылкой*, на основе которой зарождаются классы.

Особое место занимает накопление сокровищ, в первую голову денежных богатств. Тацит говорит уже о *locupletissimi*,¹ которые отличаются от остальных одеждой и украшениями.

Но основной момент для решения вопроса о классовом характере древнегерманского общества, о том, имеем ли мы здесь родовое еще общество как последний этап в развитии доклассовой формации или уже первые стадии развития общества классово-феодального — это *вопрос о рабовладении*.

Наличие рабовладения в древнегерманском обществе не подлежит сомнению. По описаниям Тацита, рассеянным по его «Германии», мы можем даже убедиться, что древние германцы знали два вида пользования рабами — в качестве домашних рабов, а также ведущих самостоятельное хозяйство и платящих оброк.² О последней форме рабовладения мы уже говорили.

Существование подобных форм рабовладения известно и в этнографической литературе. Приведу лишь несколько примеров из общей этнографической литературы. Кунов в своей «Всеобщей истории хозяйства» описывает (следуя Шванеру, «Борнео, описание бассейна реки Бариту») на острове Борнео, у даяков, нечто подобное: «Рабов имеют часто только вожди, которые являются обычно самыми богатыми людьми своего села. Хотя раб считается собственностью своего господина, все же в общем обращение с ним хорошее. От него не требуется чрезмерных работ. Рабы, конечно, не имеют никаких прав на сельские земли, но все же раб имеет право вспахать ниву и участвовать в совещаниях свободных. Вождь обыкновенно дает рабу участок для его пропитания, который он может обрабатывать для себя и для своей семьи, но на который он не приобретает никаких прав, несмотря на эту работу».³ Нечто подобное отмечает Кунов и на острове Суматре, у баттаков; и здесь рабы «имеют свою собственную семью и поля и по наружному виду ничем не отличаются от остальных сельских жителей».⁴

Наконец, у Шурца мы встречаем указания на подобного же рода отношения. Шурц,⁵ на основании сведений фон Эберштейна для восточноафриканской области Кильва (исповедующей ислам), сообщает следующее: рабы распадаются на две группы — полевых

¹ Tacit., Germ., 17.

² Там же, 25.

³ Г. Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 404.

⁴ Там же, стр. 410, 411.

⁵ Шурц, История первобытной культуры, стр. 147, 148.

рабов и домашних рабов. «Домашних рабов хозяин одевает и кормит, полевые же рабы пять дней работают на господина и два дня на себя; в эти дни они должны кормиться на свой счет; другие живут совершенно за свой счет, платят господину только определенную годовичную подать, но вместе со своим имуществом, к которому могут принадлежать также рабы, считаются собственностью господина».

Позволю себе пока ограничиться этими случайными примерами, — вопрос заслуживает специального, более серьезного исследования.

Итак, на основании всего изложенного мы должны прийти к следующим заключениям.

Древние германцы находились на последней стадии развития родовых отношений, в стадии патриархального родового строя. Основной территориальной хозяйственной единицей являлась деревня, состоящая из домашних родовых коммун, пользующихся для обработки, в порядке переложной системы, землей деревенской общины. Более богатые, более знатные семьи родо-племенных и деревенских вождей и старейшин, владевшие большими стадами скота и рабами, имели возможность использовать большее количество общинной земли, особенно из числа необработанных еще земельных запасов, которых было еще много (*arva per annos mutant et superest ager*). Таким образом могли возникать на общинных землях отдельные заимки и хутора (*aedeficia*), иногда настоящие усадьбы (*villae*).¹ Здесь намечались уже зачатки классовых отношений, зачатки нового экономического уклада, рабовладельческих отношений. Кроме домашних рабов, могли быть и сидящие на земле рабы, платящие оброк.

Однако это не было процессом образования новой рабовладельческой античной общественной формации. Вполне оправдывается современными нашими научными сведениями положение Энгельса, что первой формой разделения общества на два класса было разделение его на господ и рабов. «С рабством... произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы».² То же имело место и у древних германцев; зачатками классов были и у них возникающие рабовладельцы и рабы. Первые антагонизмы, пока еще в зародыше, были антагонизмами между господами и рабами. К этому присоединялся вновь возникающий антагонизм между новым, классовым общественным укладом, возглавляемым рабовладельческой и скотовладельческой аристократией, облекавшейся пока в форму кровнородственных отношений, и старым, родовым укладом бесклассового общества. Намечалось начало будущей борьбы двух укладов — бесклассового и классового.

¹ Последнее могло особенно иметь место у тех германцев, которые селились на римской территории и вступали в зависимость от Рима (фризы, батавы и т. д.).

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 178.

Но новый классовый способ производства, легший в основу новой, сменившей родовое общество классовой фбрмации, не был рабовладельческим способом производства в его античной форме. У древних германцев на развалинах родового строя возник на захваченной ими римской территории феодализм. Рабовладельческий уклад не развился здесь в самостоятельную общественную формацию; он лишь подготовлял почву для развития феодальной формации. Рабовладение было здесь лишь необходимой стадией для будущего возникновения феодализма.

Однако самый строй древних германцев отнюдь не был еще феодальным и классовым. Мы должны решительно протестовать против попыток переносить категории классового общества, как, напр., классы, частная собственность, поместье и т. д., как это делают Дюшш, Петрушевский и Неусыхин, и на древнегерманское общество.

Надо сказать, что древние германцы, подобно тому как не представляли собою какого-либо единства в этническом или политическом отношении, не являли собою единства и в отношении экономического развития. Среди них были отдельные племена, стоявшие на более примитивных стадиях развития, тогда как другие племена подвинулись вперед в своем развитии уже к эпохе Тацита.

Нельзя не указать, прежде всего, на картинное описание Плинием в его «Naturalis Historia» быта приморских хавков. Это племя жило на самом берегу, заливаемом морем во время приливов, строя свои хижины или на немногих возвышенностях или искусственно сооружая нечто вроде свайных построек. «Жители во время прилива похожи на мореходов, плывущих на кораблях, во время отливов — на потерпевших кораблекрушение. Они ловят тогда вблизи своих хижин уплывающую вместе с морской водой рыбу. Они не могут держать скот и питаться молоком, подобно соседям; не могут даже охотиться на диких зверей, ибо возле них нет ни кустика. Из тростника и болотного камыша плетут они веревки и сети для рыбной ловли. Руками собирают они ил (торф), сушат его — больше помощью ветра, чем солнца, — и употребляют эту землю в качестве топлива, чтобы готовить себе пищу или отогревать свое коченеющее от постоянных северных ветров тело. У них нет никаких напитков, кроме дождевой воды, которую они собирают в ямах, устроенных в преддвериях хижин. И эти-то племена, будучи ныне побеждены римским народом, еще говорят о рабстве». ¹ В 47 году н. э. это приморское племя хавков под предводительством Ганнаско, из племени каннинефатов, совершило морской набег на Нижнюю Германию. «Per idem tempus chauci... inferiorem Germaniam incursavere duce Gannasco, qui natione Canninefas auxiliare stipendium meritis, post transfuga, levibus navigiis praedabundus Gallorum maxime oram vastabat, non ignarus ditescere et inbelles esse». ²

На другом конце общественного развития приходится поста-

¹ Plin., Nat. Hist., кн. XVI, гл. 2—4.

² Tacit., Ann., XI, 18.

вить другое приморское племя — мореходов-свионов, «сильных не только людьми и оружием, но и флотом». «У них и богатство в почете («Est apud illos et oribus honos»),¹ потому у них господствует один человек...» О других особенностях этого племени поговорим далее.

Мы подходим здесь к организации политической власти у древних германцев. Наличие у них родового строя заставляет нас критически отнестись к терминологии античных писателей и в этой области (*civitates, reges, magistratus, princeps, nobilis* и т. д.).

Уже предшествующий анализ показал нам, что *civitates* германцев являются, в сущности, лишь племенными союзами, состоящими из отдельных племен — *pagi*, в свою очередь распадающихся на родовые объединения (фратрии, роды или тотемные группы и домашние коммуны, живущие деревнями); в соответствии с этим и стоящие во главе всех этих племен и родовых подразделений *principes*, называемые иногда также должностными лицами (*magistratus*), являются старейшинами, вождями соответствующих родовых групп (напр., *principes pagorum*) или всего племени (*principes civitatis*), избираемыми на народных собраниях (*concilia*) из числа определенных знатных семей, возглавляющих как бы наследственно эти родовые организации. Верховная власть принадлежит народному собранию (*concilium*).

Такое народное собрание представляют себе обычно по одному типу — это собрание всего способного носить оружие мужского населения племени, точнее — племенного союза, — *civitas*. Думается, следует изменить здесь традиционную точку зрения.

Обратимся к свевам Цезаря. Мы читаем у него в IV книге его «Записок»,² что, когда он намеревался вступить в пределы свевского племенного союза, свевы, по сведениям убиев, созвали по своему обычаю собрание (*concilium*), а затем разослали во все концы своей страны вестников с приказом всем покинуть укрепления (*oppida*), попрятать детей, жен, имущество в лесах, а всем способным носить оружие собраться в одном месте.

Итак, свевы собрали «народное собрание» (*concilium*), а между тем все способные носить оружие на нем не были; они должны были впоследствии собраться в одном месте лишь для того, чтобы сражаться с римским войском, которое собиралось вторгнуться в их страну; оповещать воинов племени надо было через особых вестников. («*Suebos... more suo concilio habito nuntios in omnes partes dimisisse, uti de oppidis demigrarent, liberos, uxores suaque omnia in silvis deponerent, atque omnes, qui arma ferre possent, unum in locum convenirent...*»).

Совершенно очевидно, что все население свевского племенного союза (*civitas*), состоявшего из ста *pagi*, никак не могло бы собраться на одно народное собрание; такое собрание не могло бы быть

¹ Tacit., Germ., 44.

² Caesar. XVIII,

регулярно действующим верховным органом всего союза. *Concilium* для всего союза по необходимости превращалось в совет вождей и старейшин племени и родовых его подразделений. Собравшееся войско подтверждает или отвергает постановления такого совета старейшин. Лишь для более мелких племен — *pagi*, которые часто вели самостоятельную не только внутреннюю, но и внешнюю политику, — возможны такие всенародные собрания как постоянный орган. Такие же *concilia* должны мы предполагать и внутри отдельных родовых групп, а также деревень. Центральные *concilia* всего племени или племенного союза, в сущности, и выражали собою мнение этих *pagi* и родовых групп в лице их представителей. В случае несогласия отдельные части племени во главе со своими вождями могли не принимать участия в общем предприятии (Сегест во время войн Арминия с римлянами или Ингвиомер во время войны его с Марободом). С этой точки зрения и та общая власть, которая устанавливалась во время войны — вспомним, что согласно Цезарю: «*in pace nullus est communis magistratus*» — с правом жизни и смерти, власть эта была, в сущности, лишь командованием над собравшимся войском, не простираясь за пределы последнего на тех соплеменников или даже на те части племени, которые не принимали участия в походе.

С этой точки зрения становится для нас понятной и власть так наз. *reges*. «*Nec regibus infinita aut libera potestas*»,¹ говорит Тацит в своей «Германии»: «у королей нет неограниченной или произвольной власти, и вожди (*duces*) главенствуют не столько в силу своей власти (*imperio*), сколько тем, что подают пример, возбуждая удивление своей решимостью, и обращают на себя внимание, действуя впереди строя...»

На связь звания тех с военной властью указывает конкретный пример «короля» маркоманов Маробода.

Первоначально Маробод, принадлежавший к родо-племенной знати маркоманов, был военным вождем (*dux*), организовавшим поход военных сил различных племен свевской группы (квады, семноны, лангобарды, свевы, гермундуры) в Богемию (*Boioheim*), оставленную первоначальным своим населением — бойями. Он организовал здесь большое войско (70 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы) и, подобно некогда Ариовисту, «достиг верховной власти» (Веллей Патеркул, *HR*, II, 108), «королевского могущества» (*vimque regiam*). Ведя войны, он необычайно усилился и сделался опасным врагом для Рима. Но в то же время он собрал в своей столице (*regia*) огромные богатства из свевской добычи («*veteris sueborum praedae*»),² здесь же находилось много маркитантов и купцов из римских провинций, которых «привлекли сюда с родины в неприятельскую страну возможность торговать, жажда наживы и, наконец, забвение родины...» Около столицы

¹ Tacit., *Germ.*, 7.

² Tacit., *Ann.*, II, 62.

(regia) была расположена цитадель — castellum, королевский укрепленный замок, охранявший самое селение («Catualda... inrupit regiam castellumque iuxta situm»). Такие замки, castella, находившиеся в руках «королевских» гарнизонов, находились и в других местах страны. Впоследствии царь маркоманов Ванний¹ своими гарнизонами занимал такие castella во время столкновения с гермундурами и лугиями.

Характерна замена прежних «oppida», укрепленных убежищ (детинцы) для всего населения племени, посредством «castella» — замков, занимаемых королевскими гарнизонами, — замена, указывающая на происходившие в родовом строе крупные изменения. Прежние родовые вожди племен начинают мало-помалу, накапливая большие богатства и из военной добычи и из дани, уплачиваемой подвластными племенами, а также, вероятно, и за счет торговых пошлин с купцов, составлять более крупные отряды дружины, частью путем найма (тот же Ванний пользовался в качестве конницы отрядами сарматов-язигов), приобретать более прочную опору для своей власти. Интересно, что у свионов, у которых, по словам Тацита, «богатство в большом почете» («est apud illos et opibus honos») ² и которые «были сильны не только людьми и оружием, но и флотом», самое это оружие находилось под замком, по сообщению того же Тацита. Король имеет у них очень сильную власть, которой подчиняются все без исключения («eoque unus imperitat, nullis iam exsertionibus, non precario iure parendi»). Оружие у них, в противоположность другим германцам, не находится на руках у всех (in promiscuo), но заперто под замком, и стережет его раб, так как доверить это дело знатному человеку или свободному или даже вольноотпущеннику опасно для королевской власти. Королевская власть сосредотачивает в своих руках у свионов все вооруженные силы в лице королевских дружин, снабжая остальное население оружием лишь во время войны. Характерно, что и свионы, подобно свевам Ариовиста или Маробода, также представляли собою союз племен.

Однако такое выделение из племени королевской власти и противопоставление ею себя всему племени мы наблюдаем здесь все же еще в зародыше. Тот же Маробод, усилившись и накопив большие богатства, в том числе за счет торговых пошлин, получаемых им от торговли с римлянами, начал менять свою внешнюю политику, вероятно, в связи с новыми торговыми интересами. Во время войны Арминия с римлянами он вначале держался нейтрально, а затем и вовсе стал склоняться к союзу с Римом, что вызвало столкновение его с херусками Арминия. Это сразу подорвало его авторитет, власть его стала уже «ненавистна» соплеменникам, и в конце концов он был свергнут. Как видим в ряде аналогичных случаев, не помогала даже поддержка Рима (Ванний).

¹ Tacit., Ann., XII, 29, 30.

² Tacit., Germ., 44.

Итак, королевская власть, как видим, возникает обычно на основе военного командования военным союзом ряда племен и потому и опирается на военную организацию, на войско. Первоначально это — разноплеменное войско, пошедшее за удачливым вождем, впоследствии — при накоплении этим вождем больших богатств — постоянное войско, своего рода расширенная королевская дружина, противопологаемая уже всенародному ополчению. В мирное время такая «королевская» власть, не опираясь на вызвавшее ее военное положение, сливается с остальными учреждениями родового строя, с которым она стоит в тесной связи; ведь *reges* избираются из родоплеменной знати и возглавляют эту знать, тесно с нею связаны и от нее сильно зависят.

«Королевская» власть еще не выводит нас из рамок родового строя.

Из истории сельскохозяйственной техники во Франции в феодальный период

Сельскохозяйственная техника феодализма, особенно раннего, мало известна. Мы имеем о ней лишь самое общее представление, так как исторические данные, проливающие свет на эту технику, очень немногочисленны, отрывочны и скудны содержанием. А между тем постичь эту технику в ее местных особенностях чрезвычайно важно, так как иначе трудно уяснить отличительные черты феодализма как общественной формации в ее целом и в частностях.

По отношению к Западу особенно мало известны и особенно заслуживают внимания технические сдвиги в сельском хозяйстве в эпоху возникновения городов, т. е. в XI—XII вв. Мы очень хорошо знаем, что возникновение городов на Западе подготовлено внутренним ростом средневекового общества, т. е. прежде всего ростом сельскохозяйственной культуры, обусловившим большую производительность почвы, а в связи с этим процесс обособления и расширения ремесла и образование особых торгово-промышленных центров. Однако мы довольно смутно представляем себе, в чем выразился этот рост сельскохозяйственной культуры *in concreto*.

Настоящая статья, связанная с работой по изучению аграрного строя Юго-восточной Франции в феодальный период, имеет целью по возможности вскрыть конкретные особенности техники сельского хозяйства как раз в эпоху возникновения городов, т. е. в XI—XII вв. Соответствующий исторический материал (правда, довольно скудный) почти целиком почерпнут из сборников грамот (хартуляриев) и лишь отчасти из «житий святых» данной эпохи. Местности, к которым он относится, — территория среднего течения Сены, области по течению Соны и частью по верхнему течению Сены, что соответствует (полностью или частично) теперешним французским департаментам (если идти с севера на юг) Ионны, Côte d'or, Соны и Луары, Эн, Роны, Изера.

Прежде всего несколько слов о природных условиях сельского хозяйства на этой территории. Если северная ее часть, — теперешние департаменты Ионны и Côte d'or, а также Отенский округ департамента Соны и Луары, — плодородием почвы не отличается, по большей части покрыта бесплодными гранитными скалами (горною цепью — продолжением Морвана) и до сих пор изобилует лесами и пустошами,¹ то прочая территория, соответствующая теперешним

¹ В настоящее время леса покрывают 23% территории департамента Ионны и 29,8% территории департамента Côte d'or, между тем как в департаменте Соны и Луары леса составляют лишь 16,5%, а в департаменте Роны — 10,9% всей территории. См. соответствующую карту в *Histoire de la Nation Française*, Nanotaux, т. II, стр. 343.

департаментам Соны и Луары, Эн, Роны, Изера, принадлежит по своим почвенным и климатическим условиям к лучшим местностям Франции.¹

Плодоносные и обширные речные долины, переходящие по мере удаления от рек в холмистые и местами гористые местности, при господствующем здесь мягком климате и при обильном орошении, доставляемом струящимися с гор потоками и ручьями, были весьма благоприятны не только для произрастания хлебных злаков, но также для садово-огородной культуры, и в особенности для разведения винограда.

Поскольку можно судить на основании грамот, рисующих целые хозяйства на территории того или иного селения (*villa*), хозяйства эти иногда были исключительно винодельческого и садово-огородного типов.² В огромном большинстве случаев хозяйства выступают как смешанные — винодельческие, садово-огородные и зерновые (также животноводческие);³ хозяйства, в которых виноградарство совершенно отсутствует, встречаются редко, и притом главным образом на северо-западе. В рассматриваемую нами эпоху виноград усиленно разводился не только на нови, но и на старой культурной почве за счет зернового хозяйства,⁴ и мы имеем основания полагать, что столь часто наблюдавшийся в X—XI вв. в Юго-восточной Франции и столь картинно описанный Раулем Глабером голод до известной степени объясняется распространением здесь в это время, в ущерб распространению зерновых культур, виноградарства. К сожалению, сведения о технике виноградарства и садово-огородной культуры в грамотах почти совершенно отсутствуют. Многочисленные контракты о разведении винограда «исполу» (*ad medium plantum*) и на обычном прекарном праве свидетельствуют о том, что виноградники давали урожай через пять лет после их насаждения.⁵ Грамоты говорят далее, что виноградники старательно окапывались⁶ и огораживались⁷ и что усиленное разведение винограда вызывало, между прочим (как и в древнем

¹ De Lavergne, *Economie rurale de la France depuis 1789*, 3-е изд., Paris, 1866, стр. 131 и сл., 237 и сл.

² См., напр., *Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny*, publ. par Al. Bruel, тт. I—VI, Paris, 1876—1903, №№ 580, 2762 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CCL»). Ср. *Cartulaire de Saint-Vincent de Mâcon*, publ. par M. C. Ragut, Mâcon, 1864, № 390 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CMat»). Ср. также: *Cartulaire de l'abbaye de Savigny*, publ. par A. Bernard, Paris, 1853, тт. I—II, №№ 7, 112, 257, 302 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CS»).

³ Напр., CCL, №№ 243, 246, 305, 352, 413, 487, 512, 697, 852, 890, 940, 1817 и мн. другие.

⁴ См., напр., из практики Клунийского монастыря XII в. CCL № 4132, 1147—1148 гг.: *condaminas... quas in vineas vertimus*; там же: «...ad noviter plantandas et colendas vineas consilio fratrum studium converti».

⁵ Напр., CCL, №№ 121, 144, 451, 501, 829, 926, 963, 1035, 1082, 1169, 1188, 1283, 1464, 1707, 1777, 1857, 1896, 2077, 2079 и др.

⁶ Напр., CMat, № 516. Ср. CCL, № 4143, стр. 504—505.

⁷ Напр., CCL, №№ 403, 405, 575, 1397, 200, 2164, 2340, 2732, 2748, 2757, 2934.

Риме), необходимость особых ивовых насаждений (*salices, salicetum*), из которых, очевидно, брались шесты, подставки, колья, хворост для плетней и прочее, потребное для виноградников. В грамотах виноградники очень часто фигурируют вместе с ивовыми насаждениями, которые являются как бы необходимой их принадлежностью.¹ Сплошь и рядом культура винограда объединялась с садовой «культурой», — виноградники насаждались при садах, и, наоборот, сады насаждались при виноградниках,² причем все такое садово-виноградное насаждение обносилось одной общей изгородью.³ Из произраставших в садах фруктовых деревьев грамоты упоминают яблони,⁴ груши,⁵ вишни,⁶ местами миндальные деревья,⁷ оливы.⁸ Относительно огородов мы знаем только, что в них произрастали разные овощи (*legumina, olus*), которые подробно грамотами не перечисляются.⁹ Надо полагать, что огородничество особенно было распространено в монастырском хозяйстве, так как, согласно уставам некоторых монашеских орденов (напр., цистерцианцев), овощи, наряду с бобами, являлись наиболее употребительной пищей монахов.¹⁰ В садово-огородной культуре, как и в виноградарстве, повидимому, до известной степени продолжала сохраняться старая традиция римской эпохи и старая римская техника. В частности, выше мы уже упоминали, что насаждение для нужд виноградников ивняка — это старинная практика римской эпохи, хорошо засвидетельствованная римскими авторами.¹¹ Виноградники, впрочем, иногда обрабатывались очень плохо. По свидетельству известного ключнийского аббата Петра Достопочтенного, при вступлении его в

¹ Напр., СMat, № 437: «...similiter dono salices ad ipsam vineam pertinentes». СS, № 141: «...vineam unam... cum alicibus»; там же № 113: «...vineam unam..., salices et omne quicquid pertinet ad ipsam vineam». По свидетельству Плиния (*Hist. Nat.*, XVII, 32), в современной ему Италии для обслуживания нужд виноградников практиковались двойного рода ивовые насаждения: одни давали хворост (*viminalium cultura*), а другие жерди и колья (*perticalis cultura*). Первые через три года после насаждения подрезали на высоте двух футов от земли, «чтобы они разрастались вширь» (*ut se in latitudinem fundant*), вторые, наоборот, росли вверх и давали жерди через четыре года на пятый. По вычислениям Плиния, 1 югер (25 ар) ивняка первого рода мог обслужить потребность 25 югеров виноградника.

² Напр., ССL, №№ 191, 121, 654 bis, 700, 1019, 1022, 1225, 1304, 1542 и др.

³ Напр., ССL, № 542.

⁴ ССL, №№ 38, 43 СMat, № 294. СS, № 444.

⁵ ССL, №№ 2068, 3233.

⁶ ССL, № 3330.

⁷ *Cartulaire de Saint-Bernard de Romans*, Nouv. éd., par Ulysse Chevalier, 1898, №№ 92, 109 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CRom»).

⁸ *Cartulare monasterii beatorum Petri et Pauli de Domina*, Lugduni excudebat L. Perrin, 1859, № 105 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CDomina»). Ср. CRom, № 115.

⁹ *Cartulaire de l'abbaye de Saint-André-le-Bas de Vienne, suivi d'un appendice de chartes inédites sur le diocèse de Vienne (IX—XII siècles)*, publ. par l'abbé Chevalier, Vienne-Lyon, 1869, №№ 230, 262 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CSAndré»).

¹⁰ Mabillon, *Ann. ordinis S. Benedicti*, VI, l. LXXIII, § 77, стр. 38.

¹¹ Plin., *Hist. Nat.*, XVII, 32.

должность аббата (1122 г.) вина, собираемого со всех монастырских виноградников, никогда не хватало монастырю на два месяца в году, а иногда не хватало даже и на один месяц.¹ А между тем при условии тщательной обработки виноградников старые и новые их насаждения могли бы удовлетворить все потребности монастыря в вине на протяжении всего года.² И вино, по свидетельству того же Петра Достопочтенного, изготовлялось очень плохое — водянистое и с неприятным запахом³ — последнее, надо полагать, в значительной мере зависело от того, что обычай давить виноград ногами, против которого в свое время восставал в своем *Capitulare de villis* Карл Великий,⁴ не был еще изжит окончательно. Из Ключийской рентали половины XII в. мы узнаем, что монахи принимали радикальные меры по улучшению культуры винограда, пришедшей в упадок в связи с общим упадком монастырского хозяйства при предшественнике Петра Достопочтенного — аббате Понции. Наряду с новыми насаждениями виноградников, они улучшают их обработку путем привлечения для этой цели исключительно наемных рабочих (может быть, даже специалистов этого дела).⁵ В результате производительность виноградников повышается настолько, что вина оказывается даже избыток, и его ключийцы продают на сторону.⁶

Наиболее подробно вырисовывается нашими грамотами техника зернового хозяйства, на которой мы главным образом и остановимся. Из хлебных злаков, культивируемых на территории Юго-восточной Франции, грамоты упоминают пшеницу (*annona, frumentum, triticum*),⁷ рожь (*siglia*),⁸ овес (*avena*),⁹ ячмень (*hordeum*),¹⁰ просо (*milium et panicium*),¹¹ бобы (*fabes*).¹² Из маслиничных растений — лен (*linum*)¹³ и коноплю (*cannabe*).¹⁴

Господствующей системой земледелия, очевидно, было трехполье, наличие которого некоторыми грамотами констатируется с несо-

¹ CCL, № 4132, стр. 475.

² Там же, стр. 480.

³ Там же, стр. 475: «...vinum maxime aquatum, insipidum et vere villum».

⁴ Capit. de villis, 48.

⁵ CCL, № 4143, стр. 496: «Vineae bene possunt coli pro XL sol. et modo bene culte sunt». Там же, стр. 498: «Vineae possunt bene coli pro XX solidis». Там же, стр. 502: «Ad vineas colendas sufficiunt L sol.» Там же, стр. 504—505: «Ad vineas colendas debent operarii... LX sol., ex quibus XXX in cultura vinearum ponuntur...»

⁶ Напр., CCL, № 4143, стр. 496: «De vino vinearum VIII libre et V sol.»

⁷ CMat, №№ 24, 484, 493. CCL, № 2072. CS, №№ 122, 438, 467. Cartulaire de l'abbaye de Molesme, publ. par Jacques Lorent, тт. I—II, Paris, 1907—1911, № 31 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: CMolesme).

⁸ CMat, № 24, 493. CCL, № 2072.

⁹ CMat, №№ 484, 493.

¹⁰ CS, №№ 121, 749. CCL, № 4272.

¹¹ CSAndré, №№ 230, 262.

¹² CDomina, № 133.

¹³ CCL, № 4143.

¹⁴ CMat, № 295. CS André, №№ 230, 262, 276.

мнею. Так, в одной из них значится, что зависимые люди (servientes) должны обрабатывать два господских поля (condaminas): одно — под пшеницу и рожь, другое — под овес.¹ Очевидно, что в данном случае речь идет об озимом и яровом поле. Также и в Ключийской рентали половины XII в. наличие трехполя на землях Ключийского монастыря констатируется с несомненностью.² Надо, впрочем, думать, что при усиленном разведении винограда правильный трехпольный оборот систематически нарушался: так как пахотные поля нередко перемежались с виноградниками, ивовыми насаждениями, садами и т. п., применять к ним правильное чередование озимого, ярового посева и пара, очевидно, было невозможно. Нет здесь следов и того, что принято называть «системою открытых полей», связанной с принудительным севооборотом и общим выпасом на паровом поле. Такие порядки, повидимому, совсем не были свойственны деревне Юго-восточной Франции XI—XII вв., так как земельные участки разного качества, по общему правилу, не лежали особняком на территории селения (в ряду других участков того же качества), а постоянно перемежались друг с другом: виноградник, сад, пахотное поле, луг, ивняк, роща или перелесок сплошь и рядом лежали вперемежку, и отдельные хозяйства имели явно выраженную тенденцию стать по мере возможности компактными (своего рода хуторными) хозяйствами, т. е. сосредоточиться (хотя бы частично) в одном месте.³ Правда, чересполосица участков существовала очень часто, но она являлась простым результатом подвижности земельной собственности, вызывавшей распыление отдельных владений. В общем в расположении участков на территории деревни нельзя не видеть отражения старинной практики своеобразной размежки земли у римлян, сущность которой, как известно, состояла в том, что каждому домохозяину отводился в одном определенном месте компактный участок земли с свободным доступом на данный участок со стороны общественной или проселочной дороги. В результате каждый земельный собственник имел возможность вести свое хозяйство на каких-угодно началах, не будучи связан ни чересполосицей, ни принудительным севооборотом, ни какими бы то ни было общинными сервитутами.⁴ Важнейшей и труднейшей задачей в области зернового хозяйства является, как известно, пахота, и о ней грамоты Юго-восточной

¹ CМаф., № 493: «...debet... duas condaminas elaborare, unam ad frumentum et sigala, aliam ad avenam, arando, seminando, colligendo, carricando, sicutando et usque ad granarium perducendo».

² CCL, № 4143 и др.

³ См., напр., отражение этой практики в CCL, №№ 1170, 1192, 1206, 1220, 1279, 1307, 1383, 1575, 1617, 1725, 1889, 1995, 2959. Ср. CS, №№ 5, 6, 47, 470, 149, 208, 218, 309, 436. CAinay, №№ 87, 118, 139, 166, 179. CRom., №№ 62, 88, Ср. Cartulaire de l'abbaye de St. Chaffre du Monastier, publ. par Ull. Chevalier, Puy — Paris, 1888, стр. 160. Ср. также Ant. Besnensis abb. Chronicon — D'Achery. Spicilegium, II, стр. 428.

⁴ См. Schriften der römischen Feldmesser, hrsg. von Blume, Lachmann und Rudorff, тт. I—II, Berlin, 1848—1852.

Франции говорят неоднократно. Пахота производилась (как и в каролингскую эпоху)¹ легким и тяжелым плугом: в первый впрягалась пара волов,² во второй — две³ и три пары волов.⁴ Возможно, что употреблялась и восьмиволовая плуговая запряжка, как это имело место в других областях Франции рассматриваемой нами эпохи,⁵ но о такой восьмиволовой запряжке наши грамоты не упоминают. Заметим, что пахота не исключительно обслуживалась волами: в плуг могли впрягаться также (как в свое время у римлян)⁶ коровы и ослы.⁷ Лошадь, самое дорогое и редкое в то время животное, упоминается в плуговой запряжке очень редко.⁸ В общем нормальною плуговой запряжкой считалась воловья запряжка, другие же животные, особенно коровы, впрягались в плуг лишь за неимением волов. В этом отношении характерно выражение одного западнофранцузского памятника, который, говоря, о «*boves, jugum ferentes*», сравнивает их с «*vaccis sub iugo gementibus*».⁹

Тяжелый плуг, производивший глубокую вспашку земли, очевидно, употреблялся при обработке почвы (преимущественно твердой и плотной почвы), давно освоенной под земледельческую культуру, и в господском хозяйстве старых поместий Ключийского монастыря, например, никаких плугов, кроме тяжелого, с шестиволовою запряжкою каждый, не употребляли.¹⁰ Повидимому, плуг этого рода употребляли также при поднятии целины, когда эта целина не была лесной заимкою. Так, «Чудеса св. Бенедикта» упо-

¹ Polyptyque d'Irminon, XXIV, 2: «*Facit curvadam in unaquaque ebdomada cum duobus animalibus per unamquamque sationem*». Ср. там же, XXIV, 56, 67, 71. См. также Polypt. Fossatense, 10 (у Guérard'a, II, стр. 285): «*corbadas II, unamquamque cum sex bobibus, et tertiam corbadam cum duobus*».

² CMat., № 11: «...*dono... tantum quantum exarare possit in elaborando par boum in anno*».

³ CMolesme, № 148: «...*tantum de terra sua quantum III bubus in labo-rando sufficeret*». Там же: «*terram ad quattuor boves cum ipsis bubus se daturum... promisit*». Ср. Miracula S. Bened., кн. IV, гл. 1, 3 — Acta Sanct., mars, III, стр. 334: «*Gaufredus cognomento Rufus, cupiditate instigante, bis binos boves, qui ad excolenda novalia ad reditus fratrum pertinentia, in eadem possessione addicti fuerunt rapaciter abstulit*».

⁴ CCL, № 4143 и сл. Ср. там же № 4233: «...*et de terra arabili quantum tria juga boum elaborare poterunt*».

⁵ Намп., CCL, № 3310: «...*contradidimus tantum araturae terrae quantum potest octo bobus ad arandum sufficere*».

⁶ Varro, De re rust., I, 20: о Кампании, где мягкую почву пахали на ослас и на коровах.

⁷ CS, № 897: «...*arabantur cum bobus et cum vaccis*. См. для более позднего времени (Terrier 1371 г.) упоминание в числе *bestes traiens* также ослов — Garnier, Chartes de communes et d'affranchiss. en Bourgogne, III, стр. 182, 5.

⁸ CCL, № 4330: «...*si loco bovis vaccam aut equum aut equam posuerit ad arandum tantum dabit pro eo quantum pro bove daret*». Ср. Cartulaire général de l'Yonne, publ. par M. Quentin, тт. I—II, Auxerre, 1854—60; № 322: «*Item quod homines, equos vel boves habentes, bis in anno carrucas... reddent*» (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CYonne»).

⁹ Cartulaire de l'abbaye de Saint-Père de Chartres, publ. par Guérard, тт. I—II, Paris, 1850, № 62 (в дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: «CSPère»).

¹⁰ CCL, № 1143, pass.

минают «bis binos boves», т. е. плуговую запряжку в две пары волов, употреблявшуюся «ad excolenda novalia». ¹ Известно, что тяжелый колесный плуг, о котором идет речь, не римского, а северного (кельтского или германского) происхождения, и уже во времена Плиния он, по свидетельству последнего, употреблялся у ретийцев. ² Характерная его особенность, по Плинию, та, что он имел широкий лемех, который не только подрезал пласты земли, но и их оборачивал. ³ В рассматриваемую нами эпоху этот плуг был очень распространен на континенте и в Англии, и мы можем составить себе о нем довольно отчетливое представление на основании рисунка, сохранившегося в одном из дошедших до нас англосаксонских календарей XI в. ⁴ Изображенный на этом рисунке плуг, с запряжкой в две пары волов, имеет два больших колеса, нож для разрезания земли и широкий лемех, повидимому, подобно старому ретийскому плугу, не только поднимающий, но и оборачивающий землю. Обслуживается он пахарем, который направляет плуг, держа за его рукоятку, и погонщиком, который погоняет волов длинной заостренной палкой. Употреблявшийся в Юго-восточной Франции наряду с тяжелым плугом — легкий плуг, очевидно, является подобием того легкого бесколесного (а иногда и колесного) плуга, который употребляли древние римляне, и, по всей вероятности, является прямым у них заимствованием. По свидетельству римских авторов, плуг этого рода тоже не только поднимал пласты земли, но и их оборачивал. ⁵ Хорошее изображение такого плуга имеется в миниатюре одной французской псалтыри начала XIII в., причем миниатюра эта является копией более древней миниатюры и, следовательно, отражает порядки приблизительно рассматриваемой нами эпохи. Изображенный здесь бесколесный легкий плуг запряжен парой волов, имеет нож для разрезания почвы и легкий лемех. Управляется он одним пахарем, который держится за высокую рукоятку плуга. ⁶ Другая французская рукопись (XII в.) изображает колесный легкий плуг, тоже с запряжкой в пару волов и тоже управляемый одним пахарем. На изображении отчетливо видны нож для разрезания почвы, легкий широкий лемех и отвал. ⁷

В противоположность тяжелому плугу, легкий плуг этого рода, надо думать, употреблялся для возделывания каменистых почв,

¹ Miracula S. Bened., I. IV, c. 1, 3 — Acta Sanct., mars, III, стр. 334.

² Plin., Hist. Nat., XVIII, 48.

³ Там же, «...Latitudo vomeris cespites versat».

⁴ См. это изображение у Hoops'a, Realexicon der Germ. Altertumskunde, т. I, табл. I, № 1 (к статье Ackerbau).

⁵ Plin., Hist. Nat., XVIII, 49: «...prius quam aras. proscindito. Hoc utilitatem habet, quod inverso cespite, herbarum radices necantur».

⁶ См. это изображение в Histoire de France, red. Lavissee, т. III, ч. I, стр. 390.

⁷ Bibliot. de l'Ecole des chartes, XXXI, Paris, стр. 20. Cp. S. Müller, Charrue, стр. 30; Niederle, Slovanske Starozitnosti, III, 1, 1921, стр. 68. Заметим, что изображение легкого колесного плуга с запряжкой в одну лошадь на ковче из Байё (XI в.) вызывает большие сомнения в смысле соответствия его тогдашней действительности. См. Jubinal, Anc. tapisseries, Paris, 1832, табл. 3.

почв по склонам холмов, которых было так много в Юго-восточной Франции, а также лесных расчисток, словом, во всех случаях, когда почва не поддавалась глубокой обработке и когда с тяжелым плугом невозможно было оперировать из-за неровности почвы и тесноты обрабатываемого пространства. Очевидно, он употреблялся также для обработки очень легких почв, свободно поддававшихся вспашке и, следовательно, в применении громоздкого тяжелого плуга не нуждавшихся. В общем грамоты производят такое впечатление, что тяжелый плуг с многоволовою запряжкой употреблялся в сельскохозяйственной практике того времени гораздо чаще, нежели легкий. Надо думать, что первоначально для обозначения легкого плуга употреблялся исключительно римский термин *aratrum* (соотв. франц. *araire*), в то время как для обозначения тяжелого колесного плуга употреблялся кельтский термин *caruga*, какой термин (соотв. франц. *charue*) указывал на привнесение в конструкцию плуга элементов колесной повозки-каруки.¹ Однако в словоупотреблении грамот рассматриваемой нами эпохи термины *aratrum* и *caruga* иногда употребляются в совершенно одинаковом значении плуга вообще.²

Заметим, что в одной грамоте XII в. термин *aratrum* употребляется как синоним термина *ferugum*.³ Это, очевидно, свидетельствует о том, что ножи и лемехи, а может быть и некоторые другие части плугов были железные.⁴

Вспашка земли там, где существовало трехполье, производилась, как и при Каролингах, под озимые и под яровые посевы. Интересно при этом выяснить, сделала ли к XI — XII вв. техника обработки почвы какие-либо успехи по сравнению с эпохой Каролингов. Насколько мы можем судить по памятникам IX в., относящимся к территории Франции (правда, Северной Франции), пахота производилась здесь в это время при наличии трехполья трижды в году: дважды под озимое и один раз под яровое. Полиптик аббата Ирминона определенно говорит в одном месте о пахоте «*inter tres sationes*»,⁵ т. е. трижды в году, а в другом месте Полиптика поясняется, что эта пахота трижды в году — пахота под озимое (*ad hibernaticum*), под яровое (*ad tramisem*) и подъем пара (*ad proscendendum*).⁶ О такой же двойной вспашке земли под озимое и неоднократной

¹ Foerster, *Der Pflug in Frankreich und Vers 296 in Karls des Grossen Wallfahrt nach Jerusalem*, *Zeitschr. für Roman. Philologie*, т. XXIX, 1905, стр. 1 и сл.

² См., напр., грамоту СМolesme, № 218 (1112—1116 гг.), которая дана в двух параллельных редакциях. В одной редакции этой грамоты речь идет о дарении такого количества земли, какое «*duobus aratris excoli posset*»; другая редакция то же дарение характеризует, как «*terram duabus carrucis sufficientem*». Очевидно, что составители грамоты употребляют термины *aratrum* и *caruga* как синонимы. Ср. CCL, № 3517, 1078 г.

³ CCL, № 3825, 1105 г.: «...*sine bobus suis, sine aratro vel ferro suo*».

⁴ Ср. *Lex Burg.*, XXVIII, 9.

⁵ *Polypt.*, XIV, 1.

⁶ Там же, XIII, 1.

вспашке под яровое говорится в Полиптике св. Мавра,¹ причем из текста этого Полиптика видно, что пахота под яровое производилась в марте, подъем пара — в мае² и, наконец, вторичная пахота под озимый посев — в октябре.³

Такая практика двойной пахоты под озимое и одинарной пахоты под яровое констатируется памятниками Северной и Северо-западной Франции и в послекаролингскую эпоху. Так, в двух грамотах Шартрского хартулярия, относящихся ко второй половине XI в., говорится о пахоте «per tria tempora anni»,⁴ «ter in anno»,⁵ а в одной грамоте 1000 года, относящейся к территории Нормандии, речь идет о вспашке ad galcheras (подъем пара), ad remotiones (двоение пара) и ad avenas (весенняя вспашка).⁶

В наших памятниках, относящихся к Юго-восточной Франции, тоже иногда говорится о тройной вспашке земли.⁷ Но наряду с этим упоминается и четырехкратная вспашка — трижды под озимое и один раз под яровое. О пахоте четыре раза в году говорит, например, одна грамота от первой половины XI в., относящаяся к территории Вьеннского округа.⁸ Также и в Ключийской рентали половины XII в. о вилланских плугах декании Lordonum в Маконском округе сказано, что каждый из них один день в году пашет пар, другой день двойт пашню, один день участвует в запашке озимого посева и еще один день справляет пахоту великим постом.⁹ Мы

¹ Polypt. Fossat. у Guérard'a, II, Appendix I, 14, стр. 286: «Facit ad iveraticum corbadas III, ad binalia III, ad tramisem III».

² В германских странах он производился в июне. См. наименование июня — Brachmanoth у Эйнгарда, Vita Karoli Magni, 29. О тройной вспашке в германских странах см.: C. Laureshem, 3669: arare debet in mense iunio atque iterum in nativitate S. Marie, ut sit seminatum in missa S. Remigii, Rhein. Urb. II, стр. 17 (Верденский Урбарий): «De servitio Duas ebdomadas in autumnno; duas ante verum; duas in iunio».

³ Polypt. Fossat. у Guérard'a, II; Appendix I, 10, стр. 286: «...Cum fecerint corbadas, in mense martio debent habere panem et ligumen et siceram, mense maio panem et caseum, mense octobrio panem et vinum».

⁴ CSPère, гл. 84 (ок. 1080 г.): «...terramque unius aratri, per tria tempora anni, ubi monachi aspexerint».

⁵ Там же, гл. 22 (1086 г.): «...rusticorum ...boves ter in anno ad exercendum terram in eodem loco».

⁶ Guérard, Polypt. d'Irminon, II, Appendix XIX, стр. 353, 1000 г.: «In unoquoque anno debet habere comes tres coroweias ad galcheras, ad remotiones, ad avenas».

⁷ Напр., CCL, № 2723, 1019—1031 гг.: «Debent in anno quatuor corvadas, tres ad arandum et quartam ad colligendum». Здесь речь идет о повинностях держателей в villa Givriacus, Дижонского округа.

⁸ CRom, № 80, 1037 г.: «...et per quatuor vices in anno suos proprios boves ad communem laborem prestant».

⁹ CCL, № 4143, в отделе XIII: «Decania de Lordono... sunt ibi pertotam potestatem Lordoni XL carruce villanorum, et debet unaqueque carruca unam diem ad varet, aliam ad rebiner, aliam ad seminanda hiemalia, aliam in Quadragesima». Интересно отметить, что в цитируемом французском памятнике некоторые термины, обозначающие пахоту (varet), — англо-саксонского происхождения. Это объясняется тем, что Ключийская ренталь составлена (по английским образцам) братом английского короля Стефана — Генрихом, епископом Винчестерским, который, явившись в Ключи, привел в

видим, таким образом, что наряду со старой практикой двойной запашки земли под озимое, каковая практика особенно упорно держалась в северной части герцогства Бургундского,¹ в более южных местностях (в Маконском округе и южнее) наблюдается тройная вспашка под озимый посев, что соответствует, как известно, старинной римской практике обработки почвы.² Трудно думать, чтобы эта римская практика тройной вспашки земли под посев непрерывно существовала в Юго-восточной Франции с давних времен. Очевидно, что она представляет собою здесь новшество. Заметим, что это новшество уже в конце IX в. мы можем констатировать для некоторых германских областей,³ а позднее — с XIII в. — и для Северной Франции. Именно в одном памятнике половины XIII в. говорится, что держатели принадлежащего С.-Жерменскому аббатству поместья *Ville-Neuve-Saint-Georges* должны пахать господскую пашню пять дней в году: один день при первой вспашке, т. е. при подъеме пара, два дня при вторичной вспашке, т. е. двоении пара, один день при запахивании озимого посева (*in seminis hyemalis cooperitione*), и, наконец, один день при пахоте в марте месяце, т. е. при яровом посеве.⁴

Итак, мы можем сказать, что приблизительно с XI в. (а может быть, и раньше) во Франции вообще, и Юго-восточной Франции в особенности, начинается местами очень важный прогресс в способах обработки почвы под озимые посевы, а именно: вместо двойной вспашки начинает практиковаться тройная вспашка земли, и если раньше производившееся поздней осенью двоение пара было вместе с тем и пахотою под посев, то теперь пахота под посев производится особо, а двоение пара, очевидно, отодвигается к несколько более раннему времени. Нечего и говорить о том, что такая практика тройной вспашки земли, способствовавшая лучшему размягчению почвы и более полному уничтожению сорняков, знаменовала собой большой шаг вперед в развитии культуры зерновых и не могла не способствовать значительному поднятию урожайности.

Третья и последняя вспашка земли у древних греков, как известно,

порядок запущенное в результате ряда нестроений и смут монастырское хозяйство. См. о его деятельности в Ключи у Mabillon'a, *Ann. ordinis S. Bened.*, VI, кн. LXXX, гл. LIX—LX, стр. 547—548.

¹ CCL, № 2723. См. приведенную у Garnier, II, стр. 183, прим. 3, выдержку из позднейшего памятника (XIV в.): «Chascune charrue doit à chascune des trois saisons un jornau...»

² См. ст. «*Rustica res*», в *Dictionnaire des Antiquités gr. et latines* Daremberg et Saglio.

³ Wartmann, № 637 (884 г.): «4 jurnales arem in anno, scil. tempore vernali 1, alium in junio, autumpali autem tempore 2.» C. Laureshem, № 3669. «*Debet in vere arare 2 jurnales et in aestate debet bis arare*». Cp. Lamprecht, D. Wleben, I, 557.

⁴ Guérard, II, Appendix XL, 1249, стр. 348: «*Universi homines de villa Nova Sancti Georgii et de Valentone omnia sua animalia trahentia ad carrugam tenerentur ducere ad excolendum terras nostras quinque diebus per annum: videlicet in prima aratione, per unum diem; in secunda, per duos dies; in seminis hyemalis cooperatione, per alium diem; in aratione martii per alium diem*».

производилась перед посевом, а у римлян, наоборот, после посева — *jacto semine*, по выражению Варрона.¹ Спрашивается, как производился посев при последней пахоте во Франции и вообще в средневековой Европе? Если руководствоваться изображением англосаксонского тяжелого плуга XI в., о котором речь была выше, то можно думать, что в средневековой Англии посев производился непосредственно после пахоты, так как сеятель здесь идет вслед за пахарем и бросает семена в только что нарезанную последним борозду. Такая процедура вполне соответствует тому, что говорит о посеве Верденский урбарий (для Германии),² а также тому, что сообщает Плиний о практике посева при обработке почвы тяжелым колесным плугом в Реции.³

Однако мы никак не должны игнорировать показания одного из цитированных уже нами французских памятников, в котором говорится о пахоте на землях аббатства С.-Жермен де Прэ *in seminis huyemalis cooperitione*, т. е. о пахоте после озимого посева.⁴

В этом последнем случае, впрочем, речь идет о третьей вспашке под озимое, между тем как во всех предыдущих случаях, по всей вероятности, подразумевается вторая вспашка под озимое или же вспашка под яровое.⁵ Надо полагать, что практика посева в этих двух разных случаях была не одна и та же. В самом деле, трудно допустить, чтобы посев предшествовал второй вспашке под озимое или вспашке под яровое, так как семена бросались бы в таком случае в грубую, плохо разрыхленную и иногда (при озимом посеве) заросшую сорными травами землю. Между тем при тройной вспашке земли под озимое посев до пахоты, по недавно передвоенному пару, вполне возможен.

В тех случаях, когда семена не запахивались непосредственно плугом, очевидно, операция эта производилась боронованием. Плиний, говоря об употреблении тяжелого колесного плуга в галльской Реции, замечает: «*semen protinus incipiunt cratisque dentatis supertrahunt*».⁶ Такая же практика очень хорошо засвидетельствована для позднекарolingской эпохи Верденским урбарием: здесь говорится о бороновании и при озимом и при яровом посевах.⁷ Вообще без боронования, которое употреблялось не только для при-

¹ Varro, *De re rust.*, I, 29.

² Rhein. Urb., II, стр. 17: «...dehinc arare, sementem a curte accipere, complanare...»

³ Plin., *Hist. Nat.*, XVIII, 48.

⁴ Guérard, II, Appendix XL, стр. 384.

⁵ Относительно практики, вскрываемой Верденским урбарием, это можно сказать с несомненностью.

⁶ Plin., *Hist. Natur.*, XVIII, 48.

⁷ Rhein. Urbare, II, стр. 17: «In autumno 1 jugum quod sunt duo iornales proscindere, id est gibrakon; dehinc arare sementem a curte accipere, complanare, id est giekkian. Si non illud proscindit, id est gibrakod. tunc debet arare jugum unum et complanare, id est giekkian et aliud dimidium arare tantum non complanare. Idem servicium de proscindendo et arando et complanando in verno debet facere...»

крытия семян, но также для разравнивания и большего разрыхления почвы, совершенно невозможно представить себе правильную земледельческую культуру, и мы знаем, что борона с деревянными и железными зубьями хорошо была известна не только древним грекам и римлянам, но и древним германцам, о чем свидетельствует известный пассаж из основного, следовательно, древнейшего текста «Салической правды», гласящий о том, что «если кто проведет по чужому, уже взошедшему полю борону... присуждается к уплате трех солидов». ¹ Относящиеся к территории Франции памятники раннего средневековья прямо о бороновании не говорят, но это не значит, конечно, что оно в эту эпоху не употреблялось. Можно полагать, что часто встречающийся в Полиптике аббата Ирминона термин *corvada*, обычно обозначающий (как и термин *riga*) пахоту, в некоторых случаях обозначает боронование. В самом деле, *corvada*, выполняемая, по данным Полиптики, с помощью волов, в одних случаях требует участия двух волов, ² а в других участия всего лишь одного вола. ³ В последнем случае это не может быть пахота, так как даже наиболее легкий славянский плуг (соха), по известию Гельмольда, приводился в действие или парюю волов или же одной лошадию. ⁴ Упомянутая полиптиком *corvada* с одним волом — это, надо полагать, не что иное, как боронование. Возможно, что и *corvada* с двумя волами — не всегда пахота, а в некоторых случаях то же боронование при посредстве тяжелой бороны с железными зубьями. Наши памятники XI — XII вв., относящиеся к территории Юго-восточной Франции, тоже о бороновании прямо не говорят, но нет никакого сомнения, что и здесь оно было в большом употреблении, способствуя лучшей обработке земли и, между прочим, борьбе с сорными травами. Кстати заметим, что борьба с сорными травами засвидетельствована в наших грамотах упоминанием о специально приставляемых для этого дела полольщиках. Такие полольщики или полольщицы (*sarclatores*) упоминаются, например, в одной грамоте половины XII в. при перечислении повинностей держателей поместья *Verizet*, в Маконском округе. ⁵ Возможно, что эти полольщики обслуживали только сады и огороды, но очень возможно, что они обслуживали также и яровые посевы. Во всяком случае, для германских областей такие работы

¹ Lex Sal., XXXIV, 2: «Si quis per aliena messe postquam levaverit erpicem traxerit..., solidos III culpabilis iudicetur».

Polupt., XXIV, 2, 56, 67, 71. Cp. Pol. Fossat. у Guérard'a, II, Appendix, 10, стр. 285.

² Polupt., XXIV, 3: «Ara(n)t ad hibernaticum perticas IIII, ad tramisem II. Faciunt curvadam cum uno animali, et diem I».

³ Helmoldus, кн. 1, гл. 12 (у Du-Cange'a, v. aratrum): «Slavicum vero Aratrum, par boum aut unus conficit equus». См., впрочем, там же, гл. 87: «Slavicum aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis». См. для комментариев Niederle, Slov. Starož, III, 1, стр. 76 и сл.

⁴ См. изображение нормандской бороны XI в. на ковре из Байё, с конскою хомутовою запряжкой: Jubinal, Anc. tapisseries, табл. 4.

⁵ СМат, № 516, 1121 г.—43 с.

по прополке яровых хлебов засвидетельствованы уже в поздне-каролингскую эпоху Верденским урбарием.¹

Очень редко наши памятники упоминают об унаваживании,² причем об искусственном удобрении мергелем, издавна практиковавшемся у кельтов Галлии³ и продолжавшем практиковаться в каролингскую эпоху,⁴ совсем не говорится. Надо думать, что правильной системы унаваживания и регулярной утилизации животного навоза не было. Из одного памятника мы узнаем, что на землях Ключонийского монастыря большое значение в деле удобрения почвы придавали овечьему помету и овец рекомендовалось разводить, между прочим, именно в целях удобрения.⁵ Само собой разумеется, что такое удобрение было крайне примитивно и никак не могло заменить удобрения, получаемого от крупного скота, в котором все время ощущался большой недостаток. Вообще необходимо особенно подчеркнуть, что недостаток крупного скота — это один из самых острых вопросов сельского хозяйства средневековья, неизменно ставивший препятствия как интенсивному, так и экстенсивному росту сельскохозяйственной культуры. Даже в поместьях такого богатого собственника, как Ключонийский монастырь, скотоводство вообще и разведение крупного скота в особенности было поставлено очень слабо, поскольку мы можем судить о том на основании рентыли половины XII в.⁶ Ренталь перечисляет доходы с двенадцати старых монастырских поместий, именуемых деканиями (*decaniae*), из которых девять лежат на территории Маконского округа, два — Лионского и один — Шалонского округа. Мы узнаем из этой рентыли, что лишь в двух деканиях заметно значительно овцеводство: в одной декании упомянуто сто десять, в другой четыреста овец. Лошадь значится лишь в одной декании (в единственном числе), ослы — в четырех деканиях (от одного до трех в разных деканиях), волы — в девяти деканиях (от пяти до девятнадцати в разных деканиях), коровы — в семи деканиях (от одной до десяти в разных деканиях), свиньи — тоже в семи деканиях (от двух до тридцати пяти в разных деканиях). Правда, наличный скот не исчерпывает всех хозяйственных возможностей монастырских поместий в области скотоводства, и ренталь часто подчеркивает, что того или иного скота можно завести еще по несколько штук. Цифры при этом, однако, неизменно указываются

¹ Rhein. Urbare, II, стр. 17: «...Juga ipsa debet ita procurare, ut a fructibus et malis oleribus ea expurget et in omnibus ita excolere ut fruges inviolatas in horreum deferat». Для XII—XIII вв. см. тексты у Lamprecht'a, D. Wle-ben, I, 556, прим. 7.

² См. Cartulaire de l'Eglise d'Autun, ч. III, publ. par A. de Charmasse, Paris — Autun, 1900, № 2.

³ Plin., Hist. Nat., XVII, 4. Cp. Varro, De re rust., I, 7.

⁴ Напр., Edictum Pistense, 864 г., M.G. Capitularia, II, стр. 323.

⁵ Constit. Cluniac, III, II. D'Achery, Spicilegium, I, 691: «...oves et boves decanis ipsius villae, oves propter fimum quo sunt arva condienda, boves ad arandum».

⁶ CCL, № 4143, т. V, стр. 490—505.

малые, за исключением одной декании, в которой составителю рентали предоставляется возможным прибавить к имеющимся семнадцати овцам еще двести.

Само собой разумеется, что при малом количестве скота в монастырских поместьях господское хозяйство этих поместий не могло быть обслуживаемо собственными запряжками, и монастырь, согласно общей тенденции того времени, стремится переложить главную тяжесть этого обслуживания на своих зависимых держателей. Между тем рядовые земледельцы-крестьяне, будь то зависимые или свободные крестьяне, конечно, имели еще меньше возможности завести надлежащее количество скота, достаточное для обработки своих собственных участков и для справления барщины. Мы видим, таким образом, что не недостаток годной для обработки земли, а недостаток рабочего скота, при господстве громоздкого способа пахоты преимущественно тяжелым плугом, — вот что служило главной причиной малой производительности сельского хозяйства и необеспеченности широких слоев населения в феодальный период. Засвидетельствованные некоторыми французскими грамотами попытки давать при пахоте в придачу упряжным животным мелкий скот, в частности козлов, ¹ сколько-нибудь осязательных результатов иметь, конечно, не могли, и лишь наглядно иллюстрируют беспомощность крестьян в их борьбе с затруднениями, вытекавшими из отсутствия надлежащего количества живого инвентаря. В конце концов приходилось или сокращать площадь посевов, ограничиваясь исключительно ручной обработкой почвы, или же нанимать скот на стороне, у людей, которые имели его в достаточном количестве. И то и другое вело к широкому имущественному расслоению среди крестьянства. Традиционное представление о крестьянском населении феодальной деревни как о более или менее однородной в имущественном отношении массе — одна из коренных ходячих ошибок, основанная на игнорировании сельскохозяйственной техники и состояния животноводства того времени. Грамоты Юго-восточной Франции дают достаточный материал, иллюстрирующий теснейшую связь техники сельского хозяйства с социальными отношениями внутри феодальной деревни. Так, в одной грамоте хартулярия Маконской церкви св. Викентия различаются вилланы, обрабатывающие землю с помощью волов (*qui cum bobus laborant*), и вилланы менее состоятельные (*pauperiores*), которые возделывают землю руками, с помощью заступа (*qui manibus laborant vel cum fossoribus suis*). ²

Такие подразделения крестьян на имеющих и не имеющих рабочего скота встречаются неоднократно; ³ а одна грамота XII в.,

¹ Cartulaire de Favernay, 1185 г., у Flach'a; Les origines, I, cpr. 404: «notes... et si animal quod trahit hertiam associatum fuerit, pro bove reputabitur».

² СMat., № 476, 1031—1060 гг.

³ Напр., ССL, № 2723 (1019—1031 гг.): «Debent in anno quatuor corvadas, tres ad arandum et quartam ad colligendum, illi scilicet qui boves habent».

без сомнения, отражающая и более ранние порядки, дает на этот счет более подробные сведения. Речь идет о разверстке тальи между сервами двух зависимых от церковной корпорации деревень Mortua Aqua и Essun в графстве Бургундском (Франш-Конте). Талья падает на рабочий скот, именно — с каждого вола следует в год по три солида. «Если вместо вола, — читаем в грамоте, — будет впрягать в плуг корову, коня или кобылу, платит за них столько же, сколько и за волов. Если даст кому-либо для работы вола вне своего собственного хозяйства, платит за него столько же, сколько бы заплатил, если бы вол ходил в собственной его плуговой запряжке. Если возьмет вола от человека со стороны и этот вол не будет принадлежать ему в собственность, платит половину установленного обложения. Если человек наш даст кому-либо своего вола с тем, чтобы он его вырастил, платит сообразно той выгоде, какую он от того получает. Человек, у которого волов нет совсем, платит три солида. Тот, у которого имеется один вол и три коровы, платит шесть солидов. Тот, у кого имеется четыре коровы и совсем нет волов, платит шесть солидов. Если имеет двух волов, за коров своих ничего не платит.»¹ В дальнейшем грамота определяет другие повинности сервов, между прочим, обязательство платить десятину. «Кто убирает с поля свой хлеб, (одновременно) доставляет и десятину, за исключением тех, кои по крайней своей бедности приносят (с поля хлеб) на спине своей».² Как видим, грамота чрезвычайно ярко выявляет широкое имущественное расслоение среди сервов-односельчан в двух деревнях графства Бургундского. Одни из сервов не только имеют достаточно рабочего скота для собственного своего хозяйства, но и ссужают им другие хозяйства, очевидно, не имеющие полной плуговой запряжки. Некоторые, за недостатком волов, повидимому, широко практикуют пахоту на коровах. Некоторые малосостоятельные крестьяне берут от состоятельных односельчан молодых бычков, вырачивают этот молодняк и пользуются им для работы на каких-то выгодных для собственников скота условиях. Наконец, некоторые совсем не имеют скота и, очевидно, даже не в состоянии нанять его. Они вынуждены обрабатывать крохотные участки поля руками, и собираемый ими урожай настолько невелик, что хозяин просто уносит его с поля на спине своей.² Совершенно очевидно, что

Qui autem boves non habent, tres corvadas in vinea, et quartam in colligendis messibus». CYonne, I, № 89, 1035 г.: «...sextario uno annonae, de illo homine qui cum bubus laborat, et plenam minam de illo qui cum fossorio capturus». Там же, I, № 281, 1147 г.: «...in eo qui de labore boum vivit, sextarium avene; in aliis, unam minam». Там же, I, 322, 1150 г.: «quod homines, equos vel boves habentes, bis in anno carrucas... reddent... Ceteri vero bis in anno servient cum brachiis suis». Там же, II, № 187, 1168—1176 гг.: «ab his qui terram... cum bubus ex colunt, habebit unum bichetum frumenti, et de his qui terram fodiant, unum bichetum tæmisii». Ср. для XIII в. Garnier, II, № 344, 1237 г. Для каролингской эпохи: Polupt. d'Irminon, IX, 304: «...corvadas IIII, si boves habuerint».

¹ CCL, № 4330, 1188 г.

² Там же.

последняя категория зависимых крестьян не могла кормиться продуктами собственного своего хозяйства и должна была работать на стороне за плату.

Другая грамота XII в., относящаяся к территории того же графства Бургундского, еще ярче иллюстрирует широкое имущественное расслоение внутри феодальной деревни. Речь идет о крестьянах двух деревень — d'Andelli и de Poisnes, обязанных платить за каждую голову упряжного животного по 12 денар, будет ли то бык, корова, осел, кобыла или даже козел, если его припрягают в плуговую запряжку и таким образом как бы приравнивают к упомянутым выше животным. При этом наряду с состоятельными крестьянами, имеющими достаточное количество рабочего скота, упоминаются крестьяне, рабочего скота совсем не имеющие. Одни из них обрабатывают свою землю вручную, а другие совсем не ведут собственного хозяйства и, имея в деревне только жильё (может быть, с небольшой усадьбой), живут исключительно заработной платой.¹ Это те самые французские manouvriers и journaliers, которые так хорошо нам известны по памятникам XIII в.

Иногда рабочий скот давался малоимущему крестьянину помещику, у которого снималась земля, причем условия этой ссуды являлись чрезвычайно тяжелыми для земледельца. Так, в Клунийской рентали XII в., в отделе, касающемся декании св. Ипполита, упоминается «некто, имеющий плуг с запряжкой в две пары волов, из которых одна пара принадлежит монастырю, а другая является собственностью этого человека. И должен получать монастырь половину всего урожая». ² Таким образом, съемщик монастырской земли, получая от монастыря пару волов (в добавление к своей собственной паре), ³ становится монастырским полонником. В грамоте XI в., относящейся к территории Дофине, фигури-

¹ Cartulaire de Favernay, 1185 г.; у Flach'a, Les origines, I, стр. 404, прим.: «Pro custodia habebit F... de unoquoque animali trahente ad carrucam, sive bos, sine vacca, sive asinus, sive jumentum fuerit, XII denarios... singulis annis, et si animal quod trahit hertiam associatum fuerit, pro bove reputabitur.

Et sciendum quod dicta sunt de illis animalibus, que in dictis villis morantur et trahunt totum tempus, tempus de la saison, et de illis que infra finagium pred. villarum labrant.

Rusticus colens terram fossorio suo dabit X denarios, si animal trahens non habuerit... Homo qui non colit terram suam, sed vivit de denariis et amasatus est in villa, reddet XII denarios, si animal trahens non habuerit...»

² CCL, № 4143, стр: 494: «Apud Puglos est quidam homo qui habet I carrucam, IIII boves, ex quibus duo sunt domini et duo alii sunt hominis illius, et debet dominus habere medietatem totius lucri.

³ Как видно из текста, собственной пары волов было съемщику недостаточно для организации плуговой запряжки. Говоря другими словами, на территории декании св. Ипполита, очевидно, пахота могла производиться (по условиям почвы) только тяжелым, а никак не легким плугом. Мы знаем, однако, что монастырская земля обрабатывалась в данной местности плугами с запряжками по три пары волов; следовательно, запряжка в две пары волов не являлась здесь нормальной запряжкой и практиковалась съемщиком исключительно по недостатку рабочего скота.

рует крестьянин, который держит от духовной корпорации усадьбу-виноградник и луг за обычный *servitium*, пахотную же землю обрабатывает исполу в виду того, что собственник снабдил его скотом — парюю волов и двадцатью овцами.¹

Трудности, связанные с использованием тяжелого плуга индивидуальными силами того или иного крестьянского хозяйства, казалось бы, легче всего можно было преодолеть практикой общей плуговой запряжки, которая обслуживала бы несколько хозяйств сразу. Такая запряжка на феодальном Западе местами (например, в Англии), повидимому, была в широком употреблении. Грамоты Юго-восточной Франции упоминают, однако, такую общую плуговую запряжку очень редко, и притом исключительно в применении к крупнопомещичьему хозяйству,² и мы очень сомневаемся, чтобы она в сколько-нибудь широком масштабе применялась в мелком крестьянском хозяйстве. Дело в том, что практика этого рода в Юго-восточной Франции технически была невозможна, так как при отсутствии открытых полей полевые участки по общему правилу отделялись от участков других — соседних хозяйств канавами, изгородями, плетнями, деревьями, межевыми камнями и т. п., и, следовательно, не только тяжелый, но даже и легкий плуг не мог ходить по территории нескольких мелких хозяйств сразу. В крупных хозяйствах плуг, конечно, имел больше простора, и здесь совместными усилиями двух собственников-соседей могли, например, выполняться такие работы, как распашка нови на пограничных пустошах.

Важнейшим показателем интенсивности сельского хозяйства является степень его урожайности.

Brevium Exempla дают для каролингской эпохи чрезвычайно низкие показатели урожайности (не более сам-двух), настолько низкие, что приходится предполагать какие-то исключительно неблагоприятные для произрастания хлебов обстоятельства того года, к которому относятся показания этого памятника.³ Для рассма-

¹ *CDomina*, № 194, 1081 г.

² Напр., *CMolesme*, I, № 99, 1076—1111 гг.: «*ut ipsi monachi... carrucam boum inter me et ipsos ibi construerent; si quis autem boum deterioraret vel moraretur, de communi restaurerentur*». Ср. о том же № 40: «*ut ex censu Sancte Marie ad presens inibi statueretur legalis quedam carruca boum ad operandum in invicem, videlicet inter me et ipsos*». Ср.: *CRom*, № 80, 1037: «*...et per quatuor vices in anno suos proprios boves ad communem laborem prestant*».

³ М. Г. *Capitul*, I, 250 и сл. Вот соответствующие данные по двум фискал:

По фиску Гаснап

	Собрано урожая	Пошло на посев
Полбы	110 коробов	60 коробов
Пшеницы	100 модиев	60 модиев
Ржи	98 модиев	98 модиев
Ячменя	1800 модиев	1500 модиев

триваемой нами эпохи единственные в своем роде данные по вопросу об урожайности хлебов мы находим в Ключиной рентали половины XII в. Здесь при учете доходов Ключиного монастыря относительно ряда деканий имеются сведения, во-первых, о количестве собранного в минувшем году урожая озимых и яровых хлебов, во-вторых, о количестве зерна, посеянного осенью под озимое, и, наконец, в-третьих, о количестве зерна, которое может быть посеяно весной под яровое. Сравнивая количество посеянного под озимое и намеченного к посеву под яровое зерна с количеством собранного в предшествовавшем составлению рентали хозяйственном году урожая, мы можем (исходя из предположения о неизменности площади посева в минувшем и предстоящем хозяйственном годах) судить о степени урожайности отдельных хлебов и, следовательно, о степени интенсивности сельскохозяйственной культуры, хотя при этом все время нужно учитывать то обстоятельство, что минувший хозяйственный год был для хлебов (особенно для озимой пшеницы и яровых) неурожайным. Впрочем, приводя данные этого неурожайного года, ренталь неоднократно указывает, сколько могло бы быть собрано зерна при нормальных условиях, и эти параллельные данные о нормальной урожайности для нас особенно ценны.

Урожай пшеницы, согласно показаниям рентали, дает по отдельным деканиям сам 2,¹ сам 2,3,² сам 3¹/₃,³ сам 4.⁴ Урожай ячменя (по одной декании) — сам 2¹/₂.⁵ Урожай ржи (тоже по одной декании) — сам 5;⁶ последний урожай приближается к хорошему.

Хорошим урожаем пшеницы считается сам 4¹/₆;⁷ хорошим урожаем для всех хлебов (озимых и яровых вместе) считается (по одной декании) в среднем сам 6.⁸

Мы видим из всех приведенных данных, что потенциальная урожайность хлебов на землях Ключиного монастыря, при практике многократной обработки почвы тяжелым плугом с запряжкой в три пары волов, была довольно велика. Монастырь при благоприятных условиях не только прокармливал свое многочисленное

По другому (неизвестному) фиску

Полбы	20 коробов	10 коробов
Ржи	160 модиев	100 модиев
Ячменя	450 модиев	300 модиев
Овса	200 модиев	200 модиев

¹ Урожай 200 panals (50 секстариев) при посеве в 100 panals (25 секстар.).

² Там же, стр. 497. Урожай 46 секст. при посеве в 20 секст.

³ Там же, стр. 502. Урожай 40 секст. при посеве в 12 секст.

⁴ Там же, стр. 495. Урожай в 240 секст. при посеве в 60 секст.

⁵ Там же, стр. 494. Урожай в 200 panals (50 секст.) при посеве в 80 panals (20 секст.).

⁶ Там же, стр. 502. Урожай в 30 модиев, что равняется 270 секст. (считая согласно указанию рентали — «modius unus habet VIII sextarios» (стр. 501) — в модии 9 секст.) при посеве в 55 секст.

⁷ Там же, стр. 502. Урожай в 50 секст. при посеве в 12 секст.

⁸ Там же, стр. 496 и сл. Урожай в 300 секст. при посеве в 50 секст. (30 секст. ржи и 20 секст. овса).

население доходами с собственных поместий (в которых, впрочем, главную роль играли не поступления с господского хозяйства, а взносы держателей), но даже и продавал излишки на сторону.¹

С другой стороны мы, однако, должны подчеркнуть крайнюю неустойчивость сельского хозяйства в виду очень больших колебаний урожайности, во-первых, в зависимости от климатических условий (засуха) и, во-вторых, в зависимости от тревожной политической обстановки того времени. Политические неурядицы — симптом феодального дробления — нередко приводили к запустению земель и вообще к расстройству хозяйственной жизни, правда — временному. Мы уже приводили выше жалобы Петра Достопочтенного на резкое понижение доходности монастырских земель в результате нестроений и смут, бывших при его предшественнике — аббате Понции. По словам Петра Достопочтенного, ко времени избрания его аббатом Ключни (1122 г.) поступлений с монастырских деканий едва хватало для прокормления населения монастыря в течение 3—4 месяцев в году; на остальное же время хлеб приходилось закупать (как и вино), затрачивая на это огромные суммы.² Мы знаем, что через несколько лет после избрания Петра Достопочтенного бывший аббат Понций, отставленный от своей должности высшею духовною властью, сделал своего рода набег на монастырь, причем расхитил его драгоценности и опустошил поместья.³ От этого набега монастырское хозяйство долго не могло оправиться, и при составлении цитированной нами Ключнической ренты (пол. XII в.) хозяйственный развал монастырских поместий еще определенно давал себя чувствовать.

Стремясь поднять производительность своих поместий, Ключнический монастырь широко практикует в половине XII в. при обработке почвы наемный труд, который все более и более вытесняет в условиях развертывающегося товарного хозяйства медлительную и малопродуктивную барщину. Наиболее важная статья доходов с монастырского хозяйства — виноградарство, — как мы видели, целиком обслуживается трудом наемных рабочих, каковое обслуживание Ключническая рента считает необходимым условием правильной обработки виноградников. Наемный труд

¹ CCL, т. V, стр. 495: «De fructu segetum hujus anni recepit Cluniacus Cet L sext. frumenti et XXX vendidit dominus...» Ср. там же, стр. 135 (№ 3789, а. 1100 с.): «Quando Stephanus prior venit a Monbertolt... invenit in domum CC sextarios siligini, et XL sextarios frumenti; de hoc vendidit LX sextarios siligini III solidos asinatam et XL frument: III^{or} solidos asinatam».

² CCL, № 4132, т. V, стр. 475: «Congregata de omnibus decaniis annona, vix quatuor mensibus, aliquando nec tribus... Panis parvus, niger et furens... Preter alias... expensas, in emendo solummodo annonam et vinum plus quam viginti milia solidorum Cluniacensis Kamerarius expendebat».

³ См. об этом у Mabillon'a, Ann. ordinis S. Bened., VI, гл. CXVII, 1125 г.; стр. 127: «... circumpositas monasterii villas et castra invadit, et barbarico more religiosa quaeque loca sibi subdit, ignibus et ferro consumit; rapinis denique ac caedibus vastat omnia».

упоминается также при косьбе сена.¹ Надо думать, что он применялся и при культуре зерновых хлебов, в частности при пахоте, которая при малом количестве живого и мертвого инвентаря в монастырском хозяйстве и при малой вилланской барщине едва ли могла производиться исключительно собственными силами монастырских поместий. Один пассаж из Ключонийской ренты говорит о привлечении к пахоте не только собственных, но и соседних вилланов,² и эти последние, конечно, могли работать только за плату. Вспомним, что все предпосылки для широкого обслуживания крупных помещичьих хозяйств наемным трудом (зависимых и свободных рабочих) были в Юго-восточной Франции издавна. С одной стороны, это владельцы сравнительно большого количества рабочего скота, следовательно, зажиточные крестьяне, которые имели возможность производить пахоту за плату на стороне (их, очевидно, и имеет в виду Ключонийская рента, говоря о соседних вилланах), с другой стороны, это малоземельные и безземельные крестьяне, о которых определенно говорится, что они жили заработной платой.³

До сих пор у нас речь шла об интенсивном росте сельскохозяйственной культуры. Параллельно, издавна, шел экстенсивный ее рост, который особенно усилился в XI—XII вв. и выражался главным образом в расширении пашни за счет леса. Этот наблюдавшийся всюду на Западе процесс «внутренней колонизации» довольно хорошо выяснен в исторической литературе, и мы лишь подчеркнем некоторые технические его особенности в применении к Юго-восточной Франции.

Прежде всего отметим, что захват леса под сельскохозяйственную культуру не обязательно сопровождался его корчевкой. Такая связанная с большими усилиями корчевка практиковалась довольно часто, но гораздо чаще лес захватывали более простым и легким способом, именно — его выжиганием. Практика выжигания леса для земледелия, издавна известная Юго-восточной Франции и, между прочим, хорошо засвидетельствованная «Бургундскою правдою»,⁴ была в очень большом ходу и в рассматриваемую нами эпоху. Интересное и картинное описание такой расчистки мы находим в одном анонимном «Житии» XII в. Речь идет о монахах-цистерцианцах, первых насельниках монастыря *Vona vallis* (*Vonne-vaux*), основанного в 1118 г. в Вьенском округе: «Монахи, — читаем мы в «Житии», — собственными руками производили заимки. Они рубили лес, вычищали кустарник, и когда срубленный материал высыхал,

¹ CCL., т. V, стр. 496: «De pratis colliguntur ibi LX carrate feni, et profalcacione dantur XL sol.

² Там же, стр. 503: «Possunt illic habere XX carrucas ter in anno ad lucrandum dominium, tam de propriis villanis q am d: vicinis.

³ См. цитированную выше выдержку из *Cart. de Favernay*, 1185 г., у Flach'a, *Les origines*, I, стр. 404, прим. Ср. Clonne, II, № 124, 1161 г. «In mercennariis autem ecclesiae, sive messoribus, undecumque venerint, nullam comes aut servientes ejus habebunt justici m...». Ср. там же, № 80, 1157 г.

⁴ *Lex Burg.*, XLI, 1: «Si quis in e a to suo focum fecerit et focus nullo impendente vento per terram currens ad sepem vel messem pervenerit alienam».

жгли его, имея в руках шести, именуемые в простонародье вилами, и поворачивая ими горящие головни, как это обычно делается при заимках. Пробывши на такой работе целый день, изнывая от солнечного пекла и от жара огня, законченные наподобие кузнецов, они около девяти часов (вечера) возвращались домой для принятия пищи». ¹ В этом кратком описании, как видим, чрезвычайно ярко обрисована вся несложная техника расчистки леса выжиганием, связанная с примитивным «огневым земледелием». Надо думать, что при таком огневом земледелии посев на заимке сплошь и рядом производился всего лишь один раз, а затем заимку бросали, и она быстро снова зарастала лесом. Еще в *capitulare de villis* имеется предписание о том, чтобы расчисткам «зарастать лесом не давали», ² а наши памятники, относящиеся к Юго-восточной Франции, определенно говорят о таком зарастании, ³ так как поддерживать постоянное земледелие на выжженной только (с невыкорчеванными пнями) лесной поляне, конечно, было чрезвычайно трудно. Гораздо проще было обратить такую заимку на длительное время под луга (с регулярным выгоном скота на них после покоса) или под пастбища. И в первом и во втором случаях молодые побеги начисто уничтожались скотом, и, таким образом, борьба с лесом не представляла никаких трудностей. Наши памятники, особенно часто упоминающие о лесных расчистках в изобиловавшей лесами северо-западной части герцогства Бургундского, определенно говорят, что эти расчистки (в частности более всего известные нам расчистки монахов-цистерцианцев) были главным образом расчистками под луга, ⁴ вызванными интересами скотоводства. Выше мы уже отмечали неудовлетворительное состояние скотоводства в раннефеодальный период, ставившее главные препятствия распространению земледелия. Естественно, что проблема расширения земледельческой культуры вместе с тем была и проблемой скотоводства, а проблема скотоводства теснейшим образом была связана с луговодством, которое, однако, только могло обеспечить достаточные запасы корма.

¹ Mabillon, *Ann. ordinis S. Bened.*, VI, кн. LXXIV, § 20, стр. 87, 1122 г.: «*Monachi per semetipsos excolebant novalia, succidebant silvas, dumenta extirpabant, quae iterum arefacta ipsi iterum nihilominus succendebant, contos, quos vulgo furcones vocant, tenentes in manibus, quibus, ut mos est novalium, titiones submovebant. Cumque tota die in ejusmodi servitio laborassent, tam solis calore, quam ignis ardore vehementer fatigati, instar, fabrorum denigrati, circa horam nonam prandendi gratia domum repedabant*».

² *Capitulare de villis*, c. 36: «...et campus de silva increscere non permittant...»

³ Напр., *СMat*, № 199, 996—1018 гг.: «*campis, pratis, silvis exartis et recrebitis*». Ср. *СParis*, № 17 (1025 г.): «*postea silva recrescit*».

⁴ Напр., *СMat*, № 567, 1096—1124 гг.: «*ut ulterius non extirparetur, sive ad pratum, sive ad agriculturam*». *СMolesme*, I, № 78: «...quantum ipsi monachi ad prata de brolio suo extirpare possent». *Clonne*, № 128, 1120—1139 гг.: «...ad facienda prata... ad proprios usus de silva... dedit». Там же, № 330, 1151 г.: «...ad extirpandum ad prata facienda». Там же, № 344, 1152 г.: «*de nemore se habere quantum vellent ad prata excolenda ad proprios usus*». Ср. *Ant. Besuensis abbatiae Chron.*, D' Achery, *Spicilegium*, II, стр. 452.

скоту на зиму. Целый ряд грамот совершенно определенно подчеркивает, что для содержания крупного рабочего скота луга являлись насущной необходимостью. «Жалую им, — значит в одной грамоте XI в., — столько земли, сколько может обработать в год пара волов. Столько же жалую земли для устройства луга, кормом с которого волы эти могли бы прокормиться». ¹

В другой грамоте (тоже XI в.) дарится земля, которую можно обработать одним плугом, а также такое количество лугов, «какое необходимо для работы означенного плуга». ²

В грамоте от начала XII в. даритель жалует монастырю из господской земли столько, сколько можно обработать одним плугом, а также такое количество лугов, какое требуется для волов, входящих в плуговую запряжку. ³

Еще в одной грамоте от второй половины XII в. дарятся «земля и луга, достаточные для двух плугов». ⁴

Также и Ключинская рента, говоря о наличии в одном из монастырских поместий господской земли на 20 плугов, вместе с этим подчеркивает, что лугов здесь хватит для всех плугов, т. е., очевидно, для всех плуговых запряжек. ⁵

Как видим, во всех цитированных грамотах определенно подчеркивается, что содержание крупного скота, а следовательно, и обработка земли под зерновую культуру без луговодства совершенно немислимы. Вот почему луговодство в XI—XII вв. приобретает параллельно расширению площади пахотной земли все более и более важное значение, причем прогресс выражается в данном случае не только в увеличении количества лугов, но и в охране их от порчи даже после покоса. Так, в одной грамоте хартулярия церкви св. Викентия Маконского говорится о защите лугов *de fassione porcorum*, т. е. от порчи (разрывания) их свиньями после сенокоса. ⁶ Есть также сведения об усовершенствовании культуры лугов путем введения практики искусственного их орошения. ⁷

¹ СMat, № 11, 1067 г.: «*dono eis intra terram planam si invenitur, aut de silva ad complanandum tantum quantum exarare possit in elaborando par boum in anno, totidem etiam ad elaborandum vel complanandum pratum ubi boves vivere possint.*»

² CCL, № 3439, 1070 г.: «*terram unius carrucae sufficientem, prata quoque, quae necessaria sunt ad ipsius carrucae cultum.*»

³ Там же, № 3892, 1110 г.: «*terram ...dominicam ad exercendum quantum aratro sufficit...; pratum quoque quantum competit bobus aratri.*»

⁴ Там же, № 4246, 1173 г.: «*...terram et prata duobus aratris sufficientia.*»

⁵ Там же, № 4143, т. V, стр. 496: «*...et sufficit terra ad lucrandum XX carucas...et prata sufficient ad omnes carrucas.* Ср. C.Molesme, № 17: «*III-or scilicet boves et laborem eorum cum aliqua terre et pratorum portione... concessit.*» Ср. там же, № 53: «*De pratis suis dederunt tantum de brolio suo, quantum uni carruce sufficerit, et extyrpabunt frutices quantum necesse fuerit.*»

⁶ СMat, № 567, 1096—1124 гг.: «*...neque pratum deffendat nisi de fassione porcorum...*»

⁷ Giraud, Essai historique sur l'abbaye de S. Bernard, I, № 303, 1160 г.: «*De cursu vero aquarum que de Poirano ad Romanensem villam fluunt... testati sunt quod due partes semper ad Romanensem villam fluere debent, tertiam au-*

Само собой разумеется, что расчистка леса (под пашню и под луга) путем выжигания, технически представлявшая собою, в противоположность корчевке, очень легкую и несложную операцию, могла принимать и принимала хищнический характер, грозивший даже обильным лесным чащам того времени. Особенно угрожающий характер приняли (с XI в.) расчистки лесов цистерцианскими и премонстранскими монастырями, ставившими одной из главных задач своей хозяйственной деятельности борьбу с лесом и умевшими организовать эту борьбу на очень широких началах.¹ Отсюда, естественно, вырастала необходимость охраны лесов, которая выражалась либо в запрещении рубить «плодоносящие деревья» дуб и бук,² особенно важные для свиноводства, либо в ограничении³ и даже полном запрещении лесных расчисток.⁴ По данным Ключинской рентали, монастырские леса тщательно охранялись. Там, где такой охраны леса не было, ренталь отмечает это как упущение.⁵ Таким образом, прогресс земледелия одновременно вел также к прогрессу в области луговодства и к первым зачаткам правильного лесного хозяйства.

Нам остается подвести итоги. Рост сельскохозяйственной культуры на Западе в XI—XII вв. выразился в Юго-восточной Франции прежде всего в интенсификации этой культуры, в частности в расширении специальных культур и улучшении техники обработки почвы.

Последнее шло не путем введения новых орудий труда, а путем более рационального использования старых, давно уже бывших в употреблении. При наличии определенного прогресса в области земледелия техника обработки почвы все же продолжала оставаться несовершенной и требовала применения большого количества рабочего скота, в котором все время ощущался большой недостаток. Этот недостаток и дороговизна живого инвентаря, задерживая развитие земледелия, в то же время обуславливали большое имущественное расслоение внутри деревни.

Параллельно интенсификации сельского хозяйства шел экстенсивный его рост, тоже, однако, встречавший препятствие прежде всего в недостатке рабочего скота и очень остро ставивший проблему животноводства. Разрешение этой проблемы искали в уве-

tem partem Pairanenses ad irrigationem pratorum suorum debent detinere; postquam vero prata secta fuerint, totam aquam ad Romanenses debere destruere testati sunt.»

¹ Clonne, I, № 344, 1152 г. (монахи аббатства Eschartis nemus Wevre (в Санском округе) ultra quod deberetur ad prata facienda devastabant». Ср. там же, II, № 110 и мн. др.

² Там же, II, № 73, 1153 г.: «et quercus et fagus, et omnes arbores qui fructum portant». Ср.: там же, №№ 57, 118, 206.

³ Там же, I, №№ 244, 337, 281.

⁴ Там же, I, № 128, 1120—1139 гг.: «dedit eisdem omnes assantias suas per totum illud nemus, ...excepto quod exartum facere non liceret». Ср. там же, № 254; там же, II, № 57. Ср. CMolesme, № 49.

⁵ CCL, № 4143, V, 1149—1156 гг., стр. 496, 505.

личении площади лугов, которое проходило (как и увеличение площади пахотных полей) прежде всего путем заимки леса его выжиганием. Широкое распространение практики выжигания, быстро сокрушавшее лесные чащи, поставило на очередь охрану лесов и положило начало правильному лесоводству. Таким образом, рассматриваемая нами эпоха является в конце концов эпохой важнейших сдвигов во всех областях сельскохозяйственной жизни.

Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров

Введение

Настоящая работа не ставит себе задачей полное и всестороннее исследование деятельности крупного торгово-ростовщического капитала в Германии XV—XVI вв. Такая задача в данное время должна быть признана неосуществимой для советского историка, поскольку разработка такой темы требует детального изучения архивного материала, находящегося за пределами СССР — главным образом в Германии, а также в Австрии, в Испании, Голландии и т. д. Тем не менее тот усиленный интерес, который проявлялся со стороны немецких буржуазных историков к деятельности крупных купеческих домов Германии XV—XVI вв., начиная с конца прошлого столетия и вплоть до последнего времени, та откровенно апологетическая тенденция, которой проникнуты все эти работы, является достаточным основанием для того, чтобы в советской исторической науке поставить вопрос о крупном германском капитале XV—XVI вв., раскрыть классовую сущность работ, посвященных этой теме, и в меру тех фактических материалов, которыми мы располагаем, дать не только научную критику этих буржуазных работ, но и попытку дать марксистскую трактовку данного вопроса.

Интерес немецких буржуазных ученых к истории крупных купеческих домов в Германии проявляется ярко в 90-х годах прошлого столетия,¹ причем объектом их исследования стала главным образом деятельность аугсбургского торгового дома Фуггеров, что естественно, поскольку Фуггеры были безусловно крупнейшими представителями германского капитала XV—XVI вв. В 1896 г. Рихард Эренберг выступил со своей двухтомной работой «Век Фуггеров»,² в то же время Конрад Геблер выступил с рядом работ, посвященных Фуггерам и Вельзерам,³ а затем с начала XX в. в Германии начинает выходить специальная серия исследований о Фуггерах под редакцией Я. Штридера. Сам Штридер является автором ряда работ, посвященных Фуггерам и другим купеческим домам Германии. Последней, насколько мне известно, работой,

¹ Правда, уже несколько ранее вышла специальная работа Добеля о деятельности Фуггеров в Тироле и Каринтии — F. Döbel, *Über den Bergbau und Handel des Jakob u. Anton Fuggers in Kärnten u. Tirol (1495—1560)*, Augsburg, 1882 г.

² R. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, тт. I и II, 1896 г.

³ K. Häbler, *Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien*, *Zeitschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgechichte*, 1897 г. ⁴ K. Häbler, *Die überseeischen Unternehmungen der Welser* и др.

вошедшей в состав так наз. «Studien zur Fuggergeschichte», было изданное в 1929 г. специальное исследование Шейермана о Фуггерах как горнозаводчиках в Тироле и Каринтии.

Таким образом, мы видим, что тот интерес, который появился в конце прошлого столетия у немецких буржуазных историков к Фуггерам как к крупнейшему купеческому дому Германии конца XV и XVI вв., не ослабевал в течение десятилетий. Естественно возникает вопрос о том, что же вызвало и поддерживало данный интерес.

Достаточно определенный ответ на этот вопрос мы находим у Я. Штридера, который в одной из своих работ¹ пишет: «В первых двух третях XVI в. южнонемецкие купцы, а среди них в качестве первых — Фуггеры, заняли положение корифеев в европейском торговом, промышленном и финансовом мире, положение, какого не было никогда до этого времени и никогда после него. Век Фуггеров мы тем самым можем назвать второй эпохой расцвета в истории немецкой экономики. Она закончилась исходом последнего десятилетия XVI в., когда богатство благородных металлов Нового Света свело на-нет значение европейского горного дела, в котором господствующее положение занимали немцы, когда государственные банкротства этой эпохи лишили немецких купцов большей части их капиталов. Остальное принесла нашему народному хозяйству несчастная Тридцатилетняя война. Она особенно, как и религиозная и политическая раздробленность нашего отечества вообще, была причиной того, что падение было столь глубоким и что эпоха его нового подъема до хозяйственной величины всемирноисторического значения наступила лишь спустя более чем полтора столетия. Начинаясь этим третья эпоха расцвета в истории немецкой экономики относится уже к нашему времени, к XIX—XX вв. Она начинается в 50-х и 70-х годах XIX в. и кончается вместе с началом мировой войны, в первые августовские дни 1914 года... Страницы этой работы расскажут о второй эпохе расцвета в истории немецкой экономики [первая эпоха по Штридеру — это эпоха Ганзы. Е. Н.] — об эпохе Фуггеров, я мог бы сказать: об эпохе раннего немецкого капитализма (Frühkapitalismus). Ибо если конец XIX в. и начало XX в. справедливо характеризуются как эпоха вполне развитого капитализма (die Zeit des vollausgebildeten Hochkapitalismus), то конец XV в. и начало XVI в. можно назвать эпохой развития мощного немецкого раннего капитализма, возглавлявшегося крупными южнонемецкими предпринимателями (unter der Führung von süddeutschen Grussunternehmern)».

Мы считали необходимым привести эту сравнительно длинную выдержку потому, что она, во-первых, дает объяснение имеющемуся у немецких буржуазных историков интересу к крупному купеческому капиталу в Германии XV—XVI вв., в особенности к Фуг-

¹ J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, Leipzig (год издания не указан), стр. 1—3.

герам, и, во-вторых, раскрывает самую сущность взглядов этих историков на данную эпоху и роль крупных немецких купеческих домов.

В конце XIX в. Германия переживала такой быстрый подъем; какой только возможен в силу действующего в эпоху империализма закона неравномерного развития. Этот подъем сделал Германию одной из сильнейших империалистических держав, что, естественно, порождало повышенное национальное самосознание у германской буржуазии (да и не только у нее, а даже у значительной части трудящихся масс, которые не могли освободиться от плена буржуазной идеологии). Эти буржуазно-националистические тенденции получили яркое отражение и в исторической литературе. Ими объясняется то, что вниманию немецких историков устремилось в тот период прошлого, когда Германия также играла в Западной Европе значительную роль, а именно — XV—XVI вв., когда немецкий торговый капитал имел международное значение. Несчастливая Тридцатилетняя война, — говорит Штридер, — положила конец второй эпохе расцвета Германии; мировая война была концом третьей эпохи расцвета. Немецкая империалистическая буржуазия надеется вернуть себе утраченное положение, и немецкие буржуазные историки, выражая мечты своего класса о четвертой эпохе расцвета, продолжают усиленно изучать «вторую эпоху расцвета» — XV—XVI вв.

Какой же представляется им данная эпоха? На это мы опять-таки находим ответ у Штридера: это эпоха раннего капитализма. Фуггеры и другие купеческие дома Аугсбурга — крупные капиталистические предприниматели, промышленные предприниматели. Термин «Grossindustrielle» мы нередко встречаем у этих историков в применении к Фуггерам. Мнение, будто Германия XV—XVI вв. переживает эпоху раннего капитализма, — не единоличное мнение Штридера; это концепция всех буржуазных исследователей, занимавшихся данным вопросом, но никто из них, пожалуй, не высказал ее яснее, чем Штридер.

Таким образом, если немецкие историки обращаются к изучению эпохи XV—XVI вв., выражая настроения и надежды немецкой буржуазии, то в трактовке самой эпохи и роли немецких купеческих домов они — верные выразители взглядов и настроений империалистической буржуазии в целом. Концепция «раннего капитализма» — по существу концепция извечности капитализма, которая нужна буржуазии в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Методологически Штридер и остальные участники «Fuggerstudien» стоят на тех же позициях, что и Альфонс Допш, являющийся наиболее ярким выразителем этой буржуазно-апологетической тенденции в настоящее время.¹

Если Допш, как это видно из последней его большой работы,²

¹ Общность методологических установок не означает, конечно, заимствования Штридером и др. установок Допша.

² A. Dopsh, *Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte*, 1930 г.

занят тем, чтобы, насколько возможно, научно обосновать свою концепцию непрерывного развития капитализма, его изначальность, то Штридер, М. Янсен и другие по конкретному вопросу — по экономической истории Германии XV—XVI вв. — дают с своей стороны материал для этого обоснования. Особенно широкое обоснование пытается дать Я. Штридер. Не говоря уже о том, что этой цели служат его специальные работы о Фуггерах и других аугсбургских купеческих домах, он в большой работе по истории развития монополистических форм хозяйства¹ изучает средневековые монопольные кампании для того, чтобы эти монополии отождествить с современными монополиями, т. е. для того, чтобы полностью стереть различие между эпохой империализма и эпохой промышленного капитализма и более того — основную черту, характеризующую империализм, распространить на эпохи, когда не было еще и капитализма.

Такова методологическая основа и классовая сущность тех работ, которые посвящены изучению крупного купеческого капитала Германии XV—XVI вв. и в частности торгового дома Фуггеров. Вряд ли есть необходимость в особом обосновании политической актуальности разоблачения этой концепции с методологической и фактической стороны. Это разоблачение тем более необходимо, что, как это ни странно, апологетические концепции германского капитала XV—XVI вв. проникли даже в советскую учебную литературу.²

¹ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle u. Aktiengesellschaften im Mittelalter u. zu Beginn der Neuzeit, 2-е изд., 1925 г.

² Хрестоматия по соц.-экономической истории Европы в новое и новейшее время, под ред. В. П. Волгина, Гиз, 1929, являющаяся одним из основных пособий для исторических вузов, содержит статью М. П. Лесникова в качестве вводной к изучению документов XV—XVI вв. В этой статье М. Лесников последовательно проводит концепцию Штридера, М. Янсена и других буржуазных немецких историков. «Ранний новоевропейский капитализм (Frühkapitalismus), — пишет он, — следует изучать именно на германском материале... Германский Hochkapitalismus, его промышленный, торговый, колониальный подъем XIX в. и начала XX в. не без гордости может вспоминать о своем, абсолютно, конечно, более слабом, но относительно, несомненно, более мощном и блестящем, правда, менее долговечном предке... В условиях значительно расширившегося, но все же еще не весь-земной шар охватывающего европейского «мира» XVI в. германский капитализм носил действительно «мировой» характер» (стр. 49).

Не менее яркой является и следующая антимарксистская установка автора: «приходится с некоторой осторожностью относиться к исторической схеме развития капитализма с ее эпохами «торгового», «промышленного» и «финансового» капитала. Капитал в XVI в. выявляется во всех трех формах, они тесно сплетаются между собой. Историческая последовательность форм в действительности оказывается нераздельным сосуществованием» (стр. 50). Таким образом, мы видим, что, во-первых, говоря об исторической схеме развития капитализма, автор вместо марксистско-ленинского учения об этапах развития капитализма исходит из механистической антимарксистской схемы; во-вторых, финансовый капитал для М. Лесникова не есть продукт сращивания банкового и промышленного капиталов, не есть специфически присущий эпохе империализма капитал, а обычный денежный капитал. Тем

Отождествление торгово-ростовщического капитала с капиталом промышленным, несомненно, является одним из простейших приемов апологии современного капитализма. Торгово-ростовщический капитал как существующий в докапиталистических формациях может быть легко использован для того, чтобы «доказать» извечность капитализма.

Но апология современного капитализма может быть основана и на, казалось бы, противоположной точке зрения — на отрицании всякой логической и исторической связи между капиталом торгово-ростовщическим и капиталом промышленным. Данный метод имеет своею целью доказать, что торгово-ростовщический капитал с его основанными на грабеже способами накопления ничего не имеет общего с современным капиталом. Этот тип апологетических концепций берет свое начало от разоблаченных в свое время Марксом теорий трудового происхождения капитала, но представляет по сравнению с последними более уточненную форму защиты капитализма.

В нашу задачу не входит рассмотрение этих концепций. Однако нельзя не отметить, что к ним в частности относится теория Вернера Зомбарта о возникновении капитала из накопления земельной ренты, а из современных концепций данного типа наиболее ярким выражением этой апологетической тенденции является концепция К. Каутского, развитая им во II томе его работы «Материалистическое понимание истории». ¹

Поскольку взгляды Каутского на торгово-ростовщический капитал не были, насколько мне известно, освещены в марксистской литературе, я считаю необходимым на них несколько подробнее остановиться.

Начав с констатирования заслуги К. Маркса, состоящей в том, что Маркс впервые стал различать отдельные формы капитала и специфические функции каждой из этих форм в определенных исторических условиях, Каутский далее считает необходимым внести некоторые «дополнения» в учение Маркса. Маркс, по мнению Каутского, не имел возможности проследить первые зачатки торгового и ростовщического капитала, и Каутский берет на себя «восполнить» этот пробел. То, как он это делает, полностью соответствует цели, которую себе Каутский ставит. Ведь все, что он пишет о докапиталистических обществах в своем объемистом труде, является для него средством доказать, что «капиталистическая эксплуата-

самым автор скатывается на социал-фашистские позиции, в частности к Финн-Енотаевскому.

В статье имеется и ряд других «перлов» апологии современного капитализма. Так, например, М. Лесников пишет: «Один из «проклятых» вопросов современного капитализма XIX—XX вв. с его свертехникой и перепроизводством — вопрос о рынках сбыта — и возникновение в связи с этим формы капиталистических организаций не были известны и изучаемой нами эпохе. Мало того, кризисы сбыта ей были более знакомы, чем современности» [подчеркнуто мной. Е. Н.] (стр. 95).

¹ К. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, тт. I—II, 1929 г.

ция имеет под собой совсем другую основу, чем докапиталистические методы эксплуатации. Она основывается не на военном превосходстве класса эксплуататоров, а на экономической необходимости собственности, существование которой хотя и может сделаться излишним благодаря более совершенной хозяйственной организации, но которая не может быть устранена без тяжелого экономического ущерба для страны путем применения простого военного насилия... Собственность, на которой основывается капиталистическая эксплуатация, является временно экономической необходимостью и не только для эксплуататоров, но и для эксплуатируемых».¹

Поэтому, по Каутскому, «рабочее» правительство будет постепенно обобществлять различные отрасли капиталистического производства по мере созревания их для такого обобществления; демократическое государство изменит в корне экономику и социальные отношения. И вот для того, чтобы, во-первых, доказать полную противоположность этого демократического государства всем исторически существовавшим формам государства, во-вторых, доказать всемогущую роль государства, способного в корне изменить экономику общества, в-третьих, доказать, что это изменение экономики никоим образом не должно носить характер насильственной экспроприации экспроприаторов, — Каутский и посвящает примерно половину II тома своей работы рассмотрению докапиталистических обществ и присущих им форм эксплуатации. Нас в данном случае интересует то, что он пишет о торговом и ростовщическом капитале (разд. IV, гл. 3 и 4).

Государство, возникающее, по Каутскому, из завоевания номадами мирных оседлых племен, изменяет самый характер собственности: право собственности превращается в средство содействия эксплуатации. «Из слуги трудящейся массы оно становится ее господином и безжалостным тираном».²

Государство, по Каутскому, создает и торговлю и купцов: «управители государства скоро передали принадлежавшую им торговую монополию особым уполномоченным, которых они подбирали из многочисленного кадра своих слуг, поставляемого им платящим дань населением».³ Первые торговцы — чиновники государства. Государство же и господствующий класс, по Каутскому, — первые ростовщики. Они дают имеющиеся у них излишки торговцам; эти торговцы имели право свободно продавать эти товары при условии, что они возвращают данные им в ссуду ценности и делятся полученной прибылью.⁴ Князья и крупные земельные собственники также дают ссуды массе населения, причем, в соответствии с каутскианской теорией происхождения классов, кредитор и должник принадлежат сначала к различным племенам. Только господствующее племя располагает большими излишками, которые оно может

¹ К. Kautsky, ук. соч., т. II, стр. 436.

² Там же, стр. 152.

³ Там же, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 163.

дать в ссуду. Только члены закабаленных и эксплуатируемых племен оказываются в бедственном положении, принуждающем их брать ссуды».¹

Таким образом, не из развития торговли и денег выводит Каутский возникновение торгового и ростовщического капитала. Сама торговля обязана своим возникновением и развитием государству и крупным землевладельцам. Последние в качестве ростовщиков ссужают торговцам, являющимся чиновниками государства, излишки, полученные в результате эксплуатации покоренных племен. Так, по Каутскому, государство, возникнув, изменяет экономику, порождает новые классы. Материал древности используется и в корне извращается для того, чтобы доказать, что «завоеванное» рабочим классом демократическое государство современности может перестроить всю экономику и привести мирным постепенным путем к социализму.

До эпохи промышленного капитализма торговый и ростовщический капитал, по Каутскому, не способен играть какую бы то ни было прогрессивную роль.² Это утверждение имеет своей целью подчеркнуть, что только индустриальный капитализм является носителем прогресса. Каутский утверждает, что только с возникновением индустриального капитала торговый и ростовщический капитал могут играть прогрессивную роль, поскольку они теряют свое самостоятельное значение: торговый капитал — тем, что он превращается в агента промышленного капитала, ростовщический же капитал — тем, что он превращается в ссудный капитал.

Таким образом, мы видим два внешне противоположных метода апологии современного капитализма, причем в обоих случаях апологеты капитализма используют для обоснования своих взглядов докапиталистические формы капитала. Если для Каутского торговый и ростовщический капитал лишены всякого прогрессивного значения, то для стоящих на родственных Допшу позициях Я. Штридера, М. Янсена и др. торгово-ростовщический капитал тождествен промышленному капиталу и является исключительно прогрессивным фактором.

Правда, следует отметить, что не у всех буржуазных исследователей истории германских купеческих домов XV—XVI вв. мы встречаем в столь грубой форме отождествление торгово-ростовщического капитала с капиталом промышленным. Если, например, у Штридера это отождествление проявляется вполне определенно и ярко, если он даже борьбу против средневековых монополий считает борьбой против «раннего капитализма»,³ то Шейерман более свободен от таких грубых искажений действительности. Он, например, признает, что чисто денежные и торговые операции Фуггеров

¹ К. Kautsky, ук. соч., стр. 166.

² Там же, стр. 418 и сл.

³ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, 1925 г., стр. 77.

не характеризуют их как индустриальных капиталистов,¹ но для доказательства исключительной прогрессивности Фуггеров Шейерманн на первый план выдвигает непосредственное участие их в производстве, считая остальные виды деятельности Фуггеров, в особенности их ростовщические операции, случайным, вынужденным отклонением от основного направления их деятельности. Вина за это отклонение должна быть, по мнению Шейермана, возложена на императорскую и королевскую власть, стеснявшую свободу действий Фуггеров и выкачивавшую у Фуггеров их капиталы.

Как же стоит вопрос о прогрессивности торгового и ростовщического капитала с методологической и фактической стороны (фактической, конечно, в применении к условиям Германии XV—XVI вв.)?

Для ответа на первую часть вопроса необходимо остановиться в общих чертах на самой природе торгового и ростовщического капитала.

1. Сущность торгового и ростовщического капитала

Вопрос о том, какова роль торгового и ростовщического капитала в возникновении капиталистического способа производства, в настоящее время в результате освоения учения Маркса и Ленина в этой части, в результате происходивших на историческом фронте дискуссий не вызывает принципиальных споров в марксистской исторической науке. Точка зрения на торговый капитал как на демиурга капиталистического способа производства сравнительно давно уже преодолена марксистско-ленинской наукой. В настоящее время каждому историку, стоящему на марксистско-ленинских позициях, ясно, что как торговый, так и ростовщический капитал являлись продуктом известного уровня развития общественного производства, но уровня гораздо более низкого, чем тот, на котором возможно возникновение капиталистического способа производства. Необходимость посредника в обращении между разрозненными производителями (т. е. необходимость торгового капитала) возникает на сравнительно низкой ступени общественного развития; для того же, «чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары, и наряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции».² Далее ясно, что и торговый и ростовщический капитал как таковые (т. е. когда они не проходят путь к превращению своему в капитал промышленный) стоят вне производства и не изменяют самого способа производства.

Это не значит, однако, что докапиталистические формы капитала не влияют на производство. Торговый капитал (а также и ростовщический) возникает из обмена. Но «обмен... во всех своих моментах

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten, 1929 г., стр. 6.

² К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1930 г., стр. 107.

или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним». ¹ Обмен, рождающий торговый капитал на определенной ступени своего развития, сам возник потому, что рост производительности общественного труда, выражением и условием развития которого является общественное разделение труда, превращал все большую часть продуктов труда в товары. Отсюда само возникновение и развитие торгового капитала (а равно и капитала ростовщического) есть выражение известного уровня развития общественного производства. «Что обмен и потребление не могут иметь господствующее значение — это ясно само собой... Определенная форма производства обуславливает, таким образом, определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу». ²

Но, с другой стороны, самый обмен, раз возникнув, оказывает влияние на производство. «Когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация». ³ «Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах имеют своею целью главным образом потребительную стоимость». ⁴ Развитие торговли, а тем самым развитие торгового капитала всегда влияет на производство таким образом, что способствует превращению все большей массы продуктов труда в товары, а этим подготавливается переход к товарному производству, т. е. такому, при котором вещи уже *производятся* как товары (а не просто *становятся* товарами, будучи произведены как потребительная стоимость). Говоря о возникновении капиталистического способа производства, следует, в частности, подчеркнуть, что в число необходимых для него предпосылок входит между прочим и известный уровень развития торговли и торгового капитала. Капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно, уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц». ⁵

В докапиталистических формациях торговля и торговый капитал разлагают в известной мере существующий способ производства, но направление и результаты этого разложения зависят не от них, а от характера самого способа производства. Так, о ростовщическом капитале Маркс указывает следующее: «Революционно действует ростовщик при всех докапиталистических способах производства лишь *политически* [подчеркнуто Марксом. Е. Н.], разру-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, 1933 г., стр. 25.

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1930 г., стр. 256.

⁵ Там же, стр. 252.

шая и уничтожающая формы собственности, которые постоянно воспроизводились и служили основой политических группировок»: ¹ Это высказывание применимо к купеческому капиталу. Капитал торговый и ростовщический в докапиталистических формациях содействуют уничтожению одной формы собственности и замене ее другой, более прогрессивной. Тогда же, когда налицо имеются уже в известной мере все остальные (причем основные) условия капиталистического производства — на определенной ступени развития феодального общества — ростовщический и купеческий капитал являются «одним из моментов, способствующих возникновению нового способа производства, а также разорению феодалов, столпов антибуржуазного элемента, и разрушению мелкой индустрии, сельского хозяйства и т. д., короче — средством централизации условий труда в виде капитала». ²

Торговый и ростовщический капитал играет, таким образом, значительную роль в образовании необходимых для капитализма предпосылок. Если во всякой докапиталистической формации торговый и ростовщический капитал приводят к концентрации денежного капитала, то в условиях разложения феодальной формации этот концентрирующийся денежный капитал может превратиться в капитал промышленный. Если воздействие торгового и ростовщического капитала всегда приводит к разорению мелких трудовых производителей, то в условиях разложения феодализма, когда в нем уже сложились общие предпосылки капиталистического производства, эксплуатация мелких производителей торговым и ростовщическим капиталом ускоряет отрыв мелких производителей от средств производства, тем самым содействуя превращению средств производства и рабочей силы в капитал. Наконец разорение феодалов, происходящее в значительной мере под влиянием торгового и ростовщического капитала, означает ослабление класса, свержение господства которого необходимо для свободного развития более прогрессивного способа производства.

В этом заключается прогрессивная роль торгового и ростовщического капитала в феодальной формации, причем степень этой прогрессивности обусловлена теми конкретными условиями, в которых осуществляется развитие и разложение феодализма в каждой отдельной стране, так как только при определенных условиях свойства, присущие торгово-ростовщическому капиталу как таковому, становятся средством централизации условий труда в виде капитала.

Что же происходит с самим торговым и ростовщическим капиталом в таких условиях, когда он является активным фактором формирования общества нового типа? Ответ на этот вопрос дал Маркс в своем учении о трех путях возникновения капиталистического

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1932 г., стр. 382.

² Там же. Цитата относится к ростовщическому капиталу, но она полностью применима и к капиталу купеческому.

производства. Не вдаваясь в подробное рассмотрение содержания соответствующей части «Капитала»,¹ следует, однако, отметить, что каждый из этих трех путей является вместе с тем путем превращения накопленного в торговле (а также и ростовщичестве) денежного капитала в капитал промышленный.

Таким образом, мы видим, что в эпоху разложения феодальной формации в конкретных условиях, делающих прогрессивным воздействие торгово-ростовщического капитала на производство, сам торгово-ростовщический капитал переживает процесс своего превращения в капитал промышленный; такое овладение производством, которое приводит торгово-ростовщический капитал в само производство (раньше он стоял вне производства), означает отрицание им самого себя.

Отсюда видно, насколько неправильным было бы предположение, будто в эпоху разложения феодальной формации торгово-ростовщический капитал способен играть только прогрессивную роль. Стоит лишь вспомнить проводимое Марксом сравнение развития Голландии и Португалии.² В Португалии развитие торгово-ростовщического капитала, которое, как и везде, приводило к концентрации денежного капитала и разорению мелкого производства, не давало и не могло дать превращения этого капитала в капитал промышленный, поскольку торговля здесь не опиралась на высокое развитие промышленного производства как основную предпосылку капиталистического способа производства.

Вопрос о степени прогрессивности роли торгового и ростовщического капитала в эпоху разложения феодальной формации разрешается в зависимости от того, насколько наличие основных предпосылок капиталистического производства делает эту прогрессивную роль возможной. А эта прогрессивная роль неразрывно связана с внедрением торгово-ростовщического капитала в производство, т. е. с превращением его в капитал промышленный. Там, где эти условия в необходимой мере не имелись налицо, мы наряду с элементами прогрессивного влияния торгово-ростовщического капитала на экономику страны наблюдаем и противоположное влияние. В эпоху разложения феодальной формации торгово-ростовщический капитал в зависимости от конкретных условий может быть не только мощным фактором разложения феодальных отношений, но и фактором, содействующим консервации и даже усилению данных отношений.

Двоякая роль торгового и ростовщического капитала в эпоху разложения феодальной формации подчеркивалась большинством советских историков феодализма. Однако, отмечая двоякую роль торгового и ростовщического капитала и объясняя эту двоякую роль различиями конкретных условий экономического развития, исторические исследования не связывали этого вопроса с рассмотрением самой сущности торгового и ростовщического капитала.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, 1930 г., стр. 258—260.

² Там же, стр. 256.

Между тем противоречивая сущность торгово-ростовщического капитала включает в себя обе указанные противоположные тенденции в развитии этого капитала. Эта противоречивая сущность вскрыта Марксом, но не сформулирована им со всей полнотой.

Торговый капитал, как указывает Маркс, «в действительности представляет древнейшую свободную форму существования капитала». «Форма этого капитала постоянно одна и та же — Д—Т—Д; деньги — самостоятельная форма меновой стоимости, исходный пункт, и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и обслуживающие его операции — обособленные от производства и совершаемые не производителями — суть лишь средства увеличения; увеличения не просто как богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости». ¹ Другими словами, торговый капитал уже капитал, т. е. стоимость, которая должна самовозрастать; самовозрастание начальной стоимости, а не получение потребительной стоимости является здесь целью обращения.

Форма ростовщического капитала — Д—Д. «Цель, к которой стремится обладатель сокровищ, — не капитал, а деньги как таковые; но при помощи процента он превращает это самодовлеющее денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность». ² Ростовщический капитал, также как и торговый, представляет собою самовозрастающую стоимость. Ростовщик, также как и купец, уже не является представителем потребляющего богатства: он представляет собою персонифицированный капитал.

Торговый капитал во всех социально-экономических формациях стоит вне производства и обслуживает исключительно сферу обращения; функцией его является содействовать превращению стоимости из товарной формы в денежную и наоборот. Но если в условиях капитализма обращение имеет своей целью реализацию прибавочной стоимости, возрастание капитала, то в условиях докапиталистических формаций это обращение имеет своей целью не самовозрастание стоимости, а обмен потребительными стоимостями. Потребление, а не возрастание стоимости является целью, которую преследует производство, а следовательно, и обращение в докапиталистических формациях. Возникая из товарного обмена, торговый капитал в докапиталистических формациях, в частности в феодальной формации, является посредником между производителями, цель которых — обмен потребительными стоимостями. ³ Но

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 251.

² Там же, стр. 111.

³ То, что торговый капитал нередко обслуживает обмен между производителями не непосредственно, что представители господствующего класса выступают и в качестве покупателей и в качестве продавцов, не меняет существа дела.

тем самым природа торгового капитала как капитала становится в противоречие со способом производства как производства для потребления. Противоречивая сущность торгового капитала — в том, что, с одной стороны, он уже капитал — самовозрастающая стоимость, с другой же стороны, он существует на базе такого способа производства, исходный и конечный пункт которого не меновая, а потребительная стоимость. «В процессе обращения капитал впервые выступает как капитал. В процессе обращения деньги развиваются в капитал... Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем научиться подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он обслуживает».¹

То, что сказано о сущности торгового капитала, в основном применимо и к капиталу ростовщическому. Последний также существует на основе докапиталистических способов производства, цель которых — потребление, а не возрастание стоимости. Отсюда природа ростовщического капитала как капитала находится в противоречии со способом производства, на основе которого он существует. Маркс указывает, что «ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала без характерного для него способа производства».²

Это противоречие снимается тогда, когда накопленный в торговле и ростовщичестве капитал превращается в капитал промышленный. При господстве промышленного капитала торговый капитал функционирует лишь «как агент производительного капитала»,³ ростовщический же капитал в основном принимает форму ссудного капитала, обслуживающего капиталистическое производство. Однако с известной мерой ростовщический капитал может продолжать свое самостоятельное существование и при капитализме, сохраняя за собой в известной степени господство над мелким производством. В экономически отсталых странах в особенности ростовщический капитал может продолжать эксплуатировать мелких производителей, содействуя сохранению докапиталистических форм эксплуатации наряду с эксплуатацией капиталистической.

Возможность двоякой роли торгового и ростовщического капитала связана с противоречивой сущностью докапиталистических форм капитала. Мы видели, что прогрессивная роль торгово-ростовщического капитала в феодальной формации связана с внедрением этого капитала в производство, с превращением его в капитал промышленный. Когда конкретные условия общественного развития создали основные предпосылки для изменения самого способа производства (к переходу от рассчитанного на потребление производства мелких самостоятельных производителей к производству капиталистическому, т. е. производству, адекватному природе

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 252—253.

² Там же, т. III, ч. II, стр. 110.

³ Там же, т. III, ч. I, стр. 252.

капитала как самовозрастающей стоимости), то торгово-ростовщический капитал становится мощным фактором разложения докапиталистических производственных отношений, сам при этом превращаясь в капитал промышленный. С другой стороны, если общие экономические условия таковы, что стремление торгово-ростовщического капитала к самовозрастанию, присущее ему как капиталу, может в основном осуществляться лишь на базе старого способа производства, чуждого целям увеличения стоимости, то прогрессивная тенденция торгово-ростовщического капитала не может стать господствующей. Наоборот, в этих условиях торгово-ростовщический капитал выступает главным образом как фактор, консервирующий феодальные отношения и даже способствующий усилению этих отношений, поскольку его безграничное стремление к самовозрастанию (присущее ему как капиталу) может в основном осуществляться только на базе старого способа производства.

Таким образом, рассматривая с общеметодологической стороны вопрос о прогрессивности торгово-ростовщического капитала в феодальной формации, мы видим, что степень прогрессивности его роли обусловлена общими условиями экономического развития, условиями развития производства, возможностью превращения накопленного в торговле и ростовщичестве денежного капитала в капитал промышленный.

Следовательно, интересующий нас вопрос о том, какую роль играл торгово-ростовщический капитал в конкретных условиях Германии XV — XVI вв., насколько обоснованы утверждения Я. Штридера, М. Янсена и других немецких буржуазных историков об исключительно прогрессивной роли крупных купеческих домов Германии в данную эпоху, требует для ответа на него разрешения следующей проблемы: насколько в общей деятельности этих крупных купеческих домов мы наблюдаем тенденцию к внедрению капитала в само производство, насколько промышленная их деятельность была ведущей.

Не имея возможности заняться исследованием деятельности германского капитала XV — XVI вв. в целом (в виду значительного объема и сложности задачи и отсутствия необходимых источников), я ставлю своей задачей рассмотреть этот вопрос на том материале, которым главным образом и пользовались немецкие буржуазные историки, — на материале о деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров как бесспорно крупнейших представителей торгово-ростовщического капитала Германии XV — XVI вв.

II. Общий обзор деятельности Фуггеров

Основной задачей настоящей работы является изучить те стороны деятельности торгового дома Фуггеров, которые фактически содержали или могли содержать в себе элементы промышленной деятельности (т. е. моменты, которые для немецких буржуазных историков служат главным обоснованием характеристики Фугге-

ров как промышленных капиталистов, обоснованием их прогрессивного влияния на экономику Германии). Однако для нас важно не только установить факт проникновения капитала Фуггеров в производство и исследовать формы этого проникновения, а прийти к определенному выводу о том, какое именно место занимала производственная деятельность в общей деятельности Фуггеров, какова линия развития данного торгового дома, насколько эта линия шла в направлении превращения Фуггеров в промышленных капиталистов. Поэтому было бы совершенно неправильным ограничиться исследованием тех сторон деятельности Фуггеров, которые связывали их более или менее тесно с производством. Следует отметить, что такой метод исследования деятельности Фуггеров применялся буржуазными учеными.¹ Однако такое одностороннее изучение деятельности Фуггеров неизбежно приводит к тому, что производственная сторона ее выдвигается на первый план и возможность оценки ее значения в общей деятельности торгового дома теряется. Естественно, что данный метод исследования был применен частью буржуазных историков, желавших обосновать свою оценку Фуггеров как промышленных капиталистов по преимуществу. Для того же, чтобы правильно подойти к поставленной проблеме о характере капиталистической деятельности Фуггеров, необходимо проследить в основных чертах ход развития данного купеческого дома в целом, используя имеющуюся по этому вопросу литературу и те сравнительно немногие документы, которые могут быть привлечены (главным образом балансы Фуггеров).

Несомненно, интерес представляет начальный период деятельности торгового дома Фуггеров, процесс самого возникновения его.

Все исследователи сходятся на том, что Фуггеры не принадлежали к числу старых патрицианских семей Аугсбурга. Известно, что в 1367 или в 1368 г. (данные о точной дате расходятся) Ганс Фуггер, ткач, вырабатывавший плюсовую ткань (Varchentweber), переселился в Аугсбург из деревни Грабен (Швабия).²

К сожалению, мы не располагаем данными о деятельности Фуггеров на родине, равным образом мы не знаем суммы состояния Ганса Фуггера в момент его переселения в Аугсбург. Эти вопросы вызывали большие споры между буржуазными исследователями. Если Р. Эренберг совершенно не касается этих вопросов, то А. Шульте, В. Зомбарт³ и К. Геблер высказываются за то, что состояние Ганса Фуггера уже было значительным, а Я. Штридер катего-

¹ F. Döbel, Über den Bergbau und Handel des Jakob u. Anton Fugger in Kärnten u. Tirol (1495—1560), Augsburg, 1882 г.; L. Scheurmann, Die Fugger als Montanindustrielle in Kärnten u. Tirol, 1929 г.

² R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. I, 1896 г., стр. 85; K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, 1897 г., стр. 1; J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1904 г., стр. 171; A. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland u. Italien mit Ausschluss von Venedig, 1900 г., т. I, стр. 648, ср. J. Siebmachers grosses und allgemeines Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия I, стр. 21.

³ W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, 1902 г., стр. 305.

рически высказывается против такого мнения. «Я полагаю, — пишет он, — что он [Ганс Фуггер. *Е. Н.*] был одним из тех многих деревенских ткачей (*Gauwebler*), которые жили вокруг Аугсбурга и старались посредством ремесленной деятельности повысить небольшие доходы, который приносил им их ничтожный земельный участок. Поскольку он был прилежен и ему благоприятствовало счастье, он, вероятно, пришел к мысли, что в самом Аугсбурге условия для производства лучше и выгоднее, чем в Грабене». ¹ В качестве единственного доказательства своего утверждения Штридер приводит тот факт, что Ганс Фуггер, переселившись в Аугсбург, вступил в цех ткачей, а не купцов. Ту же мысль Штридер развивает в другой своей работе, специально посвященной Фуггерам, ² где он пишет следующее: «Когда с сильным развитием плисового производства в Южной Германии стал необходим значительный ввоз хлопчатой бумаги через Венецию, то в Гансе Фуггере пробудился коммерческий талант. В то время как многие из его сотоварищей как в городе, так и в деревне попадали все в большую зависимость от предприимчивых аугсбургских купцов, занимавшихся импортом хлопчатой бумаги и экспортом готового плиса, путь Ганса Фуггера шел вверх. Он сам ввозил хлопок из Венеции и сбывал свой плис, а также продукцию менее предприимчивых мастеров (*die Produkte weniger unternehmungslustiger Mitmeister*). Если в высказываниях Я. Штридера мы имеем, с одной стороны, типично буржуазную трактовку возникновения капиталиста благодаря предприимчивости, ³ то, с другой стороны, представляет интерес указание Штридера на то, что Ганс Фуггер начал с того, что занимался сбытом продукции как своей, так и других мастеров. Так как, однако, это указание не подкрепляется им соответствующей, основанной на источниках аргументацией, то считать данное положение установленным, конечно, не представляется возможным, тем более что каких-либо подтверждений этого момента мы не встречаем в других исследованиях. Аналогично обстоит дело и в отношении того, что сообщает Шульте о Гансе Фуггере до его переезда в Аугсбург: «Тот Ганс уже не был, конечно, таким ткачом, который работал у ткацкого станка один со своей женой; мы можем предполагать уже довольно значительное количество подмастерьев (*Gesellen*) и торговое дело». ⁴ Но и Шульте не видит удовлетворительных доказательств своей точки зрения. Несколько иначе обстоит дело в исследовании К. Геблера. Касаясь вопроса о степени состоятельности Ганса Фуггера (а мнение его сводятся к призна-

¹ J. Strieder, *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*, стр. 176.

² J. Strieder, *Jakob Fugger der Reiche*, Leipzig, стр. 54 и сл. (год издания не указан).

³ Роли «капиталистического духа» Штридер, в сущности, придает не меньшее значение, чем Зомбарт, хотя против последнего Штридер и ведет энергичную полемику.

⁴ A. Schulte, *Neues über die Anfänge der Fugger*, Beil. zur *Allgemeinen Zeitung*, 1900 г., № 118.

нию Ганса Фуггера сравнительно состоятельным), К. Геблер, основываясь на семейных хрониках Фуггеров, указывает, что уже после двухлетнего пребывания в Аугсбурге Ганс Фуггер женился «на Кларе Видольф — дочери уважаемого и состоятельного бюргера города; принесенное ею приданое дало ему средства для дальнейшего подъема своего предприятия». Второй брак, заключенный Гансом Фуггером в 1382 г. с Елизаветой Гефаттер, дочерью одного из членов аугсбургского городского совета, как указывает Геблер, является дальнейшим подтверждением состоятельности Ганса Фуггера.¹

То, что Ганс Фуггер в Аугсбурге вел уже значительную торговлю предметами, имеющими отношение к ткацкому ремеслу, подтверждается всеми исследователями истории Фуггеров.

Из всех этих далеко не полных и довольно противоречивых данных можно с уверенностью сделать лишь следующий вывод: Ганс Фуггер, переселившийся в 1387 или в 1388 г. в Аугсбург из швабской деревни Грабен, был ткачом, сравнительно состоятельным и занимавшимся в значительных размерах торговой деятельностью.

Небезинтересно остановиться на вопросе, почему Я. Штридер (по существу единственный из крупных буржуазных историков) столь энергично протестует против признания состоятельности Ганса Фуггера с момента его переселения в Аугсбург. Я. Штридер полемизирует непосредственно с Зомбартом. Надо сказать, что все исследование Штридера о генезисе современного капитализма направлено против теории Зомбарта о возникновении капитала из накопления возраставшей городской земельной ренты. Зомбарт в основном доказывал свою точку зрения тем, что именно из среды городского патрициата выходили представители крупных купеческих домов. На вопросе о происхождении капитала Фуггеров Зомбарт был вынужден остановиться особо, поскольку о Фуггерах определенно известно, что они не принадлежали к аугсбургскому патрициату. Штридер считает, что утверждение Зомбарта о наличии у Ганса Фуггера сравнительно значительного состояния, накопленного в деревне, преследует цель отнести это состояние также за счет накопления земельной ренты, но не в городе, а в деревне, чем бы не нарушалась концепция Зомбарта. Поэтому Штридер не считает возможным согласиться с Зомбартом. Однако,

¹ К. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, 1897 г., стр. 1 и сл. Ср. Siebmacher grosses und allgemeines Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия I, стр. 21 и сл.: «Es [das Fuggersche Geschlecht. E. N.] hat sich im Gegensatz zu manchen andere Geschlechtern des Adels, die ihre Ahnherrn schon weit von den Zeiten fanden, in denen überhaupt ein Adel in unserem Sinne bestanden hat hier immer damit begnügt, den Hans Fugger, der ein ehrsamer Weber und «Besitzer eines Tagwerkes Wiesmat» in Graben am Lechfeld war, als den Ahnherrn anzuerkennen und weiss dass sein Sohn Hans, gleichfalls Weber, sich zuerst 1370 durch Heirat das Bürgerrecht zu Augsburg erworben, einen Leinwandhandel angefangen und dadurch in den Besitz eines Vermögens von 3000 Gulden gekommen ist, welches schon seine Söhne Andreas und Jakob als Grundlage des nachherigen Reichtums der Fugger übernommen haben».

отрицая наличие некоторого состояния у Ганса Фуггера, Штридер тем самым становится в противоречие и с фактами и со всеми исследователями истории Фуггеров (хотя те и не разделяют концепции Зомбарта). Poleмика Штридера с Зомбартом по вопросу о Фуггерах является лишь частью всей полемики между данными историками. Рассматривая ее в целом, мы имеем возможность с гораздо большей полнотой уяснить себе ее смысл.

Теория Зомбарта о возникновении капитала из накопления городской земельной ренты в сочетании с его же теорией о «капиталистическом духе» имеет в качестве своей основы стремление доказать, что накопление капитала является результатом естественного мирного процесса, не связанного с захватом и грабежом. Небезинтересно, что энергичным противником данной апологетической теории явился другой апологет буржуазии — Я. Штридер, который путем кропотливой работы над архивами крупных купеческих домов и податными списками гор. Аугсбурга показал: 1) что крупные купцы в значительной части вышли не из городского патрициата, а из ремесленников;¹ 2) что городские патриции обычно переключались на торговлю не потому, что накопление ренты доставило им значительный капитал, требовавший применения, а, наоборот, потому, что пошатнувшееся несколько материальное положение заставляло их прибегать к торговле как к средству поправить свои дела.

В противовес Зомбарту, Штридер утверждает, что именно в ремесле и мелкой торговле постепенно накапливался капитал. «По нашему мнению, — пишет он, — современный капитализм развивался в течение долгого, долгого времени из соединения старого производства (ремесла) и старой торговли (так сказать, торговли ремесленного типа)».² По Штридеру, ремесленники, «одаренные коммерческими способностями, которым улыбалось счастье и которые сумели заставить это счастье служить себе»;³ стали капиталистами. Другими словами, естественный мирный процесс, не связанный с эксплуатацией и насилием, но происходивший не вне производства, как у Зомбарта, а в самом производстве и отчасти в мелкой торговле, благодаря предприимчивости и другим личным качествам отдельных горожан создал капитал. Та же апология капитализма, но другими методами. Не случайно Штридер ссылается на Поле, который в качестве примера накопления капитала благодаря талантливости и бережливости приводит заводы Круппа, выросшие из мелкого ремесленного производства.⁴

¹ Кроме Фуггеров, из ткачей вышли следующие крупные купеческие дома: Ehem, Bimmel, Weiss, Hämmerlein, Arzt, Hausstetter, Zimmermann, Stierlin, Aerdinger, Höchstetter; из скорняков: Herbrot, Prantmair, Mertz, J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, стр. 142—148.

² Там же, стр. 229.

³ Там же, стр. 227.

⁴ Pohle, Rezension des Sombartschen Werkes, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, серия III, т. 26, вып. 3., стр. 356 и сл.

Останавливаясь на споре между Штридером и Зомбартом, нельзя умолчать о том, каким образом в наших учебных пособиях преподаются иногда споры о зомбартовской теории. В одной из распространенных исторических хрестоматий мы можем прочесть следующее: «Глубоко интересный по существу спор Зомбарта со Штридером о генезисе капитализма, о процессе аккумуляции капитала, образовании больших состояний поучителен и с методологической стороны. Несмотря на свою огромную эрудицию и большой талант, — несколько, правда, парадоксальный, — Зомбарт потерпел поражение от своего более молодого, но более осторожного и очень цепко хватающегося за мелкие факты соперника». ¹ Только отсутствие указаний на классовую сущность точек зрения обоих «соперников», восхваление таланта Зомбарта, объяснение «парадоксальностью» апологетической теории этого скатившегося к фашизму «марксиста», наконец, сквозящий в приведенных строках призыв учиться методологии у Штридера — вот что преподносится студентам советских вузов.

Обратимся, однако, к дальнейшей истории Фуггеров. В 1409 г. Ганс Фуггер умер, оставив состояние, которое Эренберг на основании семейной хроники Фуггеров исчислил в 3 000 флоринов. ² Штридер оспаривал правильность сведений, сообщаемых Гансом Яковом Фуггером в его хронике (*Gehaim Ernbuch des Fuggerischen Geschlechtes*, 1546); на основании суммы податного обложения, уплаченного Гансом Фуггером в 1408 г. в размере $16\frac{2}{3}$ флор., он исчисляет размер его состояния в $1388\frac{8}{9}$ флор. ³ Проверить справедливость утверждения Штридера можно было бы лишь при наличии тех материалов, на которых основаны его вычисления, что за отсутствием необходимых источников (податные книги гор. Аугсбурга) неосуществимо.

Сын Ганса Фуггера, Яков I, был, также как и его отец, видным членом цеха ткачей; возможно, что он был даже его старшиной (в частности Штридер, ссылаясь на хронику цеха ткачей, указывает, что уже Ганс Фуггер был с 1386 по 1399 г. был представителем цеха ткачей; ⁴ на это в частности указывает Эренберг). ⁵ Ульрих Фуггер, ставший во главе торгового дома после смерти Якова Фуггера (1469) завязал связи с Габсбургами: в 1473 г., во время пребывания Фридриха III в Аугсбурге, Фуггеры были в числе тех купцов, которые поставляли в кредит императорскому двору шерстяные и шелковые ткани. ⁶

Установить точно, когда Фуггеры порывают связь с ремеслом, не

¹ Хрестоматия по социально-экономической истории Зап. Европы в новое и новейшее время, под ред. В. П. Волгина, статья М. П. Лесникова, стр. 50.

² R. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, т. I, стр. 85.

³ J. Strieder, *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*, стр. 176.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ R. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, т. I, стр. 85.

⁶ R. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, т. I, стр. 88—89; K. Häbler, *Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien*, стр. 3.

представляется возможным. Все исследователи отмечают, что торговая деятельность их все более заслоняла собой деятельность ремесленную, что уже сыновья Ганса Фуггера лишь номинально были членами цеха, но ремеслом не занимались, а вели через Венецию крупную торговлю тканями и пряностями так же, как это делали обычно крупные купеческие дома Аугсбурга. Начиная уже с Якова II Фуггера (с 1473 г.) всякие указания на связь Фуггеров с ремеслом прекращаются; Эренберг же особо отмечает, что уже сыновья Ганса Фуггера сами не занимались ремеслом. Даже Штридер, который больше других буржуазных исследователей оттеняет связь Фуггеров с ремеслом, признает, что уже Яков I Фуггер (ум. в 1469 г.), бывший видным членом цеха ткачей (а по некоторым сведениям даже его старшиной), по существу ничего общего с ремеслом не имел.¹

На основании тех данных, которые имеются в нашем распоряжении и которые не вызывают сомнений, может быть сделан тот вывод, 1) что до конца 80-х годов XV в. Фуггеры вели главным образом (если не исключительно) торговлю шерстяными и шелковыми тканями, а также пряностями; 2) что к 70-м годам XV в. они во всяком случае непосредственную связь с ткацким производством потеряли.

Конец 80-х годов XV в. вносит новый момент в деятельность Фуггеров. По данным как семейной хроники, составленной Гансом Фуггером,² так и всех исследований о Фуггерах (в этом вопросе расхождения между историками нет), последние в конце 80-х годов XV в. начинают заниматься самостоятельными денежными операциями и горным делом. Семейная хроника пишет, что Яков II Фуггер (так наз. Jakob Fugger der Reiche) занялся «большими и более выгодными делами — вексельным делом и рудниками».³ К 1487 и 1488 гг. относятся первые крупные денежные сделки Фуггеров с Сигизмундом Тирольским, причем обеспечением данных Сигизмунду ссуд служила продукция швабских рудников (Тироль). С 90-х годов Фуггеры стали участвовать в разработке рудников в Венгрии. В 1498 г. они вместе с другими купеческими домами образовали монопольную компанию по сбыту меди. Этих сторон деятельности Фуггеров я подробнее коснусь дальше,⁴ в данном же случае нам важно установить лишь факт появления новых объектов в деятельности Фуггеров, начиная с 90-х годов XV в.

Если первые значительные ростовщические операции Фуггеров начинаются с Сигизмундом Тирольским, то после того как Тироль перешел к Максимилиану I, Фуггеры становятся основным торговым домом, связанным с Габсбургами по линии ссудных операций. Эта связь проходит красной нитью через всю последующую историю деятельности Фуггеров. Не ставя себе совершенно задачи дать исчерпывающие фактические данные о ростовщических операциях

¹ J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, стр. 177.

² Hans Jakob Fugger, Geheim Ernbuch des Fuggerschen Geschlechtes, 1546 г.

³ R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. I, стр. 89.

⁴ См. главу «Участие Фуггеров в горном деле».

Фуггеров по отношению к Габсбургам (перечень ссуд, данных Габсбургам более чем за 100 лет был бы чрезвычайно громоздким, да он ничего и не дал бы для существа данного совершенно ясного вопроса), остановлюсь конкретно на некоторых ссудах, наиболее ярко показывающих тесную связанность интересов Фуггеров с Габсбургами и политическую роль, которую Фуггеры играли в Германии XV—XVI вв.

Регулярные связи Фуггеров с Габсбургами начинаются в конце XV в., когда Максимилиан I постоянно нуждался в деньгах, главным образом для своих итальянских походов. Так, для похода в Италию 1496 г., когда, несмотря на принятое рейхстагом решение о сборе «общего шфеннига» (gemeine Pfennig), все же никакие средства не поступали в императорскую казну, Фуггеры дали Максимилиану 121 600 флор. под обеспечение продукции тирольских рудников.

Во время похода в Швейцарию в 1499 г. мы снова видим Фуггеров, заключающих денежные сделки с доверенным императора — Георгом Госсемброгом. Целый ряд ссуд был дан в связи с итальянским походом 1508 — 1517 гг.; так, в 1507 г. Фуггеры дали императору 50 тыс. флор.¹ под залог земельных владений в Кирхберге и Вейсенгорне; земли эти выкуплены не были и стали основой в последующем весьма значительных земельных владений Фуггеров; в 1508 г. снова были даны три ссуды: одна в 8 000 флор., другая (сумма неизвестна) под обеспечение ожерелья и третья в 128 750 флор. под обеспечение будущей добычи меди и серебра. И в дальнейшем обеспечением даваемых Фуггерами ссуд Габсбургам являлась главным образом продукция рудников, и отчасти в качестве обеспечения выступали земельные владения. Так, в 1514 г. Фуггеры дали снова 12 тыс. флор. под обеспечение продукции тирольских рудников, а 32 тыс. флор. — под залог земельных владений в Биберахе. Уже в 1515 г. продукция тирольских рудников была заложена на несколько лет вперед: серебро — на 7—8 лет, медь — на 4 года. Тем не менее дача ссуд продолжалась: Фуггеры совместно с Гехштеттерами дали Максимилиану 40 тыс. флор. под обеспечение швацкой меди и еще 10 тыс. флор. под обеспечение будущей добычи серебра с дополнительным предоставлением кредиторами некоторых таможенных льгот.²

К 1519 г. относится одна из крупнейших ссуд, данных Габсбургам Фуггерами: во время борьбы за императорский престол между Франциском I и Карлом I (будущим императором Карлом V) Фуггеры дали Карлу I ссуду в 543 тыс. флор. Следует отметить, что Вельзеры — второй по своему значению купеческий дом Германии XVI в. — дали тогда 140 тыс. флор., а генуэзцы и флорентийцы вместе 165 тыс. флор.

¹ Возможно, что сумма составляла 70 тыс. флор. — ср. Siebmacher grosses u. allgem. Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия I, стр. 21.

² R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. I, стр. 107.

Небезинтересно, что во время борьбы за императорский престол курфюрсты,¹ голоса которых покупались обоими претендентами, признавали в качестве гарантии уплаты им. обещанных сумм только обязательства, визированные Фуггерами. Курфюрст майнцский, например, отказался принять поручительство богатых городов Антверпена и Мехельна и требовал гарантии Фуггеров; Иоахим Бранденбургский отказался также от какого-либо другого поручительства, кроме поручительства Фуггеров (не исключая и гарантии Вельзеров).² Франциск I был вынужден в виду такого настроения курфюрстов вступить в переговоры с Фуггерами, так как, не имея гарантии Фуггеров, он был бы вынужден платить им наличными деньгами; он обратился к Фуггерам с просьбой акцептовать вексель в 300 тыс. экю, на что, однако, со стороны Фуггеров последовал отказ.

Указанная ссуда в 543 тыс. флор. была дана Фуггерами под обеспечение так наз. «маэстразгос» — доходов трех испанских духовных орденов.³ Эта крупнейшая денежная сделка, заключенная Фуггерами с Габсбургами, интересна тем, что она показывает ярко, во-первых, денежную мощь Фуггеров, международный престиж их торгового дома и, во-вторых, тесную связанность интересов Фуггеров с Габсбургами. Последний момент особенно бросается в глаза, если сопоставить размер ссуды, данной Габсбургам, с общим капиталом торгового дома. Мы, правда, не знаем точно размера капитала Фуггеров в 1519 г., но мы располагаем данными, которые дают возможность определить этот размер приблизительно и сделать сопоставление его с величиной указанной ссуды. Известно, что по балансу от 14 февраля 1511 г. общий капитал торгового дома Фуггеров после распределения части прибыли между отдельными членами их семьи составлял 196 791 флор. По балансу, составленному в конце 1527 г., общий капитал составлял 2 021 202 флор., норма прибыли в среднем за 17 лет составляла, таким образом, $54\frac{1}{2}\%$ в год (общая прибыль за 17 лет — 1 824 411 флор.; средняя годовая прибыль — 107 318, 3 флор.). Поскольку размер прибыли за каждый отдельный год неизвестен, то определить точно размер капитала Фуггеров в 1519 г. не представляется возможным. Однако, исходя из средней нормы прибыли, он должен был составить в 1519 г. несколько более одного миллиона флоринов, если он доходил бы даже до 1 200 000 — 1 300 000 флор. (т. е. если норма прибыли за первые 8 лет значительно превышала $54\frac{1}{2}\%$), то и тогда размер ссуды, предоставленной Карлу V (543 тыс. флор.), представляется относительно весьма значительным.⁴ Не без некоторых оснований Яков Фуггер мог писать Карлу V в 1523 г.: «Известно и очевидно, что ваше императорское величество не могло бы получить римской короны без моей помощи, что я

¹ Исключение составлял лишь курфюрст саксонский, обладавший богатыми серебряными рудниками.

² J. Strieder, Jakob Fugger d. Reiche, стр. 139.

³ О них подробнее см. в гл. «Участие Фуггеров в горном деле».

⁴ Балансы Фуггеров 1511 и 1527 гг. см. ниже, стр. 82 и сл.

могу доказать собственноручными документами комиссаров вашего величества». ¹

В 1524 и 1525 гг. Фуггеры вели значительные денежные дела с Фердинандом I, поскольку к последнему уже к этому времени перешло управление немецкими землями Габсбургов. Фердинанду необходимы были средства как для борьбы с турками, так и для подавления крестьянских восстаний. В 1524 г. Фуггеры дали Фердинанду две ссуды: одну в 25 тыс. флор., а другую в 20 тыс. дукатов (1 дукат = 1,4 флор.); в 1525 г. Фердинанду была дана новая ссуда в размере 59 562 дукатов. ²

После некоторого ослабления связи с Габсбургами по линии ростовщических операций, наблюдаемого между 1525 и 1530 гг. (повидимому, это связано с временным ослаблением остроты потребности в деньгах у Карла V благодаря победе при Павии, давшей Карлу V возможность получить значительные денежные субсидии), мы затем наблюдаем новое оживление этой связи: Габсбурги все чаще и чаще обращаются к Фуггерам за получением ссуд. Не вдаваясь в подробности дальнейших ростовщических операций Фуггеров, все теснее связывающих их с Габсбургами (общий рост ростовщических операций и их удельного веса в деятельности Фуггеров будет показан дальше, при рассмотрении их балансов), считая вместе с тем необходимым остановиться на той поддержке, которую Фуггеры оказали Карлу V во время Шмалькаденской войны.

Когда Карл V готовился к войне против протестантов, то, как казалось, денежная сторона этого предприятия была вполне обеспечена. Папа через своего легата Фарнезе обещал императору, что он поддержит его всем состоянием папского престола, непосредственные же обязательства курии были таковы, что Карл V мог рассчитывать располагать суммой от 800 тысяч до 1 миллиона скуди. ³ Однако при начале военных действий положение оказалось совершенно иным. Папа не только не оказал императору хотя бы некоторой денежной помощи, но даже повел линию против императора, опасаясь, видимо, усиления могущества Карла V (особенно после одержанной им победы над Франциском I и мира в Крепи). Император оказался в самом критическом положении: попытки получить займообразно деньги в Италии и на антверпенской бирже оказались неудачными. Между тем Шмалькаденскому союзу удалось получить от Франциска I заем в 100 тыс. крон; он располагал также деньгами, ассигнованными городами, входившими в союз. ⁴ Поддержка, оказанная Карлу V крупными католическими купеческими домами и в частности Фуггерами, вывела императора из тяжелого положения. Значительные суммы, получен-

¹ Письмо (не полностью) приведено: Ehrenberg, ук. соч., стр. 111—112.

² Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 115—116.

³ L. Ranke, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, Berlin, т. IV, 1852 г., стр. 316.

⁴ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 141—142.

ные Карлом V, дали ему большой перевес над протестантами; последние, исчерпав имевшиеся у них средства, находились в тяжелом положении; так, Иоанн Саксонский с большим трудом раздобывал незначительные суммы от 1 000 до 6 000 флор. для того, чтобы платить жалованье своим войскам.

Отсюда понятно то озлобление, которое проявлял Шмалькаденский союз по отношению к аугсбургским купеческим домам. В сентябре 1546 г. шмалькаденцы заявили аугсбургскому совету, что поскольку Фуггеры и Вельзеры только что снова ссудили императору 200 тысяч флор., то они должны быть рассматриваемы как открытые враги, «которые одни помогали императору в этой войне займами и векселями, без помощи которых он [т. е. император. Е. Н.] никоим образом не мог бы начать войны».¹ Союз категорически требовал от аугсбургского совета, чтобы тот заставил Фуггеров, Вельзеров и другие крупные купеческие дома дать деньги для нужд союза. Ландграф гессенский угрожал разорить фуггеровские поместья.

Аугсбургский совет, руководящую роль в котором играла группа горожан, бывших, правда, протестантами, но связанных с крупными купеческими домами и занимавших позицию, колеблющуюся между Шмалькаденским союзом и императором (с бюргермейстером Гансом Вельзером из Нюрнберга во главе), не предпринял каких-либо репрессивных мер по отношению к Фуггерам и другим торговым домам. Он ограничился тем, что сообщил Антону Фуггеру о требовании Шмалькаденского союза.

Фуггер на запрос совета ответил, что не имеет наличных денег, которые он мог бы ссудить Шмалькаденскому союзу; правда, — писал он, — недавно получена от английского короля числившаяся за последним задолженность, но эта сумма вовсе не так значительна, как об этом говорят (протестанты утверждали, что она составляла 60 тыс. флор.), и он вынужден израсходовать ее на покрытие денежных обязательств торгового дома и на личные расходы.²

Благодаря обеспеченности деньгами император был в состоянии держаться выжидательной тактики по отношению к протестантам и не форсировать решительного сражения, пока победа Морица Саксонского, перешедшего на сторону императора, над саксонским курфюрстом Иоанном Фридрихом не привела в конце 1546 г. к поражению Шмалькаденского союза.³

В 1552 г., когда тот же Мориц Саксонский восстал против императора и положение последнего было очень тяжелым, Фуггеры, несмотря на далеко не блестящее состояние дел торгового дома, дали Карлу V ссуду в 400 тыс. дукатов; в 1553 г. были даны новые ссуды — одна в 195 тыс. дукатов и другая в 18 тыс. дукатов, хотя

¹ R. Ehrenberg, Das Zeitalter d. Fugger, т. I, стр. 141—142.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 154—156.

сами Фуггеры были вынуждены прибегать к получению ссуд в Аугсбурге, Нюрнберге и через антверпенскую биржу.¹

Наконец, для характеристики политической роли Фуггеров представляют интерес денежные сделки, заключенные ими с Филиппом II в 1576 г., когда посланные для подавления нидерландской революции войска отказались повиноваться распоряжениям командования, поскольку им не было выдано жалование. Положение торгового дома Фуггеров к этому времени (как мы увидим в дальнейшем, при рассмотрении их балансов) было очень тяжелым. Тем не менее по настоянию Филиппа II Фуггеры доставили во Фландрию 200 тысяч крон, и уполномоченный Фуггеров должен был оставаться в Антверпене для того, чтобы охранять эти деньги, в то время как взбунтовавшиеся солдаты грабили город.²

Наряду с ростовщическими операциями по отношению к Габсбургам Фуггеры были тесно связаны такими же операциями с римской курией и церковью вообще. Связи папства с верхненемецкими купеческими домами начались еще в середине XV в.; в частности известно о сделке между нюрнбергским купцом Конрадом Баумгартнером (1380—1464) и курией. В начале XVI в. Фуггеры выдвигаются на первое место в качестве постоянных агентов папства. Укрепление связей между папством и немецкими купеческими домами естественно вызывалось тем, что именно в Германии папство в это время больше всего нуждалось в обслуживании своих фискальных интересов, поскольку политически раздробленная Германия все больше и больше становилась главной основой для папской эксплуатации. Не вдаваясь в подробности истории связей Фуггеров с римской курией,³ остановлюсь только на отдельных ярких моментах, существенных для характеристики политической роли Фуггеров.

В этом отношении обращает на себя внимание роль Фуггеров в начальной истории реформации. Известно, что поводом к выступлению Лютера послужила продажа индульгенций, производившаяся в Саксонии монахом Тецелем. Сама же эта продажа индульгенций являлась актом, завершавшим денежную сделку, заключенную в 1514 г. между Альбрехтом Бранденбургским и Фуггерами, когда для уплаты паллия римской курии за утверждение Альбрехта майнцским архиепископом Фуггеры дали Альбрехту заем в 30 тыс. дукатов.⁴ Не будучи в состоянии уплатить из обычных доходов взятую заимообразно сумму с процентами, составлявшими 500 рейнских золотых гульденов («в возмещение трудов, риска и расходов», как было принято выражаться, поскольку взимание процентов было официально запрещено), Альбрехт добился от

¹ Подробно о роли Фуггеров в Шмалькаденской войне см. Н. J. Kirch, *Die Fugger u. der Schmalkadische Krieg*, 1915 г.

² R. Ehrenberg, *ук. соч.*, стр. 180—181.

³ См. Aloys Schulte, *Die Fugger in Rom (1495—1523)*, 2 тома, 1904 г.

⁴ L. Ranke, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*, т. I, стр. 237; R. Ehrenberg, *ук. соч.*, т. I, стр. 98.

папы Льва X разрешения произвести продажу индульгенций в Саксонии и других местностях Германии; за это и обязался уплатить курии 10 тыс. дукатов или 14 тыс. гульденов. Остальная часть поступлений от продажи индульгенций должна была служить для покрытия долга Фуггерам.

Как известно, методы торговли индульгенциями, применявшиеся вообще, а Тецелем в частности, возбуждали негодование народных масс, и не только потому, что эти торгашеские приемы оскорбляли религиозные чувства (на что всегда особый упор берут буржуазные, в частности протестантские историки), а и в силу того, что в этой торговле индульгенциями совершенно открыто выставялась напоказ эксплуатация масс со стороны церкви и ненавистных трудящемуся люду ростовщиков — «фукеров». ¹ Действительно, уполномоченный Фуггер с ключом от денежной кружки неизменно следовал за продающим и рекламирующим индульгенцию монахом; периодически другой представитель Фуггеров являлся для вскрытия наполненной кружки, пересчитывал выручку в присутствии продавцов и отсылал вырученную сумму лейпцигскому фактору Фуггеров. Отсюда половина выручки пересылалась римской курии, а другая половина оставалась у Фуггеров в погашение данной ими в свое время Альбрехту ссуды. ²

Появление папской буллы против Лютера (1520) также связано с Фуггерами. Современники считали, что Экк, после поездки которого в Рим появилась осуждающая Лютера булла, был послан в Рим Фуггерами. Ранке, отмечая этот факт, делает оговорку, что подтверждающие его материалы (высказыванья и письма современников) не могут считаться бесспорным доказательством достоверности данного факта. Во всяком случае, однако, характерно, насколько для современников была очевидна тесная связь, существовавшая между Фуггерами и папством. Кроме того, известно, что Экк вообще был связан с Фуггерами. Так, на диспуте в Болонье Экк выступал в защиту ростовщичества; Вельзер же утверждал, что самый диспут был организован на средства Фуггеров. ³

На этом я заканчиваю обзор отдельных наиболее ярких моментов из ростовщической деятельности Фуггеров. Как уже было указано, к более значительным ростовщическим операциям Фуггеры перешли около 90-х годов XV в. Однако в течение конца XV в. и первой трети XVI в. ростовщические операции, занимая весьма значительное место в общей деятельности торгового дома, не за-

¹ Имя Фуггеров стало нарицательным для обозначения крупных купцов и ростовщиков. Лютер не раз упоминает о «фукерах». На швабском диалекте (Швабия родина Фуггеров) слово «фуггер» обозначало не только дельца крупного масштаба, но, главным образом, ростовщика и обиралу. Эренберг указывает, что этот термин имеется во фламандском и валлонском наречиях, встречается и у Сервантеса — R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 117, прим. 46.

² R. Ehrenberg, ук. соч., стр. 99.

³ L. Ranke, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, т. I, стр. 337.

сложали еще собой других сторон этой деятельности, в частности торговли.

Что же касается самой торговли, то к XVI в. два рода объектов ее все более выдвигаются на первый план. Если Фуггеры первоначально торговали главным образом предметами, имеющими отношение к ткацкому ремеслу, то в дальнейшем все большее место начинает занимать торговля металлами и пряностями.

То, что металлы становятся одним из основных объектов торговли Фуггеров, связано в значительной степени с тем, что продукция рудников являлась главным видом обеспечения ссуд, предоставлявшихся торговым домом.

История участия Фуггеров в колониальной торговле подробно еще не разработана. Те историки, которые занимались вопросом о колониальных предприятиях немецких купеческих домов, в частности К. Геблер, свое главное внимание сосредоточили на деятельности Вельзеров, как занимавших первое место в немецкой колониальной торговле данной эпохи. Для наших целей в данном случае важно не подробное изложение истории колониальной деятельности Фуггеров, а то, к какому периоду существования торгового дома Фуггеров относится участие их в колониальной торговле.

Как известно, в 1503 и 1504 гг. Вельзеры вместе со своими компаньонами заключили договоры с португальским королем Эммануилом, предоставлявшие данной компании известные права участия в торговле с колониями. Эти права затем были распространены и на другие немецкие купеческие дома. В 1505 г. при отправке флота в Ост-Индию ряд немецких купеческих домов, в том числе и Фуггеры, принял участие в финансировании экспедиции. Правда, доля участия Фуггеров была сравнительно незначительной: они внесли 4 тыс. флор., в то время как доля Вельзеров составляла 20 тыс. флор., доля же генуэзцев и флорентийцев — 29 400 тыс. флор. Это предприятие дало 175% прибыли,¹ однако вообще условия, на которых ввозимые из колоний пряности предоставлялись купцам, были таковы, что делали сделки на приобретение данного товара весьма рискованными. Колониальная торговля была предметом государственной монополии: контрагенты были обязаны уплачивать королевской казне вперед стоимость закупаемого товара по установленной государством цене; по прибытии флота из колоний долг короля уплачивался доставленными пряностями. Случалось, однако, что этот долг или вообще не погашался из данной партии или же погашался частично; кроме того, большие промежутки времени между оплатой товара и его получением в связи с колебанием цен на пряности могли также быть причиной убытков.

Естественно, что Фуггеры и другие немецкие купеческие дома пытались включиться непосредственно в колониальную торговлю через Испанию, возможность чего, как казалось, предоставлялась

¹ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 195.

после избрания Карла I испанского германским императором. Соображения об использовании связей с испанским правительством для колониальной торговли, несомненно, должны были играть значительную роль в определении политики немецких купеческих домов при борьбе Карла I и Франциска I за императорский престол.¹

Известно, что Фуггеры принимали участие в двух экспедициях, посланных из Испании на Молуккские острова в 1525 г.; от участия в проектировавшейся третьей экспедиции Фуггеры воздержались, так как 22 апреля 1529 г. между Испанией и Португалией было заключено соглашение, по которому Карл V отказывался от претензий на эти острова, за что он должен был получить от Португалии 350 тыс. дукатов. Но после того, как в 1530 г. один из кораблей, посланных в 1525 г. на Молуккские острова, возвратился из экспедиции, Фуггеры снова обратились к Карлу V с предложением организовать большую экспедицию сроком на 12 лет для открытия и исследования новых островов и побережья американского материка. Подробности этого предложения, сообщаемые К. Геблером, небезинтересны. В частности Фуггеры, беря на себя финансирование данной экспедиции, требовали, чтобы земли, которые будут открыты, были объединены в одну провинцию и управление этой провинцией было полностью передано Фуггерам и их наследникам. С известными изменениями, не особо существенными, предложение Фуггеров было принято, однако к осуществлению экспедиционного проекта Фуггеры так и не приступили.²

В конце XVI в. мы знаем еще одну попытку Фуггеров, сделанную совместно с Вельзерами, для того чтобы включиться в колониальную торговлю (1586—1591). По договору, утвержденному Филиппом II, итальянец Роваласка, Вельзеры, Фуггеры и некоторые португальские купцы получили право вести торговлю пряностями под контролем правительства. Геблер указывает, что доля итальянцев и португальцев в этом контракте составляла $\frac{36}{60}$, на долю немецких купцов падало остальное. Предприятие это было неудачным (на нем, в частности, отразилась война между Испанией и Англией), и результатом его для Фуггеров был никогда в дальнейшем не погашенный долг испанского короля в размере 29 725 дукатов, не считая других убытков.³

¹ Нельзя, однако, не отметить, что Вельзеры, игравшие в колониальной торговле более значительную роль, чем Фуггеры, и также участвовавшие в займе, данном Карлу I, в вопросе о поддержке Карла I не занимали твердой позиции. И в последующем Вельзеры, в отличие от Фуггеров, нередко отказывали Карлу I в займах, во время реформации они колебались между императором и протестантами. Эти по существу еще не изученные вопросы представляют значительный интерес.

² Об участии Фуггеров в молуккских экспедициях см. К. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 45—71; J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 96—97.

³ К. Häbler, ук. соч., стр. 226—231; F. Dobel, Über den Pfefferhandel der Fugger und Welser 1586—1591, Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg, т. XIII, стр. 125 и сл.

Если ко всему указанному присоединить еще тот факт, что в 1531 г. мы встречаем фуггеровского фактора в Юкатане,¹ то этим и исчерпываются все известные нам данные о попытках Фуггеров включиться непосредственно в колониальную торговлю. Все эти данные почти исключительно (кроме предприятия 1585—1591 гг.) относятся к первой трети XVI в. Лиссабонское представительство Фуггеров было ликвидировано в 1558 г.²

Наряду с торговлей пряностями в деятельности Фуггеров первой половины XVI в. большое значение имеет торговля металлами, при этом, в отличие от всех других объектов торговли, металлы остаются основным предметом торговли во всей последующей деятельности Фуггеров (как это будет показано в дальнейшем, при рассмотрении балансов Фуггеров).

В двадцатых годах XVI в. Фуггеры, как уже частично было отмечено, завязывают прочные связи с Испанией; эти связи ее не только не ослабевают в дальнейшем, а, наоборот, все более и более усиливаются, так что последний период истории торгового дома Фуггеров, относящийся уже к XVII в., характерен тем, что преобладающая часть его капитала была вложена в Испании. В 1525 г. Фуггеры впервые получили на откуп доходы «маэстразгос» сроком на 3 года; затем после некоторого перерыва «маэстразгос» на ходился в руках у Фуггеров в 1538—1542 гг., 1547—1550, 1551—1554, 1563—1572, 1573—1582, 1583—1594 и с 1595 г. до конца существования торгового дома.³ С 1526 г. с перерывом 1550—1562 гг. Фуггеры производили разработку ртутных рудников в Альмадене.

Первая половина XVI в., таким образом, является таким периодом в истории торгового дома Фуггеров, когда деятельность его носила наиболее разносторонний характер. Попытки включиться непосредственно в колониальную торговлю, крупная международная торговля (металлами и пряностями, частично торговля предметами текстильного производства), разработка рудников, откупные и чисто ростовщические операции — вот содержание деятельности торгового дома в первой половине XVI в., причем операции ростовщического характера, приобретая относительно и абсолютно все большие размеры, в этот период еще не заслоняют собой полностью остальных сторон деятельности Фуггеров.

В 1546 г. Фуггеры, с одной стороны, ликвидируют свои предприятия в Венгрии, где они начиная с 1495 г. принимали непосредственное участие в горном деле, а с другой стороны, организуют специальный филиал, который должен был вести всей деятельностью Фуггеров в Тироле и Каринтии (здесь Фуггеры с 1522 г. также были

¹ Лампрехт, История немецкого народа, 1896 г., т. III, стр. 339—340.

² К. Häbler, ук. соч., стр. 38.

³ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 114; К. Häbler, ук. соч., стр. 72—90.

По вопросу о периодах откупа «маэстразгос» между данными Эренберга и Геблера имеется небольшое расхождение.

непосредственно собственниками рудников и плавилен). Так наз. «Tiroler und Kärntner Handel» был официально совершенно самостоятельным торговым домом. Капитал, выделенный для его организации аугсбургским торговым домом (так наз. «Antoni Fugger e peroti»), составил 461 410 $\frac{7}{8}$ флор., и вновь организованный торговый дом считался должником аугсбургского дома на данную сумму.¹ Небезинтересно сопоставить начальный капитал нового торгового дома с общим капиталом Фуггеров. Капитал аугсбургского торгового дома составлял в 1546 году 5 111 883 флор.;² таким образом, если для новой организации выделено 461 410 $\frac{7}{8}$ флор., то это означало, что для деятельности в области горного дела в Германии была выделена примерно одиннадцатая часть всего капитала Фуггеров.

Мы подошли в нашем обзоре к 50-м годам XVI в., к концу эпохи расцвета торгового дома Фуггеров, к моменту, когда у самых Фуггеров возникает мысль о необходимости ликвидации дела. В двух своих завещаниях, относящихся: первое — к 22 марта 1550 г. и второе — к 11 июля 1560 г., Антон Фуггер, тогдашний глава торгового дома, пишет, что если он ранее надеялся, что его племянники последуют его стопам и станут купцами, то теперь он убедился в отсутствии у них всякой склонности к этому делу, а поэтому в согласии с ними он решил пойти на ликвидацию дела.³ Было бы, конечно, совершенно неправильным считать данное высказывание Антона Фуггера за изложение действительной причины принятого решения, да и сам Фуггер в своем завещании пишет: «В виду постоянных военных действий дела сложились настолько затруднительным образом, что мы не только не можем довести до конца наши торговые дела и вернуть себе находящиеся в долгах суммы, но мы были вынуждены также для того, чтобы служить императору и королю, больше давать в долг, сами занимать деньги и войти в долги». («Langwieriger Kriegsläufe halber haben sich die Sachen der massen beschwerlich geschickt, dass wir nicht allein unsere Handelsachen nicht zu Ende haben führen und unsere Schulden einbringen können, sondern wir haben auch, dem Kaiser und dem Könige zu dienen, mehr ausleihen, selbst Geld aufnehmen und uns ins Schulden stecken müssen»).

Действительно, если рассмотреть баланс Фуггеров 1546 г., то мы увидим, что уже в этом еще относительно здоровом балансе линия на преобладание ростовщических операций, а также необеспеченность возврата данных ссуд проявляются достаточно ясно.

И это данное Антоном Фуггером объяснение, конечно, также не является исчерпывающим; оно затрагивает только одну сторону вопроса, не беря его в целом. Но для нас в данном случае важно

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Kärnten und Tirol, 1929 г., стр. 16.

² R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 145.

³ Там же, стр. 144.

⁴ Там же, стр. 149. Эренберг, приводя документы, не сохраняет транскрипции эпохи.

подчеркнуть одно: то, что к середине XVI в. сами Фуггеры вынуждены прийти к решению о необходимости ликвидации дела.

Последующая история торгового дома Фуггеров представляет собой процесс, характеризующийся следующими основными моментами:

1) Из всей многосторонней в свое время деятельности Фуггеров сохраняются только ростовщические операции, которые становятся основными, и участие в горном деле. Но горное дело приходит все более в упадок (как это мы увидим дальше¹); вместе с тем вложения в горное дело незначительны по сравнению с суммами, вложенными в чисто денежные операции.

2) Денежные операции Фуггеров, начиная с 60-х годов XVI в., проводятся в основном уже не столько за счет собственных капиталов торгового дома, сколько за счет заемных средств. Это является, с одной стороны, результатом невозможности освободить вложенные в ссуды капиталы и необходимости прибегать к займам не только для покрытия своих очередных платежей, но и для дачи дальнейших ссуд, которых требуют Габсбурги, с другой же стороны, это объясняется тем, что сами Фуггеры изымают свои капиталы из дела и таким образом сами подрывают денежную базу торгового дома.

3) Центр тяжести деятельности Фуггеров определенно переносится в Испанию; испанские государственные банкротства и повлекли за собой ликвидацию торгового дома Фуггеров, начавшуюся в 1644 г. и затянувшуюся на десятилетия. Однако, как мы увидим в дальнейшем, было бы неправильно считать, что только государственные банкротства были причиной гибели Фуггеров как капиталистов.

Все эти моменты мы с достаточной ясностью можем проследить по балансам Фуггеров, к рассмотрению которых я и перехожу.

Первый сохранившийся баланс Фуггеров относится к 14 февраля 1511 г.² Поскольку те данные, которыми мы располагаем, не дают детального перечня статей, из которых складывается данный баланс, мы не можем использовать его для заключения относительно объектов торговли торгового дома. Но этот баланс интересен тем, что он показывает исключительную крепость торгового дома: денежную основу его составляют исключительно его собственные средства. Общая сумма актива — 245 463 флор. — равняется сумме вложенных капиталов со стороны Фуггеров (Jakob Fugger — 80 999 флор., Ulrich Fuggers Erben — 87 583 флор., Georg Fuggers Erben — 76 881 флор.). После распределения между участниками 48 672 флор. капитал торгового дома, с которым он продолжал дальнейшую деятельность, составил 196 791 флор.

К концу 1527 г.³ капитал торгового дома возрос до 2 021 202

¹ См. гл. «Участие Фуггеров в горном деле».

² См. R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 119.

³ См. R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 122—124; J. Strieder, Die Inventur der Firma Fugger aus d. Jahre 1527, Tübingen, 1905 г.

флор., т. е. возрос за 17 лет на 927%, или в среднем приносил годовую прибыль в размере $54\frac{1}{2}\%$. Конечно, при пользовании данными цифрами необходимо учесть изменение покупательной способности денег, но и с известными поправками темп роста капитала Фуггеров представляется значительным.

Из общего актива баланса, составлявшего 3 млн. флор. (цифры округлены), долги Фуггеров по данным ими ссудам составляют 1 650 000 флор., из этих долгов следует отметить: 1) долг короля Фердинанда в 711 619 флор. (главным образом непогашенная ссуда 1519 г.) и 2) долг папы, составлявший 20 958 флор. Обращает на себя внимание то, что по испанским операциям превышение актива над пассивом составляло 170 тыс. флор., сумму сравнительно небольшую. Это показывает, что сумма платежей, которые сами Фуггеры должны были произвести по различным операциям в Испании, лишь на 170 тыс. флор. была меньше суммы, подлежащей им уплате (всего актив по этой статье составлял 507 тыс. флор.).

По отношению к трехмиллионному активу сумма непогашенных ссуд (1 650 000 флор.) составляла 55%, вложение в горное дело — 270 тыс. флор. — 9% (в Венгрии — 210 тыс., в Тироле — 60 тыс.); при этом следует отметить сумму списанного долга Турцо¹ в размере 113 132 флор. Счет товаров по активу значится в сумме 380 тыс. флор. (12,7% всего актива); стоимость земельных владений — 127 тыс. флор. (общая же стоимость недвижимого имущества — 150 тыс. флор.). Пассив составлял в общем только 870 тыс. флор., что при наличии актива в 3 млн. флор. показывает исключительно крепкое состояние дел торгового дома.²

Баланс 1527 г. свидетельствует о том, что к данному времени Фуггеры уже стали развивать в широких размерах денежные операции. Однако в этот период существования торгового дома выданные ссуды в большинстве своем были достаточно твердо обеспечены (напр., ссуда 1519 г. была обеспечена доходами «маэстразгос», дававшими значительную прибыль), и операции торгового дома были основаны почти исключительно на собственном капитале. Векселей к оплате в баланс имеется всего на сумму 290 тыс. флор. при собственном капитале торгового дома, превышавшем 2 млн. флор.

Из товаров, проходящих по балансу, основным была медь (200 тыс. флор. при 380 тыс. флор. общей суммы счета товаров по активу). То, что товары по отношению к общей сумме актива составляют лишь около 13%, не может, конечно, считаться показателем незначительности торговых операций Фуггеров, поскольку товарная наличность к моменту составления баланса не определяет размера торговых операций; более правильным методом определения удельного веса торговых операций в общей деятельности торгового дома являлось бы такое определение, которое исходило бы из общей суммы

¹ Компания Фуггеров по добыче и обработке руды в Венгрии с 1495 по 1525 г.

² В пассив не входит собственный капитал торгового дела, составлявший 2 021 202 флор.

актива и учитывало сумму выданных ссуд и вложений в недвижимость и горное дело. Конечно, и этот метод далеко не гарантирует правильности вывода, так как данные о годовом обороте по счету ссуд и счету торговых операций отсутствуют.

Баланс 1536 г.¹ имеет актив в сумме 3 811 000 флор.; из них вложения в горное дело составляют 410 тыс. флор. (10,7%), товары — 415 тыс. флор. (10,8%), выданные сосуды — 2 347 000 флор. (61,3%). Стоимость недвижимого имущества (в нее не входят вложения в горное дело), составлявшая в 1527 г. 150 тыс. флор., возросла до 213 тыс. флор.

Небезинтересно подробнее рассмотреть счет выданных и непогашенных ссуд. Если согласно балансу 1527 г. актив по ссудам испанскому правительству лишь на 170 тыс. флор. превышал пассив по операциям в Испании, то в балансе 1536 г. положение резко меняется: актив, составляющий 1 066 000 флор., превышает пассив на 581 тыс. флор. (общая сумма пассива по операциям в Испании — 631 тыс. флор.). Долги короля Фердинанда, составлявшие в 1527 г. около 700 тыс. флор., возросли до 837 тыс. флор.

Из товаров металлы занимают попрежнему основное место; их всего на 289 тыс. флор., но в данном балансе относительно значительна наличность текстильных товаров, составляющая по своей стоимости 125 тыс. флор. Это связано с тем, что в 1534 г. Фуггеры приступили к плисовому производству в Вейсенгорне; повидимому, это была попытка организовать сравнительно крупное собственное производство; однако отсутствие источников и более подробной литературы по данному предприятию не дает возможности включить его в круг рассматриваемых вопросов.²

Баланс 1536 г. ясно показывает следующие характерные моменты: 1) возросший удельный вес ростовщических операций при относительно небольшом росте вложений в горное дело и росте земельных приобретений; 2) ухудшение финансового положения торгового дома. Последний момент вытекает из следующих деталей, имеющих в балансе: 1) пассив баланса 1536 г. составляет 1 770 000 флор., между тем как по балансу 1527 г. он составлял лишь 870 тыс. флор.; таким образом, общий рост торгового дома произошел не за счет собственного капитала, а капитала, привлеченного со стороны; 2) соответственно этому общая сумма по счету векселей к оплате, составлявшая в 1527 г. лишь 290 тыс. флор., возросла до 703 тыс. флор.

Предварительный баланс 1539 г.³ показывает дальнейшее ухудшение положения дел торгового дома: долги Фуггерам по испанским операциям составляют уже 1¹/₄ млн. флор., причем актив по ним превышает пассив уже более чем на 700 тыс. флор.; векселей, подлежащих оплате, имеется на сумму в 804 тыс. флор.

¹ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 132—135.

² К 60-м годам XVI в. это предприятие, повидимому, прекращает свою деятельность.

³ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 137—138.

Перехожу к балансу 1546 г.,¹ составленному незадолго до того, как у Фуггеров возникает решение о необходимости ликвидации торгового дома. Общая сумма актива — 7 100 000 флор., из них стоимость недвижимостей составляет 800 тыс. флор., товаров — 1 250 000 флор. (из них текстильных товаров имелось лишь на 125 тыс. флор., остальное падает на металлы); находилось в ссудах 3 900 тыс. флор. (т. е. 55% всего актива), причем Эренберг отмечает, что эта сумма не включает в себя всех обязательств испанского правительства; в частности он указывает на две суммы, не включенные в перечень испанских долгов — одну в 447 229 дукатов (т. е. приблизительно 626 тыс. флор.) и другую в 219 159 дукатов (приблизительно 306 тыс. флор.).²

Общий капитал торгового дома согласно балансу 1546 г. составлял 5 111 883 флор. (в 1539 г. — 2 197 740 флор.); характерно, однако, что, вместо того чтобы значительную часть прибыли вложить в торговый дом, Фуггеры распределяют между участниками 2 091 439 флор., в то время как тогда торговый дом был уже вынужден постоянно прибегать к займам, что делалось главным образом через антверпенскую биржу (по балансу сумма задолженности антверпенской конторы Фуггеров составляла 460 тыс. флор.).

Следующим сохранившимся балансом является баланс 1563 г.³ Общая сумма актива составляет 5,66 млн. флор. при собственном капитале торгового дома в 2 млн. флор. Правда, к общему вложенному капиталу следовало бы причислить еще 400 тыс. флор., складывающихся из вложений отдельных членов семьи Фуггеров, но эта сумма покрывается почти полностью долгами отдельных Фуггеров торговому дому, составлявшими 370 тыс. флор. Уже такое значительное расхождение между размером актива и размером собственных средств торгового дома показывает сравнительно критическое положение дел торгового дома. Рассматривая же актив баланса, мы видим, что он целиком (за исключением ничтожной относительно суммы в 350 тыс. флор.) состоит из сумм, данных в качестве ссуд: долг Филиппа Испанского составляет 4,44 млн. флор., долги же князей и городов — 0,5 млн. флор.

Далее в этом балансе бросается в глаза полное отсутствие счета недвижимостей. Это объясняется тем, что все земельные владения, приобретенные Фуггерами, были уже изъяты из имущества торгового дома и распределены между членами семьи.

В балансе совершенно отсутствует счет товаров. В части, касающейся товаров, имеющих отношение к горному делу, такое положение естественно. Как уже было указано, в 1546 г. был организован специальный торговый дом, который должен был вести всеми производственными и торговыми операциями в Тироле и Каринтии («Tiroler und Kärntner Handel»). С другой стороны, в балансе не

¹ R. Ehrenberg, ук. соч., т. I, стр. 144—149.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 173—176.

могла найти отражение в сколько-нибудь значительной мере торговли металлами, которую Фуггеры вели в Испании, поскольку после пожара, происшедшего в 1550 г. в альмаденских ртутных рудниках, добыча ртути здесь не производилась вплоть до 1562 г., и торговля ртутью не могла достигать значительных размеров. Конечно, торговля металлами в Испании велась в известных размерах и в эти годы. Мы не располагаем балансами испанской конторы Фуггеров, однако это обстоятельство не является особо существенным, поскольку итоги деятельности испанской конторы входили в общий баланс аугсбургского торгового дома. В балансе 1563 г. торговые операции в Испании могли заключаться только в одной статье «Sonstige spanische Aktive», составлявшей 180 тыс. флор., сумму, конечно, незначительную.

Однако отсутствие каких бы то ни было указаний на торговые операции самого аугсбургского торгового дома весьма существенно; оно показывает, что за исключением торговых операций, связанных с горным делом, Фуггеры к 1563 г. уже не вели никакой другой торговли; почти все средства торгового дома были вложены в ростовщические операции.

Что же касается тирольского торгового дома, то, как уже было указано, его капитал составлял в 1546 г. 451 410⁷/₈ флор. В дальнейшем мы не наблюдаем роста вложенного капитала. Для того чтобы проследить движение капитала, вложенного в горное дело Тироля, следует иметь в виду, что в 1565 г. наряду с так наз. «Tiroler und Kärntner Handel» начал существовать так наз. «Jenbacher Handel», к которому перешла значительная часть рудников «Tiroler und Kärntner Handel». В Иенбахскую компанию, кроме Фуггеров, вошли еще два купеческих дома, в 1574 г. один из трех участников (торговый дом «Гауг и Лангнауер») выбыл, в 1578 г. обанкротился второй компаньон — Катцбек, и все предприятие перешло к Фуггерам. Поэтому при исчислении капитала, вложенного Фуггерами в горное дело Тироля и Каринтии, необходимо учитывать как капитал так наз. «Propriohandel» (б. «Tiroler und Kärntner Handel»), так и вложения Фуггеров в так наз. «Jenbacher Handel».

Капитал «Propriohandel» в 1562/63 г. составлял 291 546 флор., в 1564 г. — 318 738 флор., в 1566/67 г. — 258 975 флор., в 1568/69 г. — 219 104 флор., далее, постепенно уменьшаясь, к 1610/11 г. составил 133 110 флор.¹

Что же касается доли вложений капитала Фуггеров в «Jenbacher Handel», то она была подвержена значительным колебаниям. Этот капитал составлял: в 1568/69 г. — 15 691 флор., в 1570/71 г. — 52 859 флор., в 1572/73 г. — 73 884 флор., в 1574/75 г. — 80 062 флор., а в 1578/79 г. упал до 14 784 флор. Как объясняют сами Фуггеры, уменьшение капитала с 80 тыс. флор. до 14,7 тыс. флор. в 1578/79 г. было результатом изъятия 100 тыс. флор. из дела и

¹ Сводку капитала «Propriohandel» с 1548/49 г. по 1634/35 г. см. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Kärnten und Tirol, стр. 445.

распределения их между отдельными Фуггерами. Следует иметь в виду, что такое мероприятие стало возможным только с этого года — так как 1578/79 г. был первым годом, когда Фуггеры вели разра, ботку рудников одни, без компаньонов. Небезинтересно, что они начали с того, что изъяли не только всю прибыль, но и значительную часть капитала, уменьшив таким образом вложенный капитал на 80 с лишним процентов («Das sich aber gemeltes capital anno 1574 bis ausgeents 1577 jars, vnangesehen dass der hanndl dieselben vier jar vnns fl. 34 722, 5, 3, 2²/₃ nuzung getragen, vmb fl. 65 277, 54, 1, 1¹/₃ gemindert hat, volgt her von den abgeschrieben ainmalhunderttausend gulden, die wûr Fugger ingeregten vier jahren vom vorrath under vnss ausgetheilt»¹).

Тенденция к изъятию капиталов проявляется в Тироле и Каринтии неоднократно. Так, в 1584/85 г. капитал иенбахского предприятия составлял 54 912 флор., а в 1586/87 г. он уменьшается до 27 664 флор. вследствие распределения между отдельными членами семьи 35 тыс. флор., т. е., кроме прибыли, составившей около 8 тыс. флор., было изъято около 27 тыс. флор. капитала. Аналогичное явление мы наблюдаем в 1596/97 г., когда капитал, составлявший 101 346 флор., вследствие распределения 60 тыс. флор. между отдельными Фуггерами уменьшился до 49 301 флор.²

При поверхностном рассмотрении цифр капитала иенбахского предприятия с 1612 по 1642/43 г.³ может, правда, возникнуть предположение, что в этот период мы имеем значительный рост вложенного капитала. Дело в том, что в 1610/11 г. он составлял лишь 37 512 флор., а в 1612/13 г. он внезапно возрос до 167 267 флор., а затем, постепенно снижаясь, к 1642/43 г. дошел до 126 210 флор. Однако при более внимательном рассмотрении данных возрастание капитала в 1612/13 г. фактически составляло лишь 29 169 флор. вместо значащихся по бухгалтерской отчетности 167 267 флор., так как в части остальных 100 586 флор. рост был чисто формальным. Сами Фуггеры объясняют его тем, что в этом году был списан долг иенбахского предприятия по отношению к так наз. «Propriohandel». Действительно, рассматривая сводку капитала последнего, мы видим, что если в 1610/11 г. капитал так наз. «Propriohandel» составлял 133 110 флор., то в 1612/13 г. мы имеем резкое снижение его до 44 688 флор., причем и здесь Фуггеры указывают на списание со счета долга иенбахского предприятия («Das sich aber dass capital gegen vorigen jahren souil gemindert, ist die ursach, dass die 100 586 fl. 36 Rr. 3. f. 3 p., so der Yenpacher dissem propriohandl schuldig gewest, wie dann die 1610, vnnd 1611 jahrs grundtrechnungen mehrers zu erkennen geben, bei dissem propriohandl für aussgab vnnd bei besagtem Yenpacher handl für einnehmen gesetzt worden».⁴

¹ Scheuermann, ук. соч., стр. 452.

² Там же, стр. 452.

³ Там же, стр. 453.

⁴ Там же, стр. 445.

Наряду с такими бухгалтерски оформленными изъятиями капитала, какие были указаны выше по иенбахскому и «собственно тирольскому» отделениям, мы обнаруживаем также и значительную задолженность отдельных членов семьи перед торговым домом. Так, напр., этот факт ясно виден в отчетности иенбахского отделения за 1649 г.:¹ вложения отдельных Фуггеров, из которых складывается весь капитал, составляют в общем 236 798 флор., долг же Фуггеров — 196 252 флор.; таким образом, фактически в деле имелось лишь несколько более 70 тыс. флор.

Рассмотрение бухгалтерских данных, касающихся деятельности Фуггеров в Тироле и Каринтии, показывает с достаточной ясностью, что тот капитал, который был выделен Фуггерами в 1546 г. для производственной деятельности в этих местностях, не только не имел тенденции к возрастанию, а, наоборот, все время уменьшался. Если в 1546 г. он составлял 461 410 флор.,² то в 1562/63 г. он составлял 291 546 флор., в 1568/69 г. — 234 795 флор.,³ в 1610/11 г. — 170 622 флор.⁴

Вместе с тем эти данные показывают, что уменьшение капитала было не только результатом убытков,⁵ но и вполне определенной линии на изъятие капиталов.

Но наиболее ярким доказательством проводившейся Фуггерами политики изъятия вложенных в дело капиталов служат данные, которыми мы располагаем о капиталах, вложенных в Испанию. Эти данные относятся к 1594—1610 гг. В 1594 г. капитал Фуггеров, вложенный в Испанию, составлял 4¹/₂ млн. рейнских зол. гульденов. В 1610 г. этот капитал составил несколько более 5 млн. гульденов, но затем в течение следующих 10 лет Фуггеры изъяли из дела свыше 4 млн. гульденов; в результате этого, а также убытка, составившего 278 963 гульденов, капитал Фуггеров, вложенный в Испанию, уменьшился до 767 066 гульденов.⁶ Геблер отмечает, что в дальнейшем дело дошло до того, что Фуггеры фактически почти что сделались только посредниками между правительством и кредиторами: их собственное участие в деле едва составляло одну пятую часть.⁷ Касаясь положения торгового дома в 1630 г., он же пишет следующее: «Фуггеры давно уже извлекли большую часть своих капиталов из испанского отделения (aus der spanischen Handlung); даже банкротство повлекло бы за собой не слишком тяжелые для них потери. Они поэтому преследовали главным образом только одну цель — добиться того, чтобы правительство уплатило свои

¹ Scheuermann; стр. 487.

² Капитал «Tiroler und Kärntner Handel».

³ «Propriohandel», 219 104 fl.; 1/3 «Jenbacher Handel» — 15 691 fl.

⁴ «Propriohandel» — 133 110 fl., «Jenbacher Handel» — 37 512 fl.

⁵ Этого вопроса я коснусь в дальнейшем (гл. «Участие Фуггеров в горном деле»).

⁶ K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, 1897 г., стр. 201.

⁷ Там же, стр. 201—202.

значительные по размеру долги торговому дому, с тем чтобы он мог удовлетворить своих кредиторов».¹

Приведенные данные достаточно ясно подтверждают не только то, что к XVII в. центр тяжести деятельности Фуггеров переместился из Германии в Испанию, но и то, что Фуггеры проводили последовательно линию на изъятие вложенных в торговый дом капиталов.

Начиная с Р. Эренберга, все буржуазные историки, исследовавшие деятельность Фуггеров, представляли гибель этого торгового дома как исключительно результат недобросовестности и вымогательства Габсбургов. Фактические данные показывают иное. Государственные банкротства (в данном случае имеются в виду испанские, относящиеся к 1557, 1575, 1596, 1607, 1627 и 1647 гг.),² действительно сыграли огромную роль в банкротствах крупных и средних купеческих домов в Германии, в том числе и в банкротстве аутсбургского торгового дома Фуггеров. Напомню, что во время первого кредитного кризиса 1557—1562 гг., бывшего результатом первого отказа Филиппа II от погашения государственных долгов, обанкротился Мейтинг, в 1563 г. обанкротился Макс Ульштатт, в 1564 г. — Лука Рем, в 1565 г. — Баумгартнер, в 1574 г. — Гауг Лангнауер и Манлих, в 1576 г. — Герварт, в 1614 г. — Вельзеры и т. д. Однако банкротство торгового дома Фуггеров не было ударом по самим Фуггерам; говорить о том, что Фуггеры потеряли все плоды своей более чем столетней деятельности, что они лишились всего своего состояния, как утверждают буржуазные историки, мы не имеем никаких оснований. Если Р. Эренберг утверждает, что в середине XVII в. претензии Фуггеров к Габсбургам достигали суммы, равной 8 млн. гульденов³ (а такая цифра представляется вероятной), то неуплата этого долга Габсбургами разорила не Фуггеров, заранее систематически, начиная с 40-х годов XVI в., извлекавших капиталы из дела, а тех, чьи деньги были вложены в их торговый дом.

III. Участие Фуггеров в горном деле

Мы рассмотрели в целом историю деятельности торгового дома Фуггеров, что дало возможность выявить общую линию, направление, в котором происходило развитие этого купеческого дома. Вместе с тем общий обзор истории Фуггеров дал ясность в вопросе о том, какое место в общей деятельности торгового дома занимали отдельные ее стороны в различные периоды истории Фуггеров. Это создает возможность перейти к изучению той отрасли деятельности торгового дома, которая по характеру темы настоящей работы представляет наибольший интерес, — к участию Фуггеров в горном деле.

¹ K. Häbler, ук. соч., стр. 210.

² R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. II, стр. 259.

³ Там же, т. I, стр. 186.

Как мы видели, Фуггеры сравнительно рано начинают вкладывать свои капиталы в горное дело; эта связь с горным делом существует на всем протяжении истории Фуггеров, сохраняясь даже тогда, когда все остальные отрасли деятельности Фуггеров, кроме ростовщичества, потеряли полностью свое прежнее значение. Однако общий обзор истории торгового дома Фуггеров показал вместе с тем, что деятельность Фуггеров в области горного дела никогда не являлась для Фуггеров основной и выступала сначала — в XV и первой половине XVI в. — в качестве одной из отраслей разносторонней в то время деятельности торгового дома, а затем — в последний период существования торгового дома — в качестве дополнения к ростовщическим операциям. Напомню, что вложения Фуггеров в горное дело, по сравнению с общим капиталом их, не являлись значительными и не имели тенденции к абсолютному и относительному возрастанию. В частности в последний период существования торгового дома, как уже было показано, мы наблюдаем у Фуггеров определенную тенденцию к изъятию капиталов из горного дела, т. е. то же явление, которое было отмечено в отношении всего вложенного ими в торговый дом капитала. Эти итоги, вытекающие из рассмотрения истории Фуггеров в целом, существенны потому, что они предохраняют нас от переоценки значения деятельности Фуггеров в области горного дела, опровергают распространяемую в буржуазной исторической литературе точку зрения на Фуггеров как на промышленных капиталистов *по преимуществу*.

На основе этих обоих итогов мы имеем возможность подойти вплотную к изучению того вопроса, который был поставлен в начале настоящей работы, вопроса о том, в какой мере мы наблюдаем в деятельности Фуггеров превращение накопленного в торговле и ростовщичестве капитала в капитал промышленный, в какой мере Фуггеры выступают в качестве организаторов капиталистического производства (не будучи, конечно, промышленными капиталистами *по преимуществу*).

То, что крупный торгово-ростовщический капитал в Германии XV—XVI вв. не только проникает в горное дело, но и в значительной степени подчиняет его себе, что ярким примером этого является деятельность Фуггеров, представляется совершенно бесспорным. Но вместе с тем также очевидно, что признавать факт проникновения капитала Фуггеров в горное дело доказательством того, что в этой области они выступали в качестве *промышленных* капиталистов, было бы абсолютно ошибочным. Между тем именно такой подход мы наблюдаем обычно у буржуазных ученых, изучающих историю Фуггеров.¹ Не вдаваясь в рассмотрение формы, в которой происходило проникновение капитала Фуггеров в горное дело, не изучая

¹ Я уже не говорю о том, что эти ученые готовы признать Фуггеров представителями «раннего капитализма» только потому, что они были купцами и ростовщиками.

совершенно вопросов организации труда на предприятиях Фугтеров, эти истории объявляют всякое участие Фугтеров в горном деле выражением их *производственной* деятельности и характеризуют Фугтеров как крупнейших промышленников (*Grossindustrielle*).

Правильное разрешение вопроса о характере участия Фугтеров в горном деле возможно лишь на основе изучения данной стороны их деятельности с точки зрения:

1) *мотивов*, вызывавших проникновение капитала Фугтеров в горное дело;

2) *форм*, в которых осуществлялось проникновение этого капитала в горное дело, и

3) *изменений в организации производства*, являвшихся результатом проникновения капитала Фугтеров в горную промышленность.

Для разрешения этих вопросов необходимо подробно рассмотреть данные, которыми мы располагаем о той стороне деятельности Фугтеров, которая связана с горным делом. Данная задача, однако, сопряжена с значительными затруднениями, потому что советские историки не располагают и не могут располагать всеми источниками, необходимыми для глубокого изучения поставленных вопросов. Основным источником для изучения деятельности Фугтеров является богатейший семейный архив Фугтеров, находящийся в Аугсбурге и содержащий документы и материалы о примерно двухсотлетней деятельности торгового дома Фугтеров. Существенные материалы имеются также в других немецких и австрийских архивах, в частности официальные документы, касающиеся взаимоотношений Фугтеров с германскими князьями, Габсбургами и т. д. Наконец, архивы в Испании, нидерландских странах, Италии и др. также содержат документы о деятельности Фугтеров. Поскольку пользование этими архивами не является доступным для советских историков, то единственно возможным методом исследования поставленных вопросов является критическое использование существующей литературы и изучение тех источников, которые опубликованы буржуазными немецкими историками; в частности, в так наз. серии «*Studien zur Fuggergeschichte*» под ред. Я. Штридера опубликовано (полностью и частично) некоторое количество документов, касающихся истории Фугтеров. Представляя собой ничтожную, конечно, долю всех существующих по данному вопросу документов, они все же дают возможность критически подойти к тем выводам, которые делаются немецкими буржуазными историками (в частности Я. Штридером, М. Янсенем, Л. Шейрманом и др.); они также, при всей их сравнительной скудости, доставляют материал, делающий возможным противопоставить общепринятым буржуазным концепциям свою трактовку ряда существенных моментов. Конечно, поскольку каждый из этих исследователей использовал и опубликовал те источники, которые могли служить обоснованием концепции автора, то далеко не исключается возможность наличия в ар-

живах существенных источников, не опубликованных в силу того, что они могут служить аргументом против отстаиваемой данным автором точки зрения. Отсюда видна вся затруднительность положения, в котором находится советский историк, вынужденный критически преодолевать концепции буржуазных ученых, пользуясь исключительно тем материалом, который дается этими же учеными.

Тем не менее даже при таких ограниченных исследовательских возможностях было бы неправильно отказаться от попытки дать свою трактовку интересующих нас вопросов.

Обращаясь к вопросу об участии Фуггеров в горном деле, следует отметить, что основными районами, где капитал Фуггеров было вложен в горное дело, являлись Венгрия, Тироль и Каринтия. К этому следует добавить Испанию, где имелись ртутные рудники, в эксплуатации которых Фуггеры участвовали в течение долгого времени — с 20-х годов XVI в. по 40-е годы XVII в.

Большинство немецких историков, исследовавших деятельность Фуггеров, приводит в качестве одного из основных примеров производительного применения капитала со стороны Фуггеров разработку ими серебряных и медных рудников в Венгрии. К рассмотрению истории и характера деятельности Фуггеров в Венгрии я поэтому и обращаюсь.

1. Фуггеры в Венгрии.

В 1495 г. Яковом Фуггером — главой торгового дома Фуггеров — был заключен договор с Гансом и Георгом Турцо из Кракова о совместной организации добычи и плавки руды в Венгрии. Этот год рассматривается немецкими историками как начало производственной деятельности Фуггеров в Венгрии. Прежде чем перейти к рассмотрению данного договора по существу, небезинтересно остановиться, насколько позволяют материалы, на предистории данного договора.

Как сообщает Я. Шридер,¹ договору между Фуггерами и Турцо предшествовал заключенный 25 апреля 1475 г. договор между Турцо и семью венгерскими городами. По этому договору Ганс Турцо привлекался для того, чтобы производить откачку воды из шахт. В уплату за проведение данной работы он должен был получать еженедельно денежное вознаграждение и, кроме того, одну шестую часть всей руды, которая добывалась благодаря проведенным им мероприятиям по осушке рудников. 15 мая того же года венгерский король Матвей утвердил данный договор и дополнительно предоставил Турцо право добычи серебра во всех затопленных водой и уже никем не разрабатываемых рудниках при условии сдачи добытого серебра на монетный двор по определенной цене (4 золотых гульдена за 1 весовую марку серебра). Одновременно Турцо был

¹ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktien..., 2-е изд., 1925 г., стр. 26—27.

освобожден от уплаты каких бы то ни было пошлин на ввозимое им продовольствие (для снабжения тех, кто работал в рудниках).

К сожалению, мы не располагаем подробными данными о том, что представляла собою семья Турцо. Известно, лишь что Ганс Турцо был родом из Кракова и принадлежал к числу влиятельных краковских горожан; есть указание на то, что он был членом краковского городского совета.¹ Затем Турцо переселился в Венгрию в гор. Нейзоль (Neusohl) — центр горного дела Венгрии — и здесь, получил право гражданства. Известно также, что в рудниках в Госларе Турцо впервые применил зайгерование (выделение из руды чистой меди и серебра при помощи свинца).

Связь Фуггеров с Турцо возникла на основе того, что Фуггеры занимались в 90-х годах XV в. скупкой добываемой в Венгрии меди² и стремились к тому, чтобы стать монополистами по сбыту, меди. Выражением этого стремления к монополии была образованная в 1498 г. монопольная компания по сбыту меди, в которую вошли Фуггеры, Герварты и Госсемброты.³ Медь сбывалась главным образом в Италию через венецианскую контору Фуггеров. Следует отметить, что стремление монополизировать в своих руках торговлю медью мы наблюдаем у Фуггеров и позднее; так, новая монопольная компания для сбыта меди, добываемой в швабских рудниках (Тироле), была организована Фуггерами и Гехштеттерами в 1515 г., причем между Фуггерами и Гехштеттерами была достигнута договоренность, согласно которой сбыт продукции венгерских рудников должен был производиться в Нидерланды, а медь из швабских рудников подлежала попрежнему вывозу в Италию.⁴

Договор между Фуггерами и Турцо, заключенный в 1495 г. и сохранивший свою силу до 1525 г.,⁵ интересен тем, что он показывает достаточно ясно, в чем именно выражалось участие Фуггеров в данном предприятии. Первое, что следует отметить, — это то, что все производственные функции по данному договору падают на братьев Турцо. Они дают следующее обязательство: «Мы, Ганс и Георг Турцо, должны приложить усилия, чтобы поставить и оборудовать плавильню в Золе, в которой мы будем перерабатывать всю добываемую из этого рудника медь наилучшими нам известными способами... И когда плавильня будет готова и выстроена, что должно быть сделано в течение 6—12 месяцев, мы должны руководить делом так, чтобы в неделю добывалось около 300 центнеров меди». В договоре отмечается также, что Турцо должны «сделать запас дров и угля, чтобы не было убыточного простоя»; оговаривается и сумма еженедельной прибыли, которую в среднем должно

¹ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapit. Organisationsformen, стр. 26.

² R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, т. I, стр. 90.

³ Договор об учреждении компании см. там же, стр. 417—419.

⁴ J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 120—121.

⁵ Опубликован M. Jansen, Jakob Fugger der Reiche, 1910 г., стр. 369—373; цитируется в переводе, данном в Хрестоматии по истории Европы в новое и новейшее время, под ред. Волгина, 1929 г.

давать предприятие (360 гульденов). Что же касается обязательств Фуггеров, зафиксированных в данном договоре, то, как там указывается, «для возмещения всего должен Ульрих Фуггер с братьями и товариществом в течение 3 лет, начиная с ближайшего Рождества, поднимать все связанные с этой торговлей и плавильным делом расходы и давать и ссужать на всякие нужды необходимые деньги...» Далее оговариваются конкретно некоторые платежи — арендная плата Сигизмунду, епископу Фюнкирхена, в размере 3 000 гульденов, платежи некоторым другим местным феодалам и др.¹ Таким образом, роль Фуггеров сводится к финансированию предприятия. Организованное товарищество (*der Gemeine ungarische Handel*) полностью финансировалось аугсбургским торговым домом Фуггеров. Штридер, в частности, подчеркивает полную зависимость Турцо от денежной мощи Фуггеров. Только Фуггеры с их капиталом могли, по мнению Штридера, обеспечить подъем экономически отсталой страны, какой являлась Венгрия.²

Вырабатываемая организованным товариществом медь продавалась им Фуггерам и Турцо; организаторами дальнейшего сбыта являлись Фуггеры, как это видно из упоминавшегося уже договора 1498 г., заключенного между Фуггерами, Гервартами и Госсембротами. Вместе с тем Фуггеры продавали венгерскому товариществу различные товары, в частности шерстяные и шелковые ткани, драгоценные камни и т. п. как для дальнейшей перепродажи в Венгрии, так и для подарков тем из представителей местной знати, связь с которыми предприятию было выгодно поддерживать.³

Общая прибыль, извлеченная за время совместной эксплуатации венгерских рудников Фуггерами и Турцо, как подсчитано М. Янсенем, составила 1,4 млн. рейнских золотых гульденов. От дальнейшей перепродажи меди Фуггеры получили дополнительно около 720 тыс. гульденов прибыли, а от операций по сбыту своих товаров — около 80 тыс. гульденов.

Я. Штридер указывает, что объединенное предприятие Фуггеров и Турцо вело разработку как арендованных, так и приобретенных рудников. Организацию производства как в части добычи, так и в части плавки руды он считает капиталистической; он считает наемными рабочими и тех, кто работал в плавильнях, и рудокопов. То, что он имеет в виду наемных рабочих, видно из тех общих замечаний, которые он делает перед этим. Он пишет: «В центрах горного дела рано возник пролетариат. Термин «рабочий» в его специ-

¹ Эти платежи носят, повидимому, характер взятков, судя по формулировке: «и еще по некоторым причинам епископу Эрга 500 вен. гульд. и т. д.», и по тому, что они стоят рядом с расходами на угощение и подарки.

² Небезинтересно отметить, что, говоря о взаимоотношениях Фуггеров и Турцов, Штридер тут же восхваляет культуртрегерскую роль капитала: «Wie so oft später im 19. Jahrhundert, vereinigte sich in Johann Thurzo und Jakob Fugger einheimisches Bürgertum mit den auswärtigen Kapitalisten zum Ausbau der Volkswirtschaft eines materiell zurückgebliebenen Landes», J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 110.

³ Там же, стр. 113.

фическом собственном смысле раньше всего появляется в источниках, касающихся истории горного дела в средние века». ¹ Далее он ссылается на Гапштейнское горное право (1300—1350), где встречается термин «наемный рабочий» (Lohnarbeiter), и затем указывает: «Вместе с названием тогда родился и его объект — новый социальный слой неимущих, существующих на свою недельную плату наемных рабочих»... ² И дальше он переходит к примерам; в качестве же первого примера он указывает на рабочих венгерского товарищества Фуггеров — Турцо, в качестве второго примера — рабочих в рудниках в Фалькенштейне (Тироль). Однако, как мы увидим в дальнейшем, рудокопов фалькенштейнского рудника мы не имеем никаких оснований считать наемными рабочими (а Штридер имеет в виду именно рудокопов, а не каких-либо других занятых в рудниках рабочих; на это указывает применяемый им термин «Кларре»). Отсюда, естественно, более чем законно сомнение в правильности отнесения им к категории наемных рабочих и тех, кто работал в венгерских рудниках Фуггеров — Турцо. Мы, к сожалению, не располагаем данными для опровержения данного взгляда, поскольку источников, на основании которых можно было бы судить о том, какова была организация производства в этих рудниках, у нас нет. Действительно, при изучении имеющихся материалов о деятельности венгерского товарищества бросается в глаза, что мы не встречаемся здесь с фактами, которые бы свидетельствовали о связи товарищества с мелкими производителями. Если вообще в горном деле Германии в данную эпоху и в частности в других рудниках, в разработке которых Фуггеры участвовали непосредственно (Тироль, Каринтия), мы наблюдаем обычно авансирование мелких производителей, продажу последними будущей продукции, заклад самого права разработки рудника или его части (т. е. все то, что входит в понятие «Verlagsystem»), то мы не обнаруживаем таких фактов в деятельности объединения Фуггеров — Турцо. Но почему мы этих фактов не имеем? Потому ли, что их действительно нет, или потому, что ни Штридер, ни разделяющий его точку зрения Янсен не опубликовали таких факторов, поскольку они опровергают их концепцию, — этот вопрос остается открытым впредь до возможности изучения всех материалов о деятельности Фуггеров в Венгрии и в подлинниках.

Однако нельзя не отметить, что уже внимательное рассмотрение договора, заключенного 16/III 1495 г. между Фуггерами и Турцо заставляет сомневаться в том, что венгерское товарищество (во всяком случае в начальный период своей деятельности) само непосредственно проводило добычу руды. Во-первых, странно, что в договоре, в котором оговариваются даже отдельные детали, касающиеся обязательств договаривающихся сторон и в частности обязательств по обработке и реализации руды, ничего не говорится о

¹ J. Strieder, Zur Geschichte kapit. Organisationsformen, стр. 40.

² Там же.

самой добыче руды. Основное обязательство Турцо состоит в том, чтобы поставить плавильню в Золе и затем руководить ее работой. Плавильня в Золе, как отмечает Штридер, выстроенная Турцо в 1495 г., переплавляла большую часть всей добываемой в Венгрии руды; лишь небольшая часть этой руды шла в другие плавильни — одна из них находилась в Тюрингии, а другая — в Фуггерау (Каринтия).¹ В договоре 1495 г. Турцо дают обязательство перерабатывать в плавильне в Золе «всю добываемую из этого рудника медь». Самый же рудник, как говорится далее в договоре, передается в эксплуатацию третьему лицу, что видно из самого текста: «Означенный рудник [т. е. рудник при плавильне в Золе. *Е. Н.*] мы уступили и предоставили на 10 лет Михаилу Кунигсбергеру и Бенедикту Глекницеру, и они должны нам за это платить по 1 000 гульденов в год; кроме того, отдавать нам всю вырабатываемую ими медь по 1½ вен. гульдена ½ орта за нейзольский центнер черной меди согласно грамоте, ими нам данной». Те же лица упоминаются и в другом месте договора 1495 г., а именно: «Также мы договорились и относительно рудника и завода в Золе, называющегося Зондберг. Они раньше принадлежали Гансу Кольману; мы их купили и приобрели в наследственную собственность и некоторое время себе на пользу вырабатывали из Кракова означенную медь. Это предприятие передали мы в наследственное владение Михаилу Кунигсбергеру и Бенедикту Глекницеру с наследниками; они должны отдавать нам всю вырабатываемую медь по цене 2 гульдена без одного орта за 1 центнер черной меди».

Приведенные выдержки интересны тем, что из них мы видим: 1) что Турцо еще во время пребывания на родине, в Кракове, участвовали в разработке рудников в Венгрии; 2) они вносят новый момент, касающийся организации добычи руды в венгерском предприятии Фуггеров — Турцо. Очевидно, что в лице Кунигсбергера и Глекницера мы имеем дело с субпредпринимателями. Они авансируются не деньгами, а двумя рудниками и заводом в Зонберге и обязаны сдавать по определенной цене всю добываемую ими медь и, кроме того, как указывается в договоре, уплачивать объединению Фуггеров — Турцо по 1 000 гульденов в год.

Таким образом, в отношении этих двух рудников ясно, что Фуггеры и Турцо здесь непосредственно не занимались добычей руды и ограничивалась тем, что плавил руду и затем ее сбывали через аугсбургский торговый дом. Нельзя, конечно, утверждать, что у венгерского товарищества Фуггеров — Турцо не имелось каких-либо других рудников, эксплуатацией которых оно занималось непосредственно. Однако представляется мало вероятным, что такие рудники имелись с начала деятельности товарищества, поскольку порядок эксплуатации их должен был бы быть оговорен в договоре.

В 1525 г. договор между Фуггерами и Турцо был расторгнут, и

¹ J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 114.

до 1546 г. Фуггеры продолжали дело одни, без участия Турцо, а в 1546 г. Антон Фуггер — глава торгового дома — заявил королю Фердинанду об отказе Фуггеров от дальнейшего участия в венгерском горном деле, мотивируя свой отказ невозможностью продолжать свою деятельность «в виду беспокойного и полного опасностей времени». ¹ Большую роль в этом отказе играла угрожающая постоянно опасность со стороны турок, но, помимо этой внешней причины, внутренние условия в самой Венгрии также имели значение для отказа Фуггеров от эксплуатации венгерских рудников. Дело в том, что деятельность Фуггеров встречала резко враждебное отношение со стороны местного населения, принимавшее форму национального протеста венгерцев против монополистов немцев. В частности выражением такой враждебности были выступления венгерских городов против Фуггеров; столкновения между венгерским предприятием Фуггеров и Турцо в частности вызывались той торговлей предметами потребления, которую вело товарищество. Оно ввозило их в Венгрию и здесь продавало или давало в счет заработка продовольтствие и т. п. тем, кто работал в рудниках и плавильнях. ² Вполне вероятно, что оппозиция Фуггерам исходила и от тех элементов, интересам которых противоречила производственная деятельность Турцо и Фуггеров, однако прямых указаний на это мы не имеем. Одно во всяком случае ясно, — это то, что более крупных местных предпринимателей, которые желали бы вытеснить Фуггеров из горного дела в Венгрии для того, чтобы занять их место, в Венгрии не было. Это видно из того, что когда в 1546 г. Фуггеры отказались от эксплуатации рудников в Венгрии, то венгерское правительство в течение двух лет не находило желающих арендовать данные рудники и было вынуждено взять разработку в свое ведение. Когда же такие предложения поступили к правительству, то это были предложения, исходившие не от местных предпринимателей, а опять же от крупных аугсбургских торговых домов. В 1548 г. эксплуатацию рудников взял на себя торговый дом «Манлих», в 1560 г. это дело находилось в руках компании «Мельхиор Манлих, Ганс Лангнауер и Мельхиор Линк», а в 1570 г. рудники в Нейзоле арендовал аугсбургский торговый дом «Вольфганг Паллер, Давид Вейс и К^о». В 1603 г. мы видим опять новых арендаторов рудников: наряду с Паллером — Варфоломея Касто и Лазаря Генкеля. Таким образом, происходит сравнительно частая смена торговых домов, участвующих в горном деле в Венгрии, но все это не местные предприниматели.

Отсутствие достаточных данных не позволяет мне сделать исчерпывающие выводы по вопросу о характере участия Фуггеров в горном деле в Венгрии. Неясным остается вопрос о том, какова была организация добычи руды. Как мы видели, имеются основания по-

¹ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, стр. 10—11.

² Strieder, ук. соч., стр. 44; M. Jansen, Jakob Fugger der Reiche, стр. 165 и сл.

лагать, что в начальный период деятельности объединения Фуггеров — Турцо разработка рудников не велась товариществом непосредственно, а что для этой цели использовались субпредприниматели, финансируемые со стороны Фуггеров — Турцо. Как обстояло дело в дальнейшем, остается еще более неясным.

Что касается организации плавки руды, то, полагаю я, нет оснований отрицать ее капиталистическую форму; известно, что в изучаемую нами эпоху в Германии в плавильнях обычно работали наемные рабочие; так, даже в плавильнях, которые принадлежали непосредственно князьям, имелись наемные рабочие. И у Фуггеров в Тироле, как мы увидим в дальнейшем, в плавильнях были заняты исключительно наемные рабочие. Поэтому, считая весьма сомнительным утверждение Штридера и Янсена о капиталистической форме организации добычи руды, я считаю вместе с тем вероятным наличие такой формы организации труда в плавильнях.

Далее, мне представляется, что в тот период участия Фуггеров в горном деле Венгрии, когда Фуггеры были связаны с Турцо (1495—1525), было бы неправильным считать, что Фуггеры здесь выступали в качестве промышленных капиталистов. В сущности, предпринимателями фактически являлись братья Турцо, на которых по договору 1495 г. лежала вся организация производства. Есть основания полагать, что Турцо стали предпринимателями еще до того, как Фуггеры завязали с ними связи; участие в горном деле в Венгрии и привело их сюда из Кракова, но они нуждались в капитале, который они и смогли получить благодаря объединению с Фуггерами. Роль последних в период их совместной с Турцо деятельности в Венгрии, как мы видели, сводилась исключительно к финансированию предприятия и организации сбыта меди. Конечно, после расторжения договора с Турцо роль Фуггеров должна была измениться: с переходом плавильни в их полную собственность они в области обработки руды стали предпринимателями в собственном смысле слова. Стали ли они ими в области добычи руды — вопрос спорный; судя по тому, что известно об организации добычи руды в принадлежавших Фуггерам рудниках в Тироле,¹ представляется сомнительным, чтобы именно в Венгрии, где условия деятельности Фуггеров были менее всего благоприятными, Фуггеры организовали добычу руды на капиталистической основе.

Как уже было указано, Фуггеры прекратили свою деятельность в Венгрии в 1546 г., мотивируя свой отказ тяжелой обстановкой, существовавшей в Венгрии. Но если подойти к данному факту с точки зрения всего, что мы знаем о положении торгового дома в 40-х и 50-х годах XVI в., то прекращение Фуггерами своей деятельности представляется как начальный момент реализации уже существовавшей в это время у Фуггеров линии на ликвидацию торгового дома. Напомню, что согласно балансу 1546 г. Фуггеры изъяли из дела свыше 2 млн. флор., а к 1550 г. относится первое завеща-

¹ Об этом см. в следующем разделе.

ние Антона, уже определенно говорящее о решении Фуггеров ликвидировать дело.

2. Фуггеры в Тироле и Каринтии

Другими районами, в которых мы уже сравнительно рано наблюдаем проникновение капитала в горное дело, являются Тироль и Каринтия. Данные, которыми мы располагаем о деятельности Фуггеров в Тироле, дают возможность с гораздо большей полнотой, чем в отношении Венгрии, прийти к определенным выводам о характере участия Фуггеров в горном деле.

Прежде всего следует отметить, что имеющиеся данные показывают достаточно ясно, как шел в Тироле самый процесс проникновения капитала Фуггеров в горное дело. Связь Фуггеров с тирольским горным делом начинается с 1488 г., но до 1522 г. Фуггеры не участвовали в производстве, занимаясь лишь скупкой меди и серебра, добываемых в Тироле.¹ Изучая вопрос о причинах, которые привели Фуггеров в Тироль, мы находим, что за год до этого, в 1487 г., Фуггеры дали ссуду Сигизмунду Тиролюскому в размере 23 627 флор. под обеспечение добываемого в Тироле серебра. В 1488 г. Фуггеры дали эрцгерцогу еще более крупную ссуду — 150 тыс. флор., за что в их распоряжение была предоставлена вся добыча серебра в швацких рудниках.² Таким образом, мы видим, что ростовщические операции привели Фуггеров к связи с горным делом Тироля. Но эти связи используются Фуггерами для того, чтобы реализовать имевшееся у них уже в это время стремление к монополизации в своих руках всей торговли медью. Мы уже видели, что в 1498 г. Фуггеры заключили с Гервартами и Госсембротами договор об организации монопольной компании по сбыту меди. В 1499 же году, завязав через ростовщические операции связь с тирольским горным делом, Фуггеры заключают договор с рядом владельцев рудников (так наз. *Gewerke*),³ по которому последние берут на себя обязательство: 1) доставить Фуггерам до рождества 1499 г. 15 тыс. центнеров швацкой меди; 2) доставлять им в течение ближайших 3 лет по 12 тыс. центнеров меди по устанавливаемой договором цене и 3) не вывозить меди в Италию (на случай, если общая добыча меди превысит количество, подлежащее сдаче Фуггерам). Оговорка о запрещении вывоза меди в Италию естественна, если принять во внимание, что именно в Италию сбывалась медь организованной Фуггерами в 1498 г. монопольной компанией.

Следует отметить, что Фуггеры не были первыми торговыми капиталистами, которых ростовщические операции связали с горным делом. Так, в середине XV в. постоянным кредитором Сигизмунда

¹ J. Strieder, *Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen*, стр. 27.

² Текст договоров см. M. Jansen, *Die Anfänge der Fugger*, стр. 114 и сл.

³ Договор опубликован: M. Jansen, *Jakob Fugger der Reiche*, стр. 354—358; в договоре упоминается одиннадцать владельцев рудников.

Тирольского был аугсбургский торговый дом «Людвиг Мейтинг», который одновременно выступал в качестве монопольного скупщика горнозаводской продукции. В частности к 1456 г. относится первый известный нам договор на скупку тирольского серебра¹ между Мейтингом и Сигизмундом.

С переходом Тироля к Максимилиану Габсбургскому мы наблюдаем, что связи крупных аугсбургских купеческих домов, имевшиеся с Сигизмундом, продолжаютсЯ с Габсбургами, причем все время происходит переплетение договоров на дачу денежных ссуд с договорами, касающимися условий скупки продукции рудников. В доказательство этого положения можно было бы привести значительное количество фактов, это переплетение проходит красной нитью через всю историю участия Фуггеров в горном деле Тироля. Ограничусь некоторыми примерами из того периода, когда Фуггеры в Тироле уже сами непосредственно включились в дело добычи и обработки руды. Так, по договору, заключенному между Фуггерами и Фердинандом 27 ноября 1541 г.,² Фуггеры дали Фердинанду ссуду в размере 80 тыс. флор., причем, кроме 5% с данной суммы, должны они были получить 30 тыс. марок серебра по цене 8 флор. и 12 500 центнеров меди по цене 6½ флор. Таким образом, здесь денежная сделка с Габсбургами являлась основой для монопольной скупки значительной партии серебра и меди. Аналогичен сохранившийся договор от 15 ноября 1544 г.,³ по которому за предоставление ссуды в 33 333⅓ флор. Фуггеры, помимо обычного процента, должны были получить 15 151 марку 8 лот. серебра по 9 флор. 26 крейц. Далее, от 15 июля 1546 г.⁴ имеется договор, по которому Фуггеры предоставляли королю Фердинанду 10 тыс. флор. из 5%, причем погашение долга должно было происходить из той части серебра, которую король удерживал в свою пользу при сдаче добытого серебра на монетный двор (так наз. Wechselgeld). Характерно, что в договоре имеется указание на то, что этот платеж должен начаться тогда, когда все прежние обязательства Габсбургов, подлежащие погашению из того же источника, будут выполнены. Подобного рода договоры были обычным явлением и заключались не только Фуггерами, но и другими купеческими домами, в частности домом Манлих, Гауг - Линк и др. Расчеты по ссудам и запродажа продукции рудников носили весьма путанный характер; на этой почве возникали постоянные конфликты, подробно описанные Шейерманом. Примером запутанности расчетов является имевшийся факт, когда в ответ на предъявленное Фуггерами требование о покрытии старых долгов (1547—1548 гг.) правительство указывало, что в отношении одной из сумм, данных

¹ J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 42.

² L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Kärnten und Tirol, 1929, стр. 29—30.

³ Текст договора см. L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 412—418.

⁴ Там же, стр. 27.

еще в 1514 г. (12 тыс. флор.), совершенно невозможно проверить, не погашена ли данная сумма, тем более что половина долга должна была быть уплачена еще Максимилианом.¹ Но и в отношении тех ссуд, задолженность по которым не оспаривалась, оказывалось нередко, что погашение ссуды далеко не являлось обеспеченным. Так, напр., ссуда по договору 1541 г. была дана при условии передачи Фуггерам руды, переплавленной в непосредственно принадлежавшей правительству роттембергской плавильне. Однако оказалось, что на данную плавильню было наложено столько обязательств, что выполнение их в обусловленные сроки было совершенно невозможным. Плавильня не только израсходовала все имевшиеся запасы руды, но и всю денежную наличность и к тому же не могла даже заплатить мелким производителям, сдававшим руду, стоимость последней, и те «ежедневно кричали, чтобы им уплатили».² Но и при таком положении плавильни правительство для покрытия своих расходов неоднократно изымало у нее готовую продукцию, иногда принося извинения кредиторам, иногда же просто ставя их об этом в известность.³ Этим еще более ухудшалось положение плавильни и подрывалась возможность выполнения обязательств перед кредиторами.

Таким образом, мы видим, что ростовщические операции Фуггеров переплетаются с монопольной скупкой горнозаводской продукции; первые являются основой для получения этой монополии. Ростовщические операции дают Фуггерам возможность получать не только ростовщическую, но и торговую прибыль. Небезинтересно, что такое положение мы наблюдаем и в ту эпоху, когда Фуггеры в основных районах Тироля и Каринтии уже непосредственно принимали участие в добыче и обработке руды.

Какой же представляется на основании имеющихся данных производственная деятельность Фуггеров в Тироле и Каринтии?

Имеющиеся материалы, исследованные и в сравнительно значительном количестве опубликованные Шейрманом, относятся к периоду начиная с 1546 г., когда, как уже было указано выше, для операций, связанных с горным делом в Тироле и Каринтии, Фуггерами было организовано специальное отделение с самостоятельной отчетностью и балансом (на правах самостоятельного торгового дома). Это так наз. «*Tiroler und Kärntner Handel*», обороты и итоги деятельности которого уже не находили отражения в балансах аугсбургского торгового дома.

В Тироле Фуггеры производили добычу и плавку руды в нескольких районах, наиболее значительным из которых был Фалькенштейн. Здесь имелось всего 39 рудников; каждый рудник делился на 9 частей, а последние в свою очередь делились каждая на 4 части. Это так наз. «четверти», которые в XVI—XVII вв. являлись еди-

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 65.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 67.

ницей измерения участия того или иного промышленника в разработке рудника. В Фалькенштейне Фуггерам принадлежало около 266 $\frac{1}{2}$ таких «четвертей», что при наличии всего 1404 «четвертей» в 39 рудниках составляло примерно 18%. В другом районе Тироля — Рерербюгель — при наличии 11 рудников (т. е. 396 «четвертей») Фуггерам принадлежало 56 «четвертей», т. е. приблизительно 14%; в районе Рингенвексель — 36 «четвертей» при наличии 12 рудников (т. е. 432 «четверти») — 8%.¹ В Тироле добывались медь и серебро. В Каринтии, где центрами горного дела были Блейберг и Фуггерау, добывался главным образом свинец; он использовался для обработки руды в тирольских рудниках, как это видно из договора, заключенного 5/XII 1575 г. между Фуггерами и Катцбек.² В Левантале добывалось также и золото.³ О том, каков был удельный вес Фуггеров в Каринтии, данных не имеется; Шейрман указывает, что в Каринтии Фуггеры играли большую роль в горном деле и конкурировала с ними лишь фирма Катцбек.⁴ Но в общем рудники в Каринтии имели гораздо меньшее значение, чем рудники в Тироле.

Выше мною были приведены данные, характеризующие долю участия Фуггеров в отдельных тирольских рудниках. Естественно возникает вопрос, что собою представляли остальные участники в разработке рудников.

Первое, что следует отметить, это то, что в Тироле мы имеем две категории владельцев «четвертей»: одну, которая отличается тем, что входящие в нее владельцы «четвертей» сами занимались и плавкой руды (так наз. *schmelzennde gwerckhen*), и другую, в которую входили те, кто не мог организовать плавку руды (т. наз. *unschmelzennde gwercken*). Последние или продавали добытую руду тем, кто имел плавильни, или доставляли руду на плавильни, принадлежавшие непосредственно правительству, последнее же запродавало переплавленную руду уже само крупным купцам. В частности примером такой плавильни, в которую доставляли руду так наз. *unschmelzende Gewercken*, была упоминавшаяся выше роттембергская плавильня. О ней тирольское правительство писало, что эта плавильня существует не ради ее выгодности, а для того, чтобы поддерживать существование тех, кто, добывая руду, лишен возможности сам плавить ее, и для того, чтобы владельцы плавильни не притесняли их при покупке у них руды («*damit die unschmelzennden gwerckhen und gesellen sich dabey erhalten mugen vnd durch die schmelzennden gwerckhen mit den artzkheuffen nit zu hart gedrungen werden*»).⁵

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 17—18.

² Текст договора см. Scheuermann, ук. соч., стр. 432 — 439. В этом договоре Фуггеры и Катцбек договариваются о дальнейшей совместной деятельности в Иенбахском товариществе после выбытия одного из участников товарищества. В данном случае имеется в виду § 6 стр. 437.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 72.

Относительно некоторых районов Тироля, где Фуггеры участвовали в добыче руды, имеется возможность установить точно, что представляли собою остальные владельцы «четвертей». ¹ Так, в Фалькенштейне все они представляли собою так наз. «schmelzende Gewerke»; их было всего шесть, причем двое ² были местными тирольскими промышленниками (впоследствии разорившимися), а остальные ³ были крупными аугсбургскими купцами: В другом руднике (Schwazer Erbstollen), по данным 1554 г., кроме Фуггеров, владельцами долей являлись три крупных купеческих дома. ⁴ В округе Кипцбюгель (основной рудник в Рерербюгеле), кроме Фуггеров, в разработке рудников участвовали шесть менее известных купцов. ⁵

Таким образом, мы видим, что основные тирольские рудники к 50-м годам XVI в. уже находились в руках сравнительно небольшого количества купцов. Иную картину представляют собою рудники в Рингенвекселе. Мы не располагаем данными о том, как распределялись здесь отдельные доли между владельцами рудников, но то, что здесь имелось значительное количество участников и большая дробность владения, вытекает из следующего: в 1554 г. четыре купеческих дома, принадлежавших к числу владельцев рудников, ⁶ обратились к правительству с требованием разрешить им скупить доли у мелких участников разработки с тем, чтобы в будущем в данном районе имелось всего лишь четыре горных участка, причем в каждый участок вошло бы 36 «четвертей». Ходатайство это сначала было встречено со стороны правительства отказом, но затем, как сообщает Шейерман, оно все же было удовлетворено. ⁷

Этот эпизод из истории горного дела в Тироле интересен тем, что он является наглядным выражением процесса вытеснения более мелких владельцев «четвертей» крупными купеческими домами. Изучение в целом того процесса, который привел к концентрации рудников в руках сравнительно немногочисленных крупных купцов, несомненно представляет значительный интерес. Поскольку, однако, это потребовало бы детального изучения прошлой истории развития горного дела в Тироле, эта задача, естественно, не может быть непосредственно объединена с той задачей, которая поставлена в настоящей работе. Я не имею возможности поэтому показать на фактическом материале развитие процесса концентрации в горном деле. Однако мне представляется, что и из того положения, какое мы наблюдаем в Тироле в 40-х и 50-х годах (т. е. тогда, когда Фуггеры уже непосредственно участвовали в эксплуатации рудников),

¹ L. Scheuermann, стр. 58.

² Stöckl u. Tänzl.

³ Baumgartner, Fugger, Haug — Neithart u. Herwart.

⁴ Manlich — Dreyding, Link — Haug u. Mitv., Herwart.

⁵ Из крупных купцов — Фуггеры и Баумгартнер.

⁶ Antoni Fugger u. Bruders Söhne, Hans Paul u. Hans Heinrich Herwart, Ulrich Link, Antoni Haug u. Co.

⁷ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 73—76.

можно сделать некоторые выводы по данному вопросу, хотя бы в плане предположительном. Я полагаю, что существование указанных выше различий в составе пайщиков отдельных рудников может быть рассматриваемо как выражение того процесса вытеснения мелких производителей и концентрации рудников в руках немногих купеческих домов, который проходил в Тироле. Существование рудников, в которых мы в качестве пайщиков имеем так наз. «*uschmelzende Gewerke*», представлявших собой в основном мелких производителей (возможно, что мы имеем среди них и элементы мелкого предпринимательства),¹ показывает, что процесс концентрации рудников в немногих руках этих рудников еще не захватил, хотя экономическая зависимость мелких пайщиков от крупных кушцов (в частности в лице собственников плавилен) уже должна была иметься. Момент, известный в отношении рудника в Рингенвекселе (петиция правительству от 1554 г.), дает возможность судить как о самом факте, так и отчасти о форме вытеснения мелких пайщиков из рудников; это вытеснение, повидимому, осуществлялось в форме выкупа долей мелких пайщиков, которые, как естественно предполагать, уже экономически зависели от пайщиков, сосредоточивавших в своих руках большое количество долей. Рудники в округе Рерербютель, Фалькенштейн и Эрбштоллен являются примером уже достижения высокой степени концентрации рудников в немногих руках, причем естественно, что этот уже сравнительно далеко продвинувшийся процесс концентрации мы наблюдаем именно в наиболее богатых рудниках Тироля.

Выше было указано, что каждый рудник делился на 36 «четвертей». Однако каждая «четверть» не представляла собой определенного территориального участка. Владение одной «четвертью» давало лишь право на получение одной тридцатой части всей добываемой руды и обязывало к несению соответствующей доли расходов, связанных с эксплуатацией рудника. Владельцы той или иной части рудника не имели своей рабочей силы. Рудокопы имели отношение к руднику в целом, а между отдельными пайщиками соответственно их доле в руднике распределялись и права и обязательства. «Если, например, — пишет Шейерман, — Фуггерам в каком-либо руднике принадлежали 12 «четвертей», т. е. одна треть всех долей, то не одна треть всех работников была у Фуггеров, а каждый работник на одну треть был Фуггеровским».² Распределение добытой руды между владельцами «четвертей» происходило периодически 8 — 12 раз в году. Это распределение носило термин «*raittung*» (*Raitung*), неоднократно упоминаемый в документах. Так, напр., в договоре, заключенном 3/III 1565 г. между Фуггерами, Лангнауром и Катцбеком, говорится о том, что организуемое ими товарищество («*Jenbacher Handel*»)³ должно начать свою деятельность ко времени

¹ Подробные данные о составе владельцев долей этих рудников отсутствуют.

² L. Scheuermann, *Die Fugger als Montanindustrielle*, стр. 42.

³ О нем см. ниже стр. 115 и сл.

шестого распределения руды («dieweil sich diser vnnsere gemaine perckh-vnd schmeltzhanndel zu den negstkommenden sechs raitungen oder bald darnach, wie obsteet, anfahren soll...»).¹ Фуггеры в 1657 г. сообщают австрийскому эрцгерцогу Фердинанду Карлу о своем решении после окончания начавшегося третьего распределения руды прекратить дальнейшую добычу руды («so haben wir in beobachtung aller umständt für vnns vnd vnserere respectue principalen wie auch vnserer handls creditoren nit für rathsam befinden, solche pergwercksthailer am Falckenstain, Ringenwechsel vnnnd Palleuthen länger zuhauen oder deren paw fortzusetzen, sondern vnns entschlossen, davon dermalen einist mit beschluss der jetzt zu endt gehendten dritten raitung¹ diss 1657-oten jahrs aufzulassen...»). При каждом распределении руды присутствовал горный чиновник, который тут же на месте взимал то, что причиталось казне.²

Владельцы «четвертей» имели и свои особые объединения, в частности объединения, преследующие цель снабжения рудопромышленности средствами производства и продовольствием. Каждый рудопромышленник при помощи своих средств производства, в первую очередь ему необходимо было железо и сало (для ламп); отсюда широко распространенная практика организации компаний, носивших название «Eisen- und Unschlitthandel». Например, известно, что вложения Фуггеров в такую компанию, существовавшую в Швабе («Schwazer Eisen- und Unschlitthandel») составляли, согласно балансу 1527 г., 6 000 рейнских гульденов, в Терланском руднике они вложили для этого 200 флор., в Клаузене — 276 флор.³ Аналогичное положение существовало в отношении снабжения продовольствием (так наз. Pfennwerthandel). Организация снабжения продовольствием в Тироле представляет известный интерес. Сохранившийся договор между Фуггерами и швабским купцом Урбаном Майером от 19 января 1556 г.⁴ показывает следующее: 1) Фуггеры берут на себя заботу о снабжении рабочих продовольствием (пшеница, рожь, сало и сыр) соответственно количеству их долей, т. е. «четвертей», как это делают Герварты и Линк («... souil sich bei jeder grueben nach anzall ierer taill gepurt, mit phenwerten als traid, korn, schmaltz vnd kess gleich wie di hern Herwart oder Linkhischen gnugsame fursehung mit gueter war ... thuen wolle...»); 2) снабжение работающих продовольствием берет на себя Урбан Майер, которому Фуггеры дают ссуду в размере 6 000 флор. из 5% годовых; однако все дело должно вестись Майером за свой счет и риск (auf sein selb wagnis, freien gwinn vnd verlust); 3) денежные обязательства Урбана Майера не ограничиваются возвратом ссуды с процентами; он обязан, кроме того, уплачивать Фуггерам десятую часть прибыли, вырученной от торговли продовольствием. Таким образом, Фуг-

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 425.

² Там же, стр. 442.

³ Там же, стр. 148—149.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Текст договора см. там же, стр. 418—422.

геры извлекали из договора с Майером двойную прибыль, не неся вместе с тем никакого риска; Майер же, провидимому, так зависел от Фуггеров, что, когда в 1558 г. против Майера было выдвинуто обвинение в ряде незаконных действий, то Фердинанд I в письме от 4 декабря 1558 г., адресованном Фуггерам, предъявляет это обвинение им, называя Урбана Майера их служащим.¹ Следует отметить, что денежная зависимость Майера от Фуггеров видна и из самого договора 1556 г.: если Фуггеры дают Майеру ссуду в 6 000 флор., то сам Майер обязуется вложить в дело всего лишь 2 000 флор.

То, что в данном договоре обязательства, касающиеся снабжения продовольствием, основываются не на количестве работающих, а на количестве принадлежащих Фуггерам долей, также свидетельствует о том, что Фуггеры (также как и упоминаемые в договоре Герварты и Линк) принимают на себя обязательства, определяемые их долей участия в руднике в целом.

После 1578 г., когда в ряде рудников Тироля Фуггеры стали единственными собственниками рудников, положение, конечно, должно было измениться, и работающие в рудниках уже были связаны с Фуггерами непосредственно.

Обратимся к вопросу о том, что собою представляли те, кто работал в рудниках, насколько можно считать правильным утверждение Я. Штридера и М. Янсена о том, что в горном деле Тироля вообще, а у Фуггеров в частности, работали наемные рабочие.

Первое, что следует отметить, — это то, что работавшие в рудниках и плавильнях разделялись на две категории, каждая из которых имела свое название. Это, во-первых, так наз. «Lehenhäuer» (в документах XVI—XVII вв. — *lehenhayer*) и 2) «Herrenarbeiter» (*herrnarbeiter*). В сохранившейся в архиве Фуггеров копии обращения Фердинанда (без даты)² мы находим эти два термина вместе, причем первый из них связывается с термином «Ergkäufe» (*ärtztkheuffe*), второй же с термином «Belohnung» (*belohnung*). Для ясности следует указать, что обращение Фердинанда имело своей целью мотивировать проведенную им «порчу» монеты.³ Обращение Фердинанда начинается с констатирования упадка горного дела. «Очевидно, — читаем мы, — что горное дело повсюду в нашей стране со дня на день и чем дальше, тем больше падает... Особенно для сохранения и подъема горного дела, а не для своей выгоды и пользы предприняли мы небольшое падение или изменение в монете» («haben wir ainen geringen faal oder verenderung in der müntz fürgenommen»). Но далее указывается, что это предпринято не для того, чтобы «вы [имеются в виду владельцы рудников и плавильн. Е. Н.] положили эту надбавку в свой кошель», но чтобы это служило подъему горного дела, «чтобы вы... больше, чем до сих пор, заботились о бедных рабочих и рудокопах (le-

¹ L. Scheuermann, *Die Fugger als Montanindustrielle*, стр. 108.

² Текст см. там же, стр. 431—433.

³ Возможно, что это касается порчи, проведенной в 1576.

henheyer) при покупке руды и о вознаграждении господских рабочих (herrnarbaiter) («Doch nit dergestalt, das ir solche staigerung in euren seckhl legen, sonnder... die armen arbaiter vnd lehenheyer in den ärztzkheüffen, also auch die herrnarbaiter mit der belonung me-rers als bissher beschehen bedenncken»).¹ Мы видим, что отношения рудокопов (Lehenhäuer) к владельцам рудников выражаются в покупке последними руды, а так наз. «Herrgenarbeiter» (буквально «господские рабочие») получали вознаграждение. Это вознаграждение мы имеем основания считать заработной платой. В доказательство можно привести другой сохранившийся в фуггеровском архиве документ — справку о том, «сколько убытку приносит один единственный нерабочий день...» от 4 марта 1638 г.² Здесь по четырем тирольским рудникам дается перечень тех, кто является «Herrgenarbeiter», с указанием дневной оплаты по каждому виду работы. Подробно к этому документу я вернусь в дальнейшем, сейчас же важно отметить, что в числе перечисленных здесь категорий работ мы не имеем рудокопов (Lehenhäuer); относительно последних в конце справки имеется специальное указание на то, что они в справке не предусматриваются («was die lehenhayer inen selbst und der gwerckschaft verfeuern, ist unter disem nit begriffen...»). Относительно рудокопов имеется также одно существенное указание, содержащееся в одной из петиций, поданных тирольскому правительству;³ здесь выдвигается требование, чтобы дача участка для разработки и условия оформлялись так, «чтобы каждый, кто принимается за работу, а также его подручные, с которыми он берется работать, могли их видеть и понимать» («dartzue auch in sonnderhayt den lehenhewern auf ir beger die arbaytten im aufnehmen von stund an ainzaigen, dieselben im hinlass benennen und im gerichtshaus furstellen... also, so ainer etwas erpaut, ime erst das mass benennt vnd die arbayt zertaylt werdt, sonnder damit ain yeder sein arbayt und mass im aufnehmen auch seine gesellen, mit denen er die arbeit aufnimbt, sehen und erkennen mug»).

Таким образом, мы видим, что рудокопы (Lehenhäuer) получали участки для разработки и что работали они не одни, а с подручными; имеющийся же здесь термин «geselle» наводит на мысль о том, что речь идет о мелком предпринимательстве. Шейерман указывает, что в Тироле существовал такой порядок, что каждое Рождество владельцы рудников (или, вернее, «четвертей») распределяли между рудокопами территорию рудника, отсюда само название «Lehenhäuer».⁴ Это распределение носило название «Teilung am Berg».

Существенный материал, характеризующий отношения, существовавшие между рудокопами и владельцами рудников, дает нам то, что мы знаем о восстании рудокопов в Тироле в 1583 г. Из того решения, которое было вынесено Фердинандом по этим жалобам,

¹ L. Sheuermann, ук. соч., стр. 432.

² Там же, стр. 439—441.

³ Там же, стр. 379.

⁴ Там же, стр. 230—231.

видно, что волнения среди рудокопов были вызваны низкой ценой, по которой Фуггеры производили покупку руды, и теми жесткими мерами, которые принимались Фуггерами для того, чтобы сдаваемая им руда не была смешана с пустыми породами. Следует отметить, что Фуггеры, вопреки установленным правилам об однократном очищении руды, пытались ввести тоекратную очистку (так наз. «dreierlei Scheidwerk»). Решение Фердинанда по жалобам рудокопов сводилось в основных чертах к следующему: ¹ в нем со всей строгостью подчеркивается недопустимость «собираться толпами», необходимость вести себя подобающим образом по отношению к владельцам рудников («sich hinfürtter gegen einer perckhwerchsgesellschaft aller gebuer vnnnd beschaidenheit zuuerhalten»), а также по отношению к своему государю и его чиновникам. Далее подтверждаются существующие тяжелые кары против смешения руды с пустыми породами, и, наконец, выносятся запрещение владельцам рудников понижать цену на покупаемую у рудокопов руду. В последнем пункте в решении упоминается термин «Erzlosung». Этот термин обозначал цену, по которой так наз. «Lehenhäuer» сдавали руду владельцам рудников или «четвертей»; сдаваемая руда называлась «Losungserz». В денежных документах Фуггеров расходы по статье «Erzlosung» отделяются от расходов по статье «Samkost», куда входили затраты на заработную плату категории так наз. «Hertenarbeiter». ²

Имеются прямые указания на то, что руда покупалась Фуггерами; так, в отчетности по лютифельдской плавильне имеется специальная статья под названием «покупка руды». ³ Небезинтересные данные о взаимоотношениях между Фуггерами и рудокопами можно также почерпнуть из имеющегося в фуггеровском архиве перечня по Блейбергскому руднику (Каринтия) и находившейся при нем плавильне. Здесь мы находим следующую приходную статью: «плата (Zins) за пользование плавильней, обжигательными печами, толчеей и кузницей блейбергскими рудокопами (Lehenhäuer)». Здесь же имеется и другая приходная статья: «арендная плата (Pachtzins) за дачу в аренду (Verleihung) собственных рудников и горных обрывов (Halden) рудокопам (Lehenhäuer)». ⁴ Из этих двух статей видно, что в Блейберге Фуггеры передавали от себя в аренду те рудники, в которых они были единственными владельцами, и в этом случае рудокопы (Lehenhäuer) были обязаны только платить арендную плату. Они имели право свободно распоряжаться добытой рудой; они или продавали ее владельцу рудника (причем, как указывает Шейерман, эта руда тогда называлась «Kaufertz», а не «Losungs-

¹ См. L. Scheuermann, ук. соч., стр. 245.

² Ср. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, т. III, 2, стр. 162, примеч. 2. «Welcher Ionarbeiter seiner samchost vnd verdienten Ion von den grubmaistern nit bezahlet wirdet» (aus d. Gasteiner Goldrecht).

³ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 232.

⁴ Там же, стр. 229.

егз»),¹ или даже плавил ее в принадлежавшей Фуггерам плавильне за известную плату.

Подытоживая те данные, которые мы имеем о тирольских (а отчасти и каринтийских) рудокопах (о так наз. «Lehenhäuer»), мы имеем возможность сделать некоторые выводы по тому вопросу, который был поставлен ранее: насколько эти рудокопы могут быть признаны наемными рабочими и тем самым насколько организация добычи руды может быть признана капиталистической. Ответ на этот вопрос может быть дан только отрицательный. Даже там, где Фуггеры и другие крупные купцы являлись владельцами рудников, отношения их к рудокопам еще не были отношениями предпринимателей к наемным рабочим. Основное средство производства — рудники — принадлежало крупным купцам, но рудокопы, которые должны были сами приобретать все остальные средства производства, которые продавали добываемую руду, не являлись еще наемными рабочими. Это были производители, находившиеся в экономической зависимости от скупщика; они были на пути превращения своего в наемных рабочих, но в изучаемую нами эпоху мы не видим заметного продвижения их по этому пути. Это подтверждается тем, что категорию «Lehenhäuer» мы находим в Тироле на протяжении всего XVI в. и в XVII в., т. е. в течение всего изучаемого нами периода.

Не случайно, что данные, которые были приведены выше, относились ко времени, начиная с середины XVI в. и кончая 1638 г. Отдельные же сведения, которые имеются о количестве этих «Lehenhäuer», показывают нам общее уменьшение их численности, объясняющееся упадком горного дела в Тироле, но не подтверждают превращения их в наемных рабочих. Так, в Фалькенштейне эта категория работающих составляла: в 1599 г. — 675 чел., в 1605 г. — 606 чел., в 1606 г. — 592 чел. Количество же «Herrenarbeiter», составлявшее в 1599 г. 1095 чел., к 1605 г. уменьшилось до 958 чел. Мы видим уменьшение по обеим категориям, причем относительно оно касается категории «Herrenarbeiter» даже несколько в большей степени, чем «Lehenhäuer» (с 1599 г. по 1606 г. количество «Herrenarbeiter» уменьшилось на 12,5%, количество «Lehenhäuer» — на 10,2%). Аналогичные данные мы имеем по другому руднику (Эрбштоллен). Здесь имелось:

	Herrenarbeiter	Lehenhäuer
В 1596 г.	128	152
В 1599 г.	107	93
В 1605 г.	57	68

Если положение, что рудокопы (Lehenhäuer) не представляли собой наемных рабочих, может считаться выясненным, то это, конечно, является решением вопроса только с отрицательной стороны. Перед нами встает представляющий серьезный интерес вопрос о том, как же характеризовать социальную природу этой категории с положительной стороны, кем фактически были эти «Le-

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 231.

Lehenhäuer» по своей социальной природе и как происходил процесс образования данной категории. Ответ на этот вопрос потребовал бы детального изучения истории развития горного дела в Тироле, предшествовавшей эпохе, когда Фуггеры участвовали в нем. Материал, относящийся к тому времени, когда Фуггеры уже участвовали в горном деле Тироля, не может быть основой для разрешения данной проблемы. Считая поэтому невозможным дать обоснованную характеристику социальной природы тирольских рудокопов на материале, привлеченном в связи с изучением роли Фуггеров в горном деле Тироля, я вынуждена ограничиться по этому вопросу следующими общими замечаниями.

Тирольские рудокопы (Lehenhäuer), работавшие в рудниках, принадлежавших крупным купцам, в частности Фуггерам, как мне представляется, были мелкими производителями, находившимися в сильной экономической зависимости от крупных купцов. Среди них, повидимому, имелись элементы мелкого предпринимательства. Что же касается вопроса, как возникла и развивалась данная категория, как, в частности, шел процесс образования мелкого предпринимательства, то ответ на него может быть дан только на основе изучения истории тирольского горного дела. Полагаю, однако, что возникновение самой категории «Lehenhäuer» связано с процессом вытеснения мелких самостоятельных производителей из числа владельцев «четвертей». Мелкие добыватели руды, бывшие одновременно владельцами «четвертей», превратились в рудокопов, уже не владеющих основным средством производства — рудником (вернее — определенной его долей) — и вынужденных работать в рудниках, принадлежавших крупным купцам. В частности приведенный выше материал о взаимоотношениях рудокопов с Фуггерами на Блейбергском руднике,¹ заслуживает с этой точки зрения внимания. Мне представляется, что блейбергские рудокопы, которые арендовали доли рудника у Фуггеров и за определенную плату плавили добытую руду в принадлежавшей Фуггерам плавильне, представляют собой категорию, образование которой было результатом процесса, вытеснившего мелких владельцев «четвертей» (так наз. «unsmelzende Gewerke») из числа пайщиков рудника. Бывшие «unsmelzende Gewerke» превратились в данном случае в «Lehenhäuer», но еще сохранивших известную долю самостоятельности по отношению к Фуггерам как владельцам рудника.

На вопрос о наличии капиталистической организации добычи руды в Тироле я считаю необходимым, таким образом, ответить отрицательно. Небезинтересно отметить, что при всей общности принципиальных установок, естественно существующей между буржуазными историками, изучавшими историю Фуггеров, по частному вопросу, касающемуся природы рудокопов, имеется известное расхождение. Если Я. Штридер и М. Янсен без всякого исследования того, что представляли собой рудокопы, работавшие в фуггеровских руд-

¹ См. стр. 108.

никах, прямо относят этих рудокопов к наемным рабочим, то иначе к данному специальному вопросу подходит Л. Шейерман. Он посвящает значительное количество страниц своей работы рассмотрению данных, касающихся рудокопов, которые дают возможность тому, кто их изучает, прийти к собственному выводу по этому вопросу. У Шейермана нет тенденции считать рудокопов наемными рабочими; он, например, утверждает, что среди рудокопов имелись такие, которые имели рабочих от себя, что вообще же они обычно работали всей семьей.¹

Это расхождение в лагере буржуазных ученых объясняется тем, что, если для Я. Штридера и М. Янсена центр тяжести в работе выражается в стремлении доказать, что Фуггеры *уже* были капиталистами современного типа, то Л. Шейерман своим специальным исследованием о деятельности Фуггеров в Тироле и Каринтии хочет в основном показать, что Фуггеры *могли* стать промышленными капиталистами в полном смысле этого слова, но что государственная власть этому всемерно препятствовала и что вымогательства императора и князей и стеснение свободы деятельности капиталистов привели к упадку горного дела как одной из основных отраслей производства. Фуггеры, по Шейерману, — носители прогресса, и если даже результатом их воздействия на производство не является подъем его, то вина падает на политику государственной власти, а не на Фуггеров. Шейерман, например, достаточно ярко показывает хищнический метод эксплуатации рудников Фуггерами,² но расценивает его как акт самозащиты со стороны Фуггеров.

Говоря о том, как трактуется вопрос о социальной природе тирольских рудокопов буржуазными историками, нельзя не вспомнить того, что писал по этому вопросу Каутский в своей ранней работе «Предшественники новейшего социализма». Указав на то, что рудники были первоначально собственностью марки, Каутский далее пишет: «Рудники становились все обширнее, все сложнее, и эксплуатация их представляла все больше опасностей. Каждому отдельному члену общины, отдельному промышленнику становилось все затруднительнее заниматься эксплуатацией за свой страх, по своему усмотрению. Отдельные рудники становились все в большую и большую зависимость друг от друга, все более превращались в одно целое. Как ни заботились отдельные промышленники о том, чтобы их рудники или участки оставались самостоятельными, чтобы каждый сохранил право распоряжаться на своем участке, все-таки техническая необходимость заставляла объединять производство в одно целое. Чиновник общины, «горный мастер», первоначально только контролировавший эксплуатацию рудников, мало-помалу сделался руководителем всего производства, которое он организовал планомерно. Но рудники, достигшие такого развития, были

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten, стр. 384. Документов, которые бы обосновали это положение, Шейерман не приводит.

² Там же, стр. 95—96.

обыкновенно так богаты, что доходы промышленников и членов общины (эти два понятия вначале, вероятно, совпадали) все более и более освобождали их от труда, который, наконец, совсем перешел к наемным рудокопам. Промышленники мало-помалу превращались в капиталистов...»¹ «В горной промышленности находили себе место лишь крупные капиталисты и пролетарии [речь идет о XVI в. *Е. Н.*]». ²

Другими словами, естественный технический рост производства, требовавший укрупнения и планомерной его организации, превратил общинника в капиталиста. Что же представляет собой это высказывание Каутского, как не раннее выражение той основной мысли, которая развивается им в 1929 г. в работе «Материалистическое понимание истории» о капитализме как единственной системе общественных отношений, реально способной сохранять и развивать общественное производство? И чем, в сущности, отличается утверждение Каутского о наличии развитого капиталистического производства в горном деле Тироля эпохи феодализма, сделанное Каутским свыше 30 лет тому назад, от современных теорий буржуазных апологетов?

Перехожу к некоторым другим вопросам, связанным с организацией производства на фургеровских рудниках и в плавильнях.

Небезинтересны отдельные данные, которые имеются по вопросу об организации снабжения плавилен топливом. Владельцы плавилен обычно получали от правительства государственные леса. Как указывает Шейрман, лесные разработки проводились так наз. «Fürgedinger», которые, получая кредит (*Verlag*), поставляли топливо в плавильни; они выступали в качестве мелких предпринимателей, имевших от себя рабочих.³ «В высшей степени невероятно, — пишет он, — чтобы они [Fürgedinger. *Е. Н.*] за доставку дров, угля и т. п. получали повременную или сдельную заработную плату». ⁴ Из таких поставщиков персонально мы имеем сведения о Христиане Шваб и Стефане Бенг в Грисбахе. ⁵ На то, что топливо покупалось от этих поставщиков, мы имеем указания и в бухгалтерских документах Фургеров. Так, в перечне расходов по люцфельдской плавильне мы находим статью: «покупка топлива у Fürgedinger» (перечень расходов относится к 1576 г.). ⁶ В более позднем перечне расходов по той же плавильне, относящемся к 1585 г., мы имеем статью о покупке угля у тех же Fürgedinger; ⁷ то же мы видим в перечне расходов по иенбахской плавильне за 1585 г. ⁸ В 70-х годах XVI в.

¹ К. Каутский, Предшественники новейшего социализма, ч. I, изд. 1907 г., стр. 69.

² Там же, стр. 79.

³ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 235, 284.

⁴ Там же, стр. 235.

⁵ Там же стр. 236.

⁶ Там же, стр. 232.

⁷ Там же, стр. 286.

⁸ Там же, стр. 266—267.

в Ампельбахтале и Кламмбахтале организация добычи топлива была Фуггерами изменена таким образом, что само предприятие взяло это дело непосредственно на себя («des handels aigne und selbst fierende holtz-und kolwercksbait»).¹ Подробности, однако, за отсутствием материала остаются неизвестными.

Необходимо обратиться теперь к рассмотрению вопроса о том, что представляла собою еще одна уже упоминавшаяся категория работавших в горном деле — так наз. «Herrenarbeiter» («господские рабочие»). Из сохранившейся справки от 4/III 1638 г. (об убытке, который приносит один нерабочий день в 4 рудниках в Тироле), мы имеем возможность установить с достаточной полнотой, кто именно принадлежал к этой категории, поскольку мы имеем здесь перечень всех видов рабочих с указанием их количества и дневной заработной платы.² Общее количество так наз. «Herrenarbeiter» следующее: по Фалькенштейну и Эрбштоллен (сведения по ним даны вместе) — 662 чел., по руднику в Пэлейтен — 95 чел., по руднику в Рингенвекселе — 94 чел. В Фалькенштейне и Эрбштоллен мы находим следующие виды рабочих: 1) на плавке руды занято 24 чел., из них 7 чел. получает 15 крейцеров за шихту, а 17 чел. — 14 крейцеров поденно; 2) на плотничьих работах более квалифицированных занято 55 чел. (zimermaister), заработная плата которых колеблется между 9 и 12 крейцерами в день; на неквалифицированных плотничьих работах (zimerkhnecht) занято 45 чел.; их зарплата 6—8 крейцеров; 3) 286 чел. занято на подвозке руды, получая 5—7 крейцеров в день; 3) 4) на очистке руды занято 183 чел. (Seiberpueben, т. е. Säuberbuben), работавшие под наблюдением 21 старшего рабочего (buebenhuetleit, т. е. Bubenhutleute) и получавшие в день 4 крейцера; 5) толчейщиков имелось 2 чел. с зарплатой в 7 и 8 крейцеров (wenntpucher; pucher-Pocher — толчейщик; Pochwerk — толчея).

Кроме того, здесь имелось 4 конторщика (Schreiber), получавших в день от 15 до 17 крейцеров, один мастер (werchmaister), в отношении которого неясно, был ли он мастером предприятия в целом или же плавильни или, наконец, рудника.

Пять наименований расшифровать не удалось (7 gstennglöger,⁴ 8 knechtshuetleit,⁵ 1 pfalhacker,⁶ 8 zueweitner, 13 stöllelknecht⁷), однако совершенно ясно, что среди категории «Herrenarbeiter» мы не встречаем рудокопов, что, впрочем, специально оговорено в конце

¹ L. Sheuermann, ук. соч., стр. 236.

² Опубликов. там же, стр. 439—441.

³ Судя по названию их «Truhenläufer» (Truhenläufer), подвозка производилась в ящиках.

⁴ От Gestänge (деревянные подкладки под колеса рудооткаточной тележки)?

⁵ Повидимому, старшие рабочие, наблюдавшие за неквалифицированными рабочими (термин «knecht», в отличие от «maister», употреблялся для обозначения неквалифицированных рабочих).

⁶ Повидимому, на крепительных работах.

⁷ От «Stollen» или от «Stall»?

справки.¹ Аналогичные виды работ мы находим и по двум другим рудникам.

Рассмотренный документ дает возможность прийти к следующему выводу: категория рабочих, известная под именем «*Herrenarbeiter*», представляла собой (в отличие от так наз. «*Löhnhäuer*») наемных рабочих. Эти наемные рабочие были заняты на обработке руды (очистка и плавка), а также в рудниках, но не на самой добыче руды, а на работах, связанных с подвозкой руды и на плотничьих работах. По отношению к так наз. «*Herrenarbeiter*» владельцы рудников и плавилен, и в частности Фуггеры, выступали как капиталисты-предприниматели, чего мы не имеем в их отношениях к рудокопам. Дополнительным подтверждением высказанных положений является то, что в тех предприятиях, которые были не при самом руднике, так, напр., в толчее в Фалькенштейне у св. Николая и в толчее в Эрбштоллене (проходивших при ведении отчетности по особому счету) мы в перечне расходов встречаем всегда термин «*Samkost*»,² а в рудниках, имеющих при себе плавильню или не имеющих ее, встречаются всегда оба термина: «*Samkost*» и «*Erzlosung*»; первый относится к наемным рабочим, а второй — к рудокопам.³

Как уже было указано, мы не видим существенных изменений в организации добычи и обработки руды в Тироле в период, когда Фуггеры принимают участие в горном деле. Наряду с этим следует отметить, что изучение горного дела в Тироле показывает нам другой характерный процесс — процесс уменьшения количества владельцев рудников (или, вернее, «четвертей»), концентрации рудников у все уменьшающегося количества купцов. Мы видели, что к середине XVI в. в крупных рудниках Тироля мелкие пайщики были уже вытеснены купцами; еще в 1554 г. на примере рудника в Рингенвекселе мы наблюдали стремление крупных купеческих домов сосредоточить владение рудником в своих руках. В частности в этом принимают участие и Фуггеры. Петиция, поданная правительству в 1554 г., несомненно, является подтверждением агрессивности крупных купеческих домов в деле концентрации рудников в своих руках. В дальнейшем мы наблюдаем, что процесс концентрации продолжается в той форме, что количество крупных владельцев рудников все уменьшается.⁴ Но в отличие от того, что наблюдалось ранее, дальнейший процесс концентрации не может быть объяснен агрессивностью крупных владельцев рудников в деле приобретения новых участков. Мы наблюдаем скорее картину обратную: концентрация рудников в немногих руках происходит вопреки желанию крупных купцов и в частности Фуггеров. Для подтверждения этого положе-

¹ См. стр. 107.

² Ср. стр. 108.

³ См. данные об отчетности за 1585 г. L. Scheuermann, *Die Fugger als Montanindustrielle*, стр. 262—273.

⁴ Вопрос о вытеснении мелких производителей я считаю возможным не касаться; в основных рудниках их уже не имелось.

ния рассмотрим в дальнейшем процесс концентрации рудников в Тироле.

В 1558 г. крупный купец Герварт отказывается от дальнейшего участия в разработке рудников в Фалькенштейне и Шилеберге; участки его не приобретаются другими крупными купеческими домами, а переходят к Фердинанду I, который покупает у Герварта его предприятия. ¹ Скоро после этого торговый дом «Антон Гауг и Ульрих Линк» обращается к королю с просьбой купить у него как принадлежащие ему горные участки, так и плавильни, однако встречает со стороны Фердинанда отказ. ² В 1554 г. обанкротилась фирма Манлих и выбыла из числа владельцев рудников. ³

В 50-х годах XVI в. в горном деле Тироля обнаруживаются моменты, свидетельствующие об упадке этой отрасли производства. Уже на Иннсбрукском ландтаге 1565 г. выдвигается вопрос об ухудшении состояния горного дела, об уменьшении добычи руды в Роттенберге и Роттенбурге и даже в богатейших Фалькенштейнских рудниках; указывается, что уже 3 000 рудокопов покинули страну, раздаются обвинения по адресу аугсбургских купцов, ведущих хищническую эксплуатацию рудников. ⁴ В свою очередь аугсбургские купеческие дома постоянно жалуются на трудные условия, в которых находится горное дело, на то, что уплата правительству установленных сборов лишает предприятия прибыльности. По вычислению Ф. Добеля, ⁵ норма прибыли в горнозаводских предприятиях Фуггеров, составлявшая в 1548 г. $7\frac{1}{4}\%$, в 1549 г. — $12\frac{2}{9}\%$, в 1550 г. — $10\frac{1}{9}\%$, уменьшилась в 1554 г. до $6\frac{3}{7}\%$, а в 1555 г. до $3\frac{1}{5}\%$. Шейерман, подвергая критике вычисления Добеля, дает свое исчисление нормы прибыли; последняя, по его мнению, составляла: в 1548/49 г. — 7,985%, в 1550/51 г. — 6,46%, в 1552/53 г. — 5,878%, а в 1554/55 г. — 3,865%. ⁶ Несмотря на имеющиеся между Шейерманом и Добелем расхождения, и тот и другой приходят к выводу об уменьшении прибыльности тирольских рудников.

Разорение ряда купеческих домов, участвовавших в разработке тирольских рудников, понижение доходности последних и необходимость организовать для того, чтобы добиться от правительства более выгодных условий, — все это привело к тому, что в 1565 г. Фуггеры, торговый дом «Гауг—Линк» и торговый дом «Катцбек» объединились в так наз. Иенбахскую компанию («Jenbacher Handel»). Не лишне вспомнить, что один из участников этого объединения — торговый дом «Гауг—Линк», как было указано выше, до этого проявлял желание отказаться от дальнейшего участия в горном деле. Договор 1565 г. ⁷ был заключен на 5 лет и затем продлен. По этому

¹ L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 133.

² Там же, стр. 134—135.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Там же, стр. 80.

⁵ F. Dobel, Über den Bergbau und Handel des Jakob und Anton Fugger in Carnten und Tirol, 1882 г., стр. 18.

⁶ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 55—56.

⁷ Текст см. L. Scheuermann, ук. соч., стр. 422—431.

договору большая часть принадлежавших Фугтерам рудников (или «четвертей»), плавилен и т. п. перешла к вновь организованной компании; только рудники в Каринтии и один тирольский рудник остались в индивидуальном владении Фугтеров.¹

Таким образом, мы видим, что в 1565 г. произошел существенный момент в концентрации горного дела в Тироле.

Несмотря на некоторые уступки, которых Иенбахская компания добилась от Фердинанда I, кривая добычи руды продолжала падать: если в 1569 г. добывалось 17 445 марок серебра, то в 1574 г. добыча упала до 11 тыс. марок.

3 августа 1571 г. Иенбахская компания и Ганс Дрейлинг — один из сравнительно крупных владельцев рудников (к которому в свое время перешли «четверти», принадлежавшие разорившейся в 50-х годах фирме братьев Ганс и Георг Виктор Штёкль²) — предложили эрцгерцогу приобрести их предприятия. Из сообщения, посланного эрцгерцогу одним из горных чиновников (Рейслендером), видно, что Дрейлинг запрашивал за свои предприятия всего лишь 20 тыс. флор., в то время как он сам уплатил ранее только при покупке от Штёкля сумму, больше чем в четыре раза превышавшую ту, которую он теперь требовал от эрцгерцога.³

Тирольское правительство пишет эрцгерцогу, что ему, конечно, было бы выгоднее не принимать непосредственного участия в производстве, а получать доходы просто в силу регалии, как это было обычным в те годы, когда еще доли Герварта не были взяты, но поскольку, кроме Иенбахской компании, нет других предпринимателей и нет желающих взять на себя долю Дрейлинга, запрашиваемая же последним цена невысока, то эрцгерцогу все же дается совет согласиться на предложение Дрейлинга.⁴

Эпизод с Дрейлингом показывает, что Иенбахское товарищество не делало попыток к тому, чтобы воспользоваться затруднительным положением Дрейлинга и увеличить свое производства. Более того, после того как его предложение эрцгерцогу о приобретении принадлежавших компании участков было отклонено, Иенбахское товарищество настаивало на взятии эрцгерцогом в свое непосредственное ведение участков Дрейлинга в Фалькенштейне, с тем чтобы доля участия эрцгерцога в горном деле была равной доле участия Иенбахского товарищества.⁵

Мы не располагаем достаточным материалом для того, чтобы проверить правильность утверждения Шейермана, что мотивом такого выступления Иенбахской компании было втянуть эрцгерцога глубоко в горное дело с тем, чтобы заставить его изменить ту политику постоянного ухудшения условий производства, которая им проводилась. Во всяком случае ясно, что Иенбахская компания, основ-

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 160.

² См. стр. 103.

³ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 185.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Из донесения Рейслендера. L. Scheuermann, ук. соч., стр. 185.

ными участниками которой были Фуггеры, не проявляла стремления сконцентрировать в своих руках все горное дело Тироля.

В этой связи нельзя не отметить, что предложение, сделанное эрцгерцогу 3 августа 1571 г., не было первым. Еще до этого — в мае того же года — Иенбахское товарищество сделало аналогичное и, казалось бы, выгодное для эрцгерцога предложение,¹ а именно: произвести оценку всего подлежащего продаже объекта (причем указывалось, что одних запасов руды, обеспечивающих производство на год, имелось на 300 тыс. флор.), сделать скидку со всей стоимости оборудования и т. п. (исключая запасы) в размере 50% и произвести уплату товариществу установленной суммы в течение 4—5 лет путем реализации добываемой в рудниках меди. Добываемое серебро предлагалось употребить для финансирования добычи и плавки руды; при этом доказывалось, что в случае принятия эрцгерцогом такого метода расчета, он будет иметь возможность после 4—5 лет стать полным собственником предприятия, не затрачивая каких бы то ни было дополнительных средств. Конечно, выгодность была преувеличена, но нельзя не отметить, что в донесении палаты (из которого мы и узнаем об этом предложении) условия товарищества признаются приемлемыми («nit so gar beschwerliche conditionen»).

Специальная комиссия, образованная для проработки вопроса о целесообразности приобретения эрцгерцогом принадлежавших Дрейлингу горных участков, дала положительное заключение. В последнем представляют интерес следующие моменты: комиссия пишет: «иенбахцы, как видно из всего их поведения, думают о том, чтобы прекратить производство и какими бы путями в течение ближайших лет вырвать свои капиталы из горного дела («die Yerpacherischen wie bissher vnnnd noch aus allem irem furbringen vnd gepflegnen hanndlungen dahin verstanden worden, das sy nur auf das ab-vund einstellen vund dahin trachten, durch was weg vund mitl sy in etlich wenig jaren ir capital aus dem perg reissen vund alssdann danun steen mechten...»). На имеющихся пайщиков нельзя длительно рассчитывать, но вместе с тем нет надежды и перспективы, чтобы в современем вашей княжеской светлости рудники и все прочее перешло в руки даром, как об этом говорят».

Этот документ является дополнительным доказательством того, что объединившиеся в Иенбахское товарищество купеческие дома, в частности Фуггеры, держали линию не на то, чтобы удержать за собой и еще более сконцентрировать в своих руках горное дело, а на то, чтобы порвать с ним, однако так, чтобы спасти хотя бы в основном вложенный капитал.

В декабре 1571 г. сделка между эрцгерцогом и Дрейлингом была заключена.

Дальнейшая история Иенбахского товарищества полна постоянных конфликтов с эрцгерцогом на почве предъявления компанией

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 188, 189.

претензий на произвол горного управления, требований об уменьшении поборов и т. п. Небезинтересно, в частности, что в целях повышения прибыльности предприятия без прямого ущерба для правительства товарищество предложило эрцгерцогу пойти на дальнейшее ухудшение монеты; при этом эрцгерцогу был дан совет, провести эту меру так постепенно, чтобы «разница [между старыми и новыми монетами. *Е. Н.*] была так мала, чтобы простой человек (*der gemein mann*) не обратил на это внимания и монета тем легче имела хождение». ¹ 11 декабря 1576 г. решение о порче монеты было принято эрцгерцогом.

К 70-м годам XVI в. ярко выявляется безнадежность погашения Габсбургами своей все возрастающей задолженности; тем не менее Фуггеры вынуждены давать Габсбургам новые ссуды. Это еще более связывает их с горным делом: единственный способ вернуть себе какую-нибудь часть задолженности Габсбургов — это продолжать горное дело, с тем чтобы в счет погашения задолженности удерживать те суммы, которые причитались Габсбургам в силу регалии. Фуггеры уже не могли порвать с горным делом, и когда в 1574 г. один из трех участников Иенбахской компании — торговый дом «Гауг и Лангнауер» — обанкротился, то Фуггеры были вынуждены не только приобрести долю этого торгового дома в товариществе, но даже при всей стесненности их собственного финансового положения дать ему ссуду в несколько сотен тысяч, что, однако, не предотвратило банкротства. ²

Последний участник Иенбахской компании — торговый дом «Катцбек» — также обнаруживал стремление выйти из товарищества, и в конце концов в 1578 г. Фуггеры были вынуждены купить также и их участки и стать, таким образом, единственными владельцами иенбахского предприятия и единственными крупными предпринимателями в Тироле.

Тот факт, что Фуггеры приобретают доли тех участников Иенбахского товарищества, которые отказывались от дальнейшего участия в разработке рудников в Тироле, как будто противоречит высказанному выше положению, что Фуггеры, также как и другие крупные торговые дома того времени, стремились отойти от непосредственного участия в производстве. В частности относительно тех предложений, которые Фуггеры неоднократно делали эрцгерцогу о приобретении их предприятий, можно было бы допустить, что это просто маневр, имеющий целью выговорить себе лучшие условия от эрцгерцога. ³ Но такое предположение опровергается частично сохранившейся бухгалтерской отчетностью б. Иенбахского товарищества за 1585 г., ⁴ из которой мы достаточно ясно видим состояние дел предприятия.

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 200.

² Там же, стр. 204—205.

³ Кроме тех предложений, которые были упомянуты ранее, я имею в виду предложения, сделанные Фуггерами в 1583 и 1584 гг.

⁴ См. L. Scheuermann, ук. соч., стр. 262—273.

Мы имеем здесь итоговые годовые данные по всем отраслям деятельности б. Иенбахского товарищества — по всем рудникам, плавильням, толчеям, а также по торговле (продовольствие, сало, железо, ткани). Первое, что бросается в глаза при подробном рассмотрении бухгалтерских записей, — это то, что разработка рудников (добыча руды), как правило, за очень небольшими исключениями давала убыток. По богатейшему в свое время руднику в Фалькенштейне убыток за год составлял 1 477 флор., рудник в Эрбштоллене дал убыток в 651 флор., по Циглерскому руднику убыток составил 5 784 флор., по Раттенбергскому руднику убыток — 3 310 флор., рудник в Штерцинге дал убыток в 196 флор. Только два рудника закончили год с небольшой прибылью: рудник в Терлане, где прибыль составила 850 флор., и рудник в Имсте, по которому прибыль равнялась 762 флор. Наибольшую прибыль дали также две имевшиеся у Фуггеров толчей: толчей в Фалькенштейне — 568 флор. и толчей в Эрбштоллене — 231 флор. Плавильни дали прибыли: так, иенбахская плавильня дала прибыль в 3 978 флор., а раттенбергская — в 1 164 флор.; плавильня в Грасштейне свела баланс без прибыли и убытка.

Что касается торговых единиц, рассчитанных на обслуживание тех, кто занят в горном деле, то здесь данные следующие: 4 предприятия по торговле зерном свели свой баланс с прибылью, а именно: швацкое — 3 409 флор., раттенбергское — 791 флор., штерцингское — 405 флор., имстское — 78 флор. Предприятие в Галле (Hall) свело свой баланс без прибыли и убытка. Мельницы и пекарни дали годовую прибыль в 1 215 флор. Предприятия по торговле салом дали прибыль, а именно: торговля в Шваце — 1 890 флор., торговля в Раттенберге — 294 флор., торговля в Штерцинге — 50 флор. Торговое отделение в Имсте (торговля железом и салом) дало прибыли 52 флор. Наконец, швацкая торговля тканями дала прибыль в размере 2 529 флор.

Таким образом, мы видим, что за 1585 г. Фуггеры извлекли прибыль главным образом от торговли, от плавилен и толчей (5 941 флор.); убыток же (9 874 флор.) дала добыча руды.

Баланс 1585 г. до нас полностью не дошел. Правда, Шейерман тем не менее считает возможным на основании сохранившейся части и других данных, не вошедших в баланс (как, напр., оплата служащих и т. п.), сделать вывод, что общий убыток за год составил приблизительно 1 300 флор,¹ однако этот вывод далеко не является бесспорным. Но во всяком случае ясно — это то, что добыча руды в Тироле была для Фуггеров причиной крупных убытков, которые лишь отчасти покрывались прибылью, получавшейся от других связанных с горным делом предприятий. Это является достаточным доказательством того, что у Фуггеров не могло быть заинтересованности все глубже и глубже входить в горное дело и приобретать те

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 274.

рудники или части рудников, от которых отказывались другие купеческие дома.

Монопольными владельцами рудников в Тироле Фуггеры стали не в результате своего стремления вытеснить других владельцев и сосредоточить рудники в своих руках, а только потому, что они не могли отойти от горного дела: отказ от рудников ставил их под угрозу потерять не только то, что они вложили в горное дело, но и те большие суммы, которые ими одновременно были даны Габсбургам в виде ссуд. Ростовщические операции Фуггеров лишили их возможности порвать с горным делом так же, как это сделал целый ряд купеческих домов, рисковавших в данном случае почти только своими вложениями в горное дело.

Не порывая с горным делом, Фуггеры, однако, перестают вкладывать в него новые капиталы. Более того, как мы уже видели при рассмотрении балансов Фуггеров, они по возможности извлекают по частям вложенный в тирольские предприятия капитал, так же как они это делали в отношении самого аугсбургского торгового дома. Наконец, 8 марта 1657 г. Фуггеры отказались от дальнейшей разработки рудников в Тироле и безвозмездно передали правительству свои рудники.¹

Несколько слов о деятельности Фуггеров в той части, которая не охватывалась Иенбахским товариществом и оставалась в ведении так наз. «Proprioandel». Если еще в 1570/71 г. Фуггеры по рудникам, принадлежавшим так наз. «Proprioandel», имели прибыль в 15 289 флор., то затем мы наблюдаем снижение сумм прибыли. В 1572/73 г. она составляла 8 823 флор., в 1574/75 г. — 5 926 флор., в 1584/85 г. — только 241 флор., в 1586/87 г. — 271 флор. Начиная с 1588/89 г. мы до 1610 г., как правило, наблюдаем убыток (только в 1600/01 г. и в 1610/11 г. имелась прибыль), составивший в общем 51 825 флор. (при 13 930 флор. прибыли за 1600/01 и 1610/11 гг.). Затем после ряда лет, давших прибыль (Шейерман отмечает повышение цен на медь), начиная с 1614/15 по 1626/27 г. (прибыль 42 913 флор.), мы затем вплоть до 1640/41 г. видим убыток в 34 885 флор. (при прибыли в 434 флор., полученной в 1638/39 г.).² Уже в 1577 г. писали о Рерербюгельском руднике (основной рудник «Proprioandel»), что он находится в полном упадке.³ Рудники в Каринтии пришли в упадок еще раньше. В 1571/72 г. большинство рудников в Каринтии списывается со счета.

3. Фуггеры в Альмадене

Из производственных предприятий Фуггеров большое значение имели ртутные рудники в Альмадене (Испания). Однако ознакомление с этой отраслью фуггеровских предприятий крайне затруднено

¹ L. Scheuermann, ук. соч., стр. 374, 441—442.

² Сводку см. L. Scheuermann, ук. соч., стр. 470—471.

³ Там же, стр. 221.

тем, что, в отличие от других предприятий Фуггеров, по которым хотя бы частично имеются опубликованные документы, по испанским предприятиям опубликованных документов нет. Единственный из историков, который более подробно разработал архивные материалы о деятельности Фуггеров в Испании, Конрад Геблер,¹ этих материалов не опубликовал, а в самой работе он лишь отчасти касается тех вопросов, которые для нас в данном случае являются наиболее существенными, — вопросов организации производства. Последней он касается главным образом со стороны технической; в частности он на основании документов дает описание технической стороны производства в Альмадене.

В виду такого положения детальное изучение деятельности Фуггеров в части, касающейся их участия в добыче ртути в Альмадене, не является возможным, и я ограничусь приведением некоторых наиболее существенных моментов из этой отрасли фуггеровского производства в целях некоторой большей полноты освещения участия Фуггеров в горном деле.

Как уже было ранее указано, в 1525 г. Фуггеры впервые получили на откуп доходы «маэстразгос»; это было результатом той ссуды, которую Фуггеры дали Карлу V до избрания его на императорский престол. Несколько ранее Фуггеры стали арендаторами альмаденских ртутных рудников (принадлежали ордену Salatrava, имущество которого входило в так наз. «маэстразгос»). Эксплуатация ртутных рудников представляла значительную выгодность в связи с все возрастающим спросом на ртуть, применявшуюся для добычи серебра в Америке.

Так как, насколько известно, организация добычи и обработки ртути в XVI—XVII вв. является почти не освещенной, небезинтересно остановиться на тех данных, которые сообщает Геблер на основании донесений и ревизионных актов, касающихся альмаденских рудников.

Рудники в Альмадене разрабатывались еще римлянами, затем эксплуатация их была возобновлена арабами² и продолжалась в последующую эпоху. В результате этого рудники были использованы настолько, насколько это возможно при поверхностной добыче. Вопрос о возможности широкого развертывания производства в Альмадене вызывал в XVI в. большие споры. Как известно, ртуть содержится не отдельными тонкими жилами, как это обычно для серебряной руды, а образует внутри рудника компактные массы различного, иногда очень значительного объема. Для поверхностной добычи это очень выгодно, но когда стало необходимо перейти к закладке штолен, то это обстоятельство представляло значительную опасность для предприятия, требовало обширных и тщательных крепительных работ и вынуждало также оставлять горные породы

¹ K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien. Zeitschr. für Sozial-u. Wirtschaftsgeschichte, 1894 г.

² Там же, стр. 91; almaden — по-арабски рудник.

в качестве опоры. Выемка руды не представляла особых трудностей и производилась самым примитивным способом. В зависимости от ширины штольни в стенке при помощи молота и долота делался жолоб соответствующей длины и глубины; в нее затем вводились железные листы, между которыми имелись многочисленные клинья, при помощи которых затем вырубалась глыба руды. Вес глыбы колебался от 20 до 1 000 центнеров. Руда тут же предварительно разбивалась, сносилась в корзинах к одному из мест нагрузки, а отсюда на ослах доставлялась к поверхности.

Из необычной величины глыб можно составить себе представление о мощности рудника. Места, где жила принимала такие размеры, назывались «hurtos», каждый из которых получал свое особое название. Самый глубокий «hurtos», который разрабатывали Фуггеры до 1550 г. (до пожара, прекратившего эксплуатацию рудника), был Амбранский; он находился на глубине 202 локтей.

Фуггеры провели в альмаденских рудниках большие крепительные работы. Последние были тем затруднительнее, чем труднее было доставать строительный лес. Другую трудность составляла откачка воды. Для этой цели в фуггеровских рудниках применялась семиэтажная нагнетающая машина, извлекавшая воду из рудника. Она приводилась в движение человеческой силой.

Добытая руда в первое время эксплуатации рудника Фуггерами доставлялась в так наз. «cogral del Rey» — огороженное место неподалеку между рудником и альмаденским замком. Здесь она разбивалась в куски величиной с орех, затем смешивалась с мелкой сыроватой золой и клалась в большие глиняные тигли и затем ставилась на огонь. Тигли не должны были наполняться до краев, а под рудой, возможно ровно насыпанной и покрытой слоем черной золы, должно было оставаться пустое пространство вышиной в 2—3 пальца для того, чтобы ртуть, поднимаясь при нагревании в виде паров, осаждалась на этот слой золы. Приготовленные таким образом тигли, из которых каждый вмещал приблизительно 27 фунтов, закрывались герметически выпуклыми крышками с обмазкой щели глиной и затем ставились на печи.

Эти печи, выстроенные в большом числе около наружной стены так наз. «cogral», имели форму продолговатых сводчатых (в человеческий рост вышиной) сооружений с отвесной передней и задней стеной. Сводчатое покрытие печи имело три ряда отверстий (в каждом по шести); последние так соответствовали форме тиглей, что вся их округлая нижняя часть помещалась в печи и из нее высывался только край с крышкой. Нужно было заботиться о том, чтобы тигли плотно помещались на этих отверстиях и чтобы ни воздух, ни теплота не могли проникнуть наружу. Когда все было таким образом подготовлено, приступали к топке печей, обычно с вечера, и приблизительно в течение 12 часов держали их накаленными. Под влиянием жара ртуть подымалась в виде паров через золу в пустое пространство под крышками тиглей и затем оседала на золе в виде капель. Когда печь достаточно остывала, то тигли вынимались и от-

кывались; ртуть снималась железными ложками с золы, тщательно промывалась и выливалась в бассейн.

В связи с затруднениями в доставке топлива в дальнейшем печи перенесены в лес на расстояние нескольких километров от Альмадена.¹

Если мы имеем возможность получить достаточно полное представление о технической стороне ртутного производства в Альмадене, то по вопросу об организации труда мы располагаем только отдельными сообщаемыми Геблером сведениями. Эти сведения достаточны для того, чтобы возбудить интерес к проблеме организации труда в альмаденских рудниках, но совершенно недостаточны для того, чтобы в какой-либо мере эту проблему разрешить.

Сведения, имеющиеся по данному вопросу, сводятся к следующему.

Работа в штольнях сдавалась Фуггерами с подряда: штейгер, который получал подряд, имел 7—8 рабочих и получал 1 000—1 400 маравади² за 1 центнер руды. Расчет производился таким образом, что каждую субботу штейгер сообщал, сколько человеко-часов проработано в его штольне; бухгалтер выдавал сумму, необходимую для оплаты работавших; затем эта сумма засчитывалась штейгеру при сдаче им руды.³ Что представляли собою те, кто работали в штольнях, в каких отношениях они находились и к штейгеру и к владельцам рудника, равно как и то, кем являлся сам штейгер — субпредпринимателем или служащим Фуггеров, — все эти вопросы остаются совершенно неясными. Геблер, повидимому, считает способ добычи руды подрядным; это видно в частности из следующего его высказывания, относящегося уже к плавке руды: «В то время, когда Фуггеры сдавали также и плавку подрядно, они доставляли первоначально 18 [тиглей. *Е. Н.*] для каждой печи; из износа же, составлявшего 8 штук на каждую плавку, арендатор должен был возместить половину».⁴

При условии правильности сообщаемых Геблером сведений об организации плавильного дела последнее действительно должно было носить подрядную форму, и арендатор печи должен был, повидимому, представлять собою мелкого предпринимателя.

Геблер сообщает также, что на некоторых работах, в частности на крепительных работах, были заняты немецкие рабочие.⁵ Конкретно он указывает на тот факт, что для возобновления производства в 1562 г. из Германии было вывезено 70 рабочих дополнительно к тем, которые уже работали в Испании.

Наконец, работа Геблера содержит указание на частичное приме-

¹ Описание производственного процесса в Альмадене см. K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 97 и сл.

² 1 маравади — примерно 1/375 дуката.

³ K. Häbler, ук. соч., стр. 97—98.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ Там же, стр. 98, 142.

нение принудительного труда в альмаденских рудниках. Он сообщает, что в Испании практиковалось использование в рудниках рабов, морисков и преступников с галер для подъемных работ. По мнению Геблера, такого же рода рабочая сила использовалась и на работах по извлечению воды из рудника.¹

Все эти отдельные сведения приведены мною не для того, чтобы из них сделать какие-нибудь выводы по существу организации труда в альмаденских рудниках, а для того, чтобы показать, из какого сложного и совершенно не изученного комплекса вопросов складывается данная проблема.

Футгеры эксплуатировали альмаденские рудники до 1639 г., когда вспыхнувший пожар частично сделал продолжение работ невозможным. Это был второй значительный пожар в течение времени, когда Футгеры были арендаторами рудника. Первый вспыхнул в 1557 г., и в течение 13 лет добыча руды в Альмадене не производилась.

Причиной этих пожаров, как и более мелких пожаров, нередко случавшихся в рудниках, являлся самый способ освещения. В качестве средства освещения употреблялся род факела, состоявшего из скрученных веревок и волокон,² пропитанных маслом.

Характерно, что ни в 1557, ни в 1639 г. Футгеры не приняли никаких мер к спасению хотя бы части рудников. Более того, и в первом и во втором случае они затопили рудники. Предпринятая же после пожара 1639 г. правительством ревизия показала, что альмаденские рудники были преднамеренно запущены и до пожара и Футгерами не принимались никакие меры для обеспечения нормального хода работ.³ Если вспомнить, что Футгеры давно уже вели последовательно линию на ликвидацию торгового дома, то такой образ действий с их стороны вполне объясним.

После 1639 г. наступил период ликвидации торгового дома Футгеров. Рудники в Альмадене перешли в непосредственное ведение государства и затем были приобретены Ротпильдом.⁴

4. Выводы

Рассмотрев данные, которыми мы располагаем об участии Футгеров в горном деле, мы имеем возможность перейти к общим выводам по данному вопросу. Как мы видели, основным материалом, дающим возможность представить себе с сравнительно удовлетворительной полнотой деятельность Футгеров в части, связанной с горным делом, является материал о деятельности Футгеров в Тироле. Этот материал я и беру за основу при формулировке выводов. Это возможно потому, что те отдельные данные, которыми мы располагаем об участии Футгеров в горном деле вне Тироля (Венгрия, Каринтия, Испания), будучи сами по себе совершенно недостаточны для вы-

¹ К. Häbler, *ук. соч.*, стр. 99, 205.

² Там же, стр. 103 (Espartofasern).

³ Там же, стр. 221.

⁴ Там же, стр. 222.

водов, тем не менее не противоречат тому, что мы наблюдаем в Тироле, и не ставят под сомнение выводов, вытекающих из рассмотрения деятельности Фуггеров в Тироле.

Начну с вопроса о том, что вызывало проникновение капитала Фуггеров в горное дело.

Мы видели, что начало участия Фуггеров в горном деле Тироля было результатом ростовщических операций, осуществлявшихся ими по отношению к Сигизмунду Тиролю и затем к Габсбургам. В Испании аренда рудников в Альмадене также связана с ростовщическими операциями (ссуда, данная Карлу V при выборах его на императорский престол). В Венгрии мы такой непосредственной связи между проникновением капитала Фуггеров в горное дело и ростовщическими операциями не наблюдаем. Вложение капитала Фуггеров в горное дело в Венгрии было результатом той крупной торговли, которую Фуггеры в это время вели, и стремления к монополизации в своих руках этой торговли.

Связь между ростовщическими операциями и проникновением капитала Фуггеров в горное дело вытекает со всей определенностью из предшествовавшего изложения. Однако правильно ли было бы сделать отсюда вывод, что Фуггеры стали участвовать в горном деле только потому, что наилучшим обеспечением даваемых ссуд являлись металлы, что ростовщические операции были основной причиной проникновения капитала Фуггеров в горное дело? Полагаю, что такое заключение было бы неправильным для первого периода деятельности Фуггеров, периода подъема торгового дома, примерно до 40-х годов XVI в. Беря вопрос о проникновении Фуггеров в горное дело в общей связи с их деятельностью в данный период в целом (значительная международная торговля, усиленные попытки включиться в колониальную торговлю и т. п.), я считаю неправильным расценивать ростовщическую деятельность Фуггеров как причину вложения ими капитала в горное дело. Мне представляется, что помимо того, что горное дело обеспечивало наибольшую надежность возврата ссуженных средств, его значение для Фуггеров главным образом заключалось в том, что оно поставляло основной объект для крупной международной торговли, и именно в интересах развития своей международной деятельности Фуггеры стали вкладывать свои капиталы в горное дело. На этом этапе развития торгового дома Фуггеров ростовщические операции являлись не столько причиной, сколько средством овладения горным делом.

Иначе обстоит дело в более поздние периоды деятельности Фуггеров. Вся история деятельности Фуггеров в Тироле, начиная примерно с середины XVI в., показывает (и чем дальше, тем определеннее), что Фуггеры теряли заинтересованность в горном деле как таковом; ростовщичество стало не только основой их деятельности, но и всем содержанием ее. В этот период Фуггеры против своей воли вынуждены не только продолжать свою деятельность в области горного дела, но даже концентрировать его все в больших размерах в своих руках, потому что, порвав связь с горным делом, они риско-

вали потерять значительную часть своих капиталов. На данном этапе ростовщические интересы Фуггеров определяли и их участие в горном деле.

В каких же формах осуществлялось проникновение капитала Фуггеров в горное дело?

Как мы видели, оно осуществлялось в основном в двух формах: 1) в форме чисто торговой, без всяких элементов непосредственного участия в самом производстве, и 2) в таких формах, которые в большей или меньшей степени выражали непосредственное вложение капитала в само производство.

Из материала о деятельности Фуггеров в Тироле и Венгрии видно достаточно ясно, что первая форма предшествовала второй. До 1522 г. Фуггеры в Тироле ограничивались скупкой меди и серебра, используя свои ростовщические операции для достижения монопольного положения на металлургическом рынке. Даже Я. Штридер вынужден признать, что до 1522 г. участие Фуггеров в горном деле Тироля носило не промышленный, а купеческий характер,¹ что в основном производство развивалось без непосредственного участия Фуггеров.² Что же касается проникновения капитала Фуггеров в Венгрию, то и здесь операции по скупке металлов предшествовали вложению капитала в производство; в частности торговые связи, уже имевшиеся между Фуггерами и Турцо, привели Фуггеров к участию в производстве.

Однако было ли бы правильным считать, что заключение договора с бр. Турцо, состоявшееся в 1495 г., означает начало деятельности Фуггеров в Венгрии в качестве промышленных капиталистов, как это признают буржуазные историки? Так, Штридер, в частности, особо подчеркивает, что в отличие от того, что было в Тироле, деятельность Фуггеров в Венгрии с самого начала была производственной деятельностью. В противоположность такой точке зрения я полагаю, что такое утверждение не оправдывается фактическим материалом. Договор 1495 г. достаточно ясно свидетельствует о том, что Фуггеры по существу (а не формально) продолжали оставаться вне производства. Не они, а Турцо выступают в качестве организаторов производства; Фуггеры финансируют предприятие и осуществляют реализацию продукции, продолжая добиваться монопольного положения в торговле металлами. Только после расторжения договора с Турцо деятельность Фуггеров в Венгрии начинает носить производственный характер. Таким образом, и в Тироле, и в Венгрии Фуггеры в течение долгого времени выступают как торговые капиталисты, овладевающие горным делом, но не участвующие в самом производстве.³

Нельзя не отметить, что непосредственное участие Фуггеров в процессе добычи и обработки руды в основном относится не к пе-

¹ J. Strieder, Studien zur Geschichte kapital. Organisationsformen, стр. 27.

² J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 109.

³ Вопрос этот в применении к деятельности Фуггеров в Испании не может быть затронут за отсутствием данных.

риоду, когда деятельность торгового дома была наиболее значительной и многосторонней, а к периоду, когда его линия заметно шла уже не вверх, а вниз. Правда, производственная деятельность Фуггеров в Венгрии относится еще к тому времени, когда говорить об упадке торгового дома еще нельзя, но по существу только первые примерно 10 лет (с 1525 по 1535/36 гг.) этой деятельности относятся к эпохе расцвета деятельности Фуггеров (напомню, что уже баланс 1536 г. содержит показатели ухудшения положения торгового дома). Что же касается непосредственного участия Фуггеров в горном деле Тироля, Каринтии и Испании, то, начинаясь в 20-х годах XVI в., оно продолжается в течение всего дальнейшего существования торгового дома, т. е. относится главным образом уже к периоду упадка.

Обратимся к вопросу о том, в каких формах протекала сама производственная деятельность Фуггеров. Мы видели, что эти формы были различными. Рассмотрение организации добычи руды в Тироле показало, что отношения Фуггеров к рудокопам еще не были отношениями предпринимателей к наемным рабочим и не имели тенденции к тому, чтобы превратиться в отношения капиталистические. Мы не наблюдаем, чтобы участие Фуггеров в добыче руды вносило изменение в существовавший в Тироле способ разработки рудников. Иначе обстоит дело с рядом других видов работ. Мы видели, что на обработке руды (очистка и плавка руды) были заняты наемные рабочие; наемных же рабочих мы частично находим и на работе в рудниках, на крепительных работах и на подвозке руды. Так наз. «*Heugearbeiter*» мы имеем основание считать мануфактурными рабочими. Наконец, следует отметить те элементы использования субпредпринимательства, о которых мы имеем частично сведения (в Венгрии и, повидимому, в Тироле, Каринтии и Испании).¹

Таким образом, на вопрос о том, имелись ли в деятельности Фуггеров, связанной с горным делом, элементы превращения накопленного в торговле и ростовщичестве капитала в капитал промышленный, я считаю правильным ответить положительно. Эти элементы несомненно имелись налицо. Но не они являются определяющими, когда мы характеризуем деятельность торгового дома; ни на одном этапе его существования производственные операции не только не были основным содержанием деятельности Фуггеров, но всегда играли подчиненную роль по отношению к торгово-ростовщическим операциям торгового дома.

Заключение

Мы проследили, как развивалось содержание деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров на протяжении всей его истории, охватывающей свыше 200 лет. Восстановим в памяти основные моменты этого процесса.

¹ В отношении деятельности Фуггеров в Испании, как мы видели, возникает также представляющая значительный интерес проблема использования Фуггерами принудительного труда.

Подобно целому ряду крупных немецких купцов XV—XVI вв., Фуггеры вышли из ремесленников. Процесс возникновения данного торгового дома был, по существу, тем процессом, который мог бы привести к возникновению капиталистического производства путем, характеризуемым Марксом «как действительно революционизирующий путь, когда производитель становится купцом и капиталистом».¹

Но линия развития Фуггеров уже сравнительно рано начинает отклоняться от этого пути. Уже к 70-м годам XI в. мы видим со всей ясностью, что Фуггеры потеряли связь с ремеслом. В лице Фуггеров ремесло выделило купцов, но эти купцы отрываются от производства. Торговый дом Фуггеров становится крупнейшим купеческим домом не только Германии, но и Европы; Фуггеры, начав с торговли предметами, имеющими отношение к тому ремеслу, из которого сами они вышли, затем все более переключаются на торговлю вообще; они торгуют теми объектами, которые способны дать наибольшую прибыль, и в частности стремятся монополизировать в своих руках одну из наиболее выгодных отраслей торговли — торговлю металлами. Они делают неоднократные попытки включаться непосредственно в колониальную торговлю как средство интенсивного накопления капитала. Торговые и ростовщические операции приводят к тому, что Фуггеры начинают вкладывать частично свои капиталы в горное дело. Таково содержание деятельности торгового дома Фуггеров в течение конца XV и первой трети XVI в. Значительное место, которое уже и в этот период ростовщические операции занимают в деятельности Фуггеров, еще не дает нам права считать, что ростовщичество уже являлось основным, определяющим все развитие торгового дома моментом.

Но уже с 40-х годов XVI в. мы можем совершенно определенно констатировать изменение в направлении деятельности Фуггеров. Чем дальше, тем больше ростовщические операции становятся основными в деятельности торгового дома, вытесняя остальные ее стороны. Торговые операции все более и более заметно отступают на задний план и, наконец, к 60-м годам XVI в. теряют всякое значение, если не считать той сравнительно уже незначительной торговли металлами, которая была связана с непосредственным участием Фуггеров в горном деле. Эта сравнительно небольшая торговля, уже далекая в общем от стремления к монополии (о сохранении последней можно говорить лишь по отношению к торговле ртутью), не прекращалась в течение всего дальнейшего существования торгового дома, как не прекращалось и участие Фуггеров в горном деле. Но, как мы видели, участие Фуггеров в горном деле уже не являлось одним из моментов разносторонней, развивающейся в сторону подъема деятельности торгового дома, а было неизбежным дополнением тех ростовщических операций, которые стали основным содержанием деятельности Фуггеров.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, изд. 1930 г., стр. 258.

Несмотря на сохраняющиеся элементы производственной деятельности Фуггеров, частично носившей предпринимательский капиталистический характер, общая линия развития Фуггеров должна быть определена следующим образом: Фуггеры, крупные купцы, вышедшие из ремесла, превращаются не в промышленных капиталистов, а в ростовщиков. Это подтверждается всеми материалами истории данного купеческого дома.

Рассмотрение ростовщических операций Фуггеров показало достаточно ясно ту связь, которая объединяла интересы Фуггеров с интересами Габсбургов, и политическую роль Фуггеров, являющуюся выражением этой связи. Однако было бы ошибочным игнорировать то обстоятельство, что основание, на котором базировалась эта связь, было различным на разных этапах деятельности торгового дома.

Мне представляется, что моментом, объединявшим интересы Фуггеров с Габсбургами в конце XV в. и первой трети XVI в., являлось не ростовщичество как таковое (последнее было скорее средством сохранения и укрепления этой связи), а стремление к использованию всех возможностей для крупной международной и особенно колониальной торговли. Если же учесть, что политика поддержки Габсбургов (наиболее ярким проявлением которой была позиция Фуггеров и других крупных купеческих домов Германии во время борьбы за императорский престол между Карлом V и Франциском I) была характерной не только для Фуггеров, но и для целого ряда крупных немецких купцов данной эпохи, то этот момент приобретает особое значение. Поддержка, оказывавшаяся в этот период Габсбургам, выражала присущее немецкому купечеству в целом стремление удержать свои позиции, несмотря на происшедшее перемещение торговых путей. В этом стремлении найти выход из создавшегося положения, сохранить свое значение в международной торговле, использовать те новые источники накопления капитала, которые создали великие географические открытия, — вот та основа, которая объединяла в данный период интересы крупных купеческих домов Германии, и Фуггеров в частности, с интересами Габсбургов.

Иначе обстояло дело тогда, когда все эти попытки немецких торговых домов, в том числе и Фуггеров, оказались безуспешными, когда ход исторического развития все более и более выключал Германию из того, имевшего всемирноисторическое значение, процесса, который происходил в передовых странах Европы. В отличие от этих стран, накопленный в торговле и ростовщичестве капитал Германии не имел условий, необходимых для своего превращения в капитал промышленный. Прогрессировавший в Германии процесс консервации и усиления феодальных отношений, возможность которого дала победа феодалов в Великой крестьянской войне, наложил в частности свой отпечаток и на деятельность Фуггеров как крупнейших представителей немецкого купеческого капитала. Стремление этого капитала к самовозрастанию могло осуществляться

в основном только на базе старого способа производства, и в частности ростовщичество представляло для этого наибольшее возможности. Отсюда наблюдающееся все большее укрепление связи между Фуггерами и Габсбургами не только как объектом выгодного применения капитала, но и как представителями принципа неизбежности существующих общественных отношений.

Но развитие Фуггеров шло не только по линии превращения их в ростовщиков. Одновременно с этим процессом происходит другой характерный процесс, на котором необходимо остановиться.

При изучении балансов торгового дома Фуггеров я отметила наблюдавшийся рост его земельных приобретений, не вдаваясь в более подробное рассмотрение этого вопроса. Между тем для полноты уяснения процесса развития Фуггеров данный момент имеет существенное значение.

Уже в начале XVI в. Фуггеры начинают приобретать земельные владения. Эти приобретения осуществляются отчасти тем путем, что некоторые ссуды, которые давались Габсбургам, имели в качестве обеспечения земельные владения; поскольку же выкуп этих земель не происходил, то со временем эти земли перешли в полную собственность торгового дома. Наряду с этим Фуггеры производили также покупку земель. Уже в 1507 г. Фуггеры получили в залог от Максимилиана II графство и поместье в Вейсенгорне; в дополнение к этому ими были приобретены у Максимилиана же Пфаффенгофен, Марштеттен, Фусендорф, Дизакгаузен и Валленштеттен. В 1509 г. Фуггеры приобрели Шмихен; в 1514 г. они купили за 32 тыс. гульденов графство Виберах — владение Паппенгеймов. В 1538 г. было приобретено графство Бабенгаузен; ¹ в 30-х же годах были куплены деревни Винтербах, Диргабинген и др. ² В 1538 г. было также приобретено графство Глэтт (Glött). ³ Приобретение земель производилось и в более позднее время. Так, известно о том, что Отто Гейнрих Фуггер (род. 1592, умер 1644) приобрел Грисбах, Фравенск, Винкгаузен и Маценис (Mascenyss). ⁴ Известен и ряд других земельных приобретений Фуггеров — графство Пфирт, Альткирх, Иссенгейм, замки Бусианг и Вейнфильден, Гогенкрахен и Тауфкирхен. ⁵

Данный перечень, не претендующий на абсолютную полноту, все же достаточно ясно свидетельствует о стремлении Фуггеров к приобретению земельных владений. Приобретенные земли в течение долгого времени считались собственностью торгового дома и не распределялись между отдельными членами семьи Фуггеров. Но уже в балансе дома 1563 г. земельные владения не значатся.

¹ Siebmachers grosses und allgem. Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия I, стр. 22.

² Allgemeines histor. Lexicon, Leipzig, 1730 г., стр. 458.

³ Almanach de Gotha, Annuaire généalogique, diplomatique et statistique, 1927 г.

⁴ Allgem. histor. Lexicon, Leipzig, 1730 г., стр. 458.

⁵ Там же.

К этому времени они перешли в индивидуальную собственность отдельных Фуггеров.

Уже в начале XVI в.¹ Фуггеры были возведены в дворянство; в 1530 г.² они получили звание графов, а в 1534 г. — право чеканить золотую и серебряную монету. Имеются сведения, что эта привилегия была результатом ссуды, данной Фуггерами императору в связи с одним из его походов.³ В 1629 г. Фуггеры получили звание пфальцграфов с правом предоставления прав дворянства.⁴

Характерно, что Фуггеры долгое время не пользовались предоставленным им графским титулом; об этом в частности свидетельствуют надписи на могилах Фуггеров; так, напр., еще на могиле Антона Фуггера (ум. в 1560 г.) указания на его графский титул отсутствуют.⁵ Это показывает, что в этот период Фуггеры считали себя еще купцами, а не феодалами; в последующем же мы уже и в деловых документах встречаем указание на их графский титул.

То, что Фуггеры в конце XVI в. и в XVII в., еще в период существования торгового дома, уже перестают в основном рассматривать себя как капиталистов, подтверждается как сухими данными бухгалтерской отчетности, так и рядом сведений биографического характера. В конце XVI в. и в XVII в. мы встречаем многих Фуггеров в качестве епископов, приближенных императора, офицеров и т.п. В частности одного из Фуггеров (Отто Гейнрих Фуггер, граф Кархбергский и Вейсенгорский) мы встречаем в качестве полководца во время Тридцатилетней войны на стороне католической лиги; под его командование перешла армия Альтрингера после смерти последнего.

Однако и без привлечения биографического материала вопрос о направлении, в котором шло развитие Фуггеров, начиная со второй половины XVI в., является совершенно ясным. Одно только внимательное изучение бухгалтерских данных торгового дома Фуггеров показывает, что параллельно тому, как имевший в свое время международный престиж купеческий дом, осуществлявший в крупных масштабах свою многостороннюю деятельность, превращался в чисто ростовщическую организацию, векселя которой даже перестали приниматься на бирже, сами Фуггеры из представителей капитала превращались в феодалов. Доказанное выше систематическое изъятие средств из торгового дома означало уничтожение их как капитала и превращение их в обычное богатство потребительного типа.

Путь, который прошли Фуггеры в течение примерно двухвекового существования торгового дома, может быть охарактеризован как путь от «производителя, ставшего купцом», к крупному феодалу. Этот процесс развития Фуггеров был выражением процесса разви-

¹ О точной дате имеются расхождения.

² По другим сведениям, в 1514 г. — см. К. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 9.

³ Siebmachers, Grosses u. allgem. Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия I, стр. 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 23.

тия самой Германии, превращавшейся в страну «второго издания крепостничества», страну, отброшенную в своем историческом развитии на 200 лет назад.

Буржуазные историки создали легенду о Фуггерах как представителей раннего капитализма, посетителей прогресса, погибших по вине алчности Габсбургов и спасших ничтожные крохи из своего когда-то огромного богатства. Действительность, рассматриваемая с позиций марксистско-ленинских как единственно подлинно научных, разбивает эту легенду. В заключение же нельзя не отметить, что «ничтожные крохи», спасенные в свое время Фуггерами от алчности Габсбургов, дали возможность их потомкам сохранить свои титулы и богатства вплоть до последнего времени.¹

¹ По данным Готского альманаха 1927 г., в Германии сохранились три линии Фуггеров — одна княжеская и две графские (Fürsten Fugger von Babenhausen, Grafen Fugger von Kirchberg und Weissenhorn, Grafen von Glött) — Almanach de Gotha. Annuaire généalogique, diplomatique et statistique, 1927 г.

Ответственный редактор А. Г. Пригожин.

Технический редактор А. Ф. Добрынин.

Книга сдана в набор 16/VI 1934 г.

Подписана к печати 16/IX 1934 г.

ГАИМК № 25.

Тираж 2000 экз.

Ленгорлит № 25870.

Заказ № 1935.

Формат бумаги 62 × 94 см., 8¹/₄ авт. л. (82,4 тип. знаков в 1 бум. листе). Бум. листов 4¹/₈.